

Дело «Х и другие (X and Others) против Болгарии»¹

(Жалоба № 22457/16)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 2 февраля 2021 г.

По делу «Х и другие против Болгарии» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Роберта Спано, *Председателя Большой Палаты Суда*,

Линос-Александра Сицилианоса,

Йона Фридрика Кьельбро,

Ксении Туркович,

Пауля Лемменса,

Йонко Грозева,

Пауло Пинто де Альбукерке,

Фариса Вехабовича,

Дмитрия Дедова,

Юлии Антоанеллы Моток,

Карла Ранзони,

Георгия А. Сергидеса,

Марко Бошняка,

Тима Эйке,

Петера Пачолаи,

Марии Элосеги,

Раффаэле Сабато, *судей*,

а также при участии Мариалены Цирли, *Секретаря-канцлера Европейского Суда*,

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 15 января и 9 сентября 2020 г.,

вынес в последний указанный день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 22457/16, поданной против Республики Болгария в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) пятью гражданами Италии 16 апреля 2016 г. Председатель

Секции Суда, в которую было передано дело, затем Председатель Большой Палаты Европейского Суда удовлетворили ходатайства заявителей о неразглашении данных об их личностях (пункт 4 правила 47 Регламента Европейского Суда).

2. Интересы заявителей представлял адвокат Ф. Маучери (*F. Mauceri*), практикующий в г. Катании (*Catania*). Власти Болгарии были представлены Уполномоченной Болгарии при Европейском Суде Р. Николовой (*R. Nikolova*), сотрудницей Министерства юстиции Болгарии.

3. Пять первоначальных заявителей, семейная пара и их несовершеннолетние дети, жаловались в соответствии со статьями 3, 6, 8 и 13 Конвенции на сексуальные злоупотребления, жертвами которых трое детей предположительно стали во время их проживания в детском доме в Болгарии, а также на непроведение в связи с этим эффективного расследования.

4. Жалоба была передана в Пятую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 5 сентября 2016 г. жалобы, касающиеся утверждений о злоупотреблениях в отношении трех несовершеннолетних заявителей и непроведения в связи с этим эффективного расследования, были коммуницированы властям Болгарии. В соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Европейского Суда Председатель Секции Суда объявила неприемлемыми для рассмотрения по существу жалобы, поданные родителями от их собственного имени. Таким образом, начиная с этого дня жалоба касалась только жалоб трех детей, и только они будут указаны в качестве «заявителей» в настоящем Постановлении.

5. 17 января 2019 г. Палата Пятой Секции Европейского Суда в составе: Председателя Палаты Суда Ангелики Нуссбергер, судей Йонко Грозева, Андре Потоцкого, Шюфры О'Лири, Мартиньша Митса, Габриэль Кучко-Штадльмайер и Латифа Гусейнова, а также при участии Секретаря Секции Европейского Суда Клаудии Вестердийк, объявила оставшуюся часть жалобы приемлемой для рассмотрения по существу и единогласно постановила, что отсутствовало нарушение статей 3 и 8 Конвенции властями Болгарии.

6. 12 апреля 2019 г. в соответствии со статьей 43 Конвенции заявители ходатайствовали о пересмотре дела Большой Палатой Европейского Суда. 24 июня 2019 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила это ходатайство.

7. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен согласно положениям пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правилу 24 Регламента Европейского Суда.

8. Заявители и власти Болгарии представили в Европейский Суд дополнительные письменные замечания (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). Власти Италии, уведомленные о своем праве принять участие в рассмотрении

¹ Перевод с французского ООО «Развитие правовых систем».

² Настоящее Постановление вступило в силу 2 февраля 2021 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

настоящего дела (пункт 1 статьи 36 Конвенции и пункты 1 и 4 правила 44 Регламента Европейского Суда), не выразили намерения воспользоваться этим правом.

9. Публичное слушание по делу было проведено во Дворце прав человека в г. Страсбурге 15 января 2020 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

– со стороны властей Республики Болгария:

Р. Николова,

И. Станчева-Чинова (*I. Stancheva-Chinova*), представительницы,

И. Сотирова (*I. Sotirova*), советник по правовым вопросам, сотрудница Министерства юстиции Болгарии, консультант;

– со стороны заявителей:

Ф. Маучери, адвокат, консультант,

Р. Галанте (*R. Galante*),

П.С. Бак (*P.S. Bach*), психологи, Центр терапии отношений, консультанты.

Европейский Суд заслушал выступления Ф. Маучери, Р. Николовой и И. Станчевой-Чиновой, а также их ответы на вопросы судей. Р. Галанте и П.С. Бак также ответили на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ПРЕДЫСТОРИЯ ДЕЛА

10. Заявители являются братом и двумя сестрами. Они родились в Болгарии. Х (далее – заявитель) родился в 2000 году, Y (далее – первая заявительница) родилась в 2002 году, а Z (далее – вторая заявительница) – в 2003 году. Поскольку мать их бросила, они сначала были помещены в учреждения для детей младшего возраста, затем – в учреждение для детей, оставшихся без попечения родителей, расположенное в одном из сел Великотырновской области (далее – детский дом).

11. В 2010 году заявители были включены в список детей для усыновления с утратой правоотношений с родственниками, затем – для международного усыновления. В 2011 году пара из Италии подала заявку на их усыновление через специализированную ассоциацию «Амичи деи Бамбини» (*Amici dei Bambini*) (далее – AiBi), находящуюся в г. Милане. Будущим приемным родителям, которые работали в кооперативе, специализирующемся на оказании психиатрической и социальной помощи, в то время было от 45 до 50 лет. В январе 2012 года они отправились в Болгарию и несколько раз встречались там с заявителями, которых в итоге усыновили.

12. После принятия решения об усыновлении заявители в июне 2012 года переехали жить в Италию. В это время им было соответственно 12, 10 и 9 лет.

13. В первом отчете по результатам усыновления, подготовленном ассоциацией AiBi 27 сентября 2012 г., указывалось, что интеграция детей в семью проходит успешно, за исключением нескольких эпизодов агрессивного поведения младшей девочки Z в отношении ее приемной матери, которую Z укусила. Трое детей пошли в школу, и только X, старший ребенок, столкнулся с трудностями в учебе.

II. УТВЕРЖДЕНИЯ ЗАЯВИТЕЛЕЙ О СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ, ДОПУЩЕННОМ В ОТНОШЕНИИ НИХ

A. Первые признания заявителей

14. 30 сентября 2012 г. после ссоры с братом вторая заявительница пожаловалась на его поведение, обвинив его в прикосновениях к ней сексуального характера. После этой жалобы и признаний, сделанных тремя детьми в тот момент, приемные родители связались с ассоциацией AiBi. Встреча с психологом и педагогом ассоциации состоялась 2 октября 2012 г. По результатам этой встречи был составлен отчет (см. ниже § 53, что касается передачи экземпляра этого документа органам власти Болгарии). Впоследствии родители заявителей, утверждавшие, что соответствующий отчет был сфальсифицирован, обратились с заявлением о возбуждении уголовного дела. Результаты рассмотрения этого заявления не были сообщены, но составленная полицией записка свидетельствует о том, что содержащиеся в отчете подписи не соответствовали образцам подписей, предоставленным лицами, указанными в качестве авторов этого документа, а некоторые абзацы в нем были добавлены. Из отчета следовало, что дети рассказали родителям, что прибежали между собой к некоторым практикам сексуального характера, свидетелями которых родители, однако, не были. Родители, чрезвычайно потрясенные и расстроенные этими признаниями, рассматривали возможность отправить заявителя, которого они считали ответственным за сложившуюся ситуацию, обратно. Психолог посоветовала им вместо этого обратиться за психологической помощью. После некоторых колебаний родители согласились, но отец высказал пожелание, чтобы это происходило за пределами города их проживания в целях защиты их частной жизни. Трое детей, первоначально самостоятельно встретившиеся с педагогом, рассказали, что совершили «глупость», играя в игру, «в которую не следовало играть», но в которую играли все дети детского дома. Они сказали, что боятся, что заявитель будет отправлен в Болгарию.

15. После получения информации о специалистах, способных вмешаться в подобную ситуацию, родители обследовали детей у двух психологов – специалистов по вопросам насилия в отношении

несовершеннолетних, которые работали в Центре терапии отношений, расположенном более чем в 100 километрах от города их проживания. Беседы между психологами, родителями и детьми состоялись в октябре и ноябре 2012 года, затем в отношении детей было организовано регулярное наблюдение.

В. Отчет психологов Центра терапии отношений от 31 октября 2012 г.

16. Первый касающийся заявителей отчет, озаглавленный «Психологические заметки», был составлен психологами 31 октября 2012 г. Данный отчет не воспроизводит *in extenso* заданные вопросы и ответы заявителей, а представляет собой краткий отчет, включающий также комментарии психологов (что касается подробного изложения этих первых бесед с психологами, см. протокол, составленный полицией и кратко изложенный ниже в § 23 и последующих). Из него следует, что психологи общались с родителями, затем с детьми 11 и 18 октября 2012 г. Беседы с заявителями, квалифицированные как «терапевтические сеансы», проводились в соответствии с методиками, рекомендованными для детей, ставших жертвами злоупотреблений (см. ниже § 22), и были засняты на видео.

17. Согласно этому отчету, родители сообщили, что в течение первых трех месяцев, до произошедшего 30 сентября инцидента, у них не было каких-либо проблем с детьми, за исключением младшей девочки Z, которая, по их словам, закрывала дверь на ключ, когда находилась в ванной комнате, и кусала свою приемную мать.

18. В отчете отмечалось, что заявитель, принятый психологами после родителей, с трудом говорил по-итальянски и попросил, чтобы его приемный отец присутствовал во время беседы. Тот помог ребенку объяснить, что он хотел сказать.

19. Из отчета следовало, что заявитель рассказал, как один мальчик из детского дома, D., ночью прикасался к некоторым из самых маленьких детей, а другие дети должны были смотреть на это, сидя в кругу, как будто участвуя в каком-то ритуале. В отрывках рассказа заявителя, процитированных дословно, он односложно описывал соответствующие действия. Он говорил, например, что «[D.] заставлял детей облизывать ему попу и ступни, а потом бил их», «он писал им в рот, а затем сзади». Заявитель сказал, что сообщил об этих фактах заведующей детским домом, которую он называл E. (о путанице, связанной с этим именем, см. ниже § 32), и она заверила его, что сообщит об этом в полицию, если это повторится. Заявитель признался, что играл в игры сексуального характера со своими сестрами даже после их прибытия в Италию: «я написал в рот Z и лизал ее попу, затем Y сказала мне потрогать то место, которым она писает, затем она сделала то же со мной, и я засу-

нул палец ей в попу». Он несколько раз повторил «это по моей вине». Заявитель добавил, что смотрел, как его сестра (первая заявительница) «занимается сексом» с мальчиком из детского дома.

20. В отчете указывалось, что заявительницы были заслушаны вместе. На вопрос психолога о возможных проблемах дома Y ответила: «X трогал мою попу, затем попу Z и написал ей в рот».

21. В отношении первой заявительницы в отчете отмечалось следующее: «По-видимому, Y пережила всё это как игру и не придавала событиям негативного оттенка: “Я увидела, как M. и B. занимались сексом, и я сделала это с [моим братом]”». В отчете уточнялось, что в то же время обе сестры, казалось, беспокоились о своем брате, который неоднократно являлся жертвой насилия: «X получал больше ударов, меня не так сильно били». В отчете не указывалось, кто мог наносить эти удары. В отчете сообщалось, что вторая заявительница чуть позже вмешалась в разговор, чтобы рассказать о другой ситуации, когда дети из детского дома были, по-видимому, приведены на «дискотеку», где они танцевали и куда затем пришли какие-то мужчины и «играли» с ними в комнатах. Вторая заявительница, по ее словам, была единственной, кто сопротивлялся: «Я громко закричала и ударила его».

22. В отчете говорилось, что в ходе бесед заявители использовали анатомических кукол, которых психологи дали им, чтобы показать описываемые ими сцены. Психологи пришли к выводу, что дети умели проводить различия между фантазиями и реальностью, между ложью и правдой, изложили рассказы, по-видимому, заслуживающие доверия и не сформированные под влиянием извне, структурированные в пространстве и времени. В отчете уточнялось, что, поскольку дети считали такое поведение нормальным или как минимум допустимым, психологи рекомендовали им пройти сеансы психотерапии в сочетании с образовательной поддержкой родителей.

С. Протокол бесед с психологами, составленный полицией на основе видеозаписей

23. Первые беседы заявителей с психологами были также предметом протокола, составленного 25 марта 2013 г. судебной полицией при прокуратуре по делам несовершеннолетних R. на основе видеозаписей, сделанных психологами (см. ниже § 81). Этот протокол представляет более подробным, чем отчет психологов от 31 октября 2012 г.

24. Из данного протокола следует, что отец заявителей присутствовал при беседе, проведенной с заявителем 11 октября 2012 г., и периодически принимал участие в разговоре.

25. В протоколе указано, что в ходе этой беседы заявитель рассказал, что по ночам один из стар-

ших мальчиков D. включал свет и заставлял детей садиться на пол. В протоколе уточнялось, что заявитель не мог толком объяснить, что произошло, но при помощи анатомических кукол показал, что по приказу D. одна девочка лизала интимные части тела другого мальчика. D. также ударил девочку кулаком по лицу. Он сказал другим детям не смотреть, но заявитель, тем не менее, взглянул на происходящее. Мальчик был голым, а другие дети – нет. Заявитель сообщил об этом заведующей Е. (о путанице, связанной с этим именем, см. ниже § 32), которая отругала D., угрожая ему вызовом полиции, если это повторится. Согласно рассказу заявителя, D. плохо обращался со всеми детьми, но воспитатели ничего не замечали. Так, D. заставил одного мальчика лизать ему ступни и наносил ему удары; он ударил заявителя, «написал [ему] в рот» и «в попу, когда он спал», а также «ввел пенис [ему] в попу, что причинило ему боль». D. делал это только с ним и еще с одной маленькой девочкой. Другой мальчик, G., также «написал [ему] в рот и попу» и бил других детей. Женщины из детского дома сказали, что нехорошо бить других.

26. Согласно протоколу, заявитель рассказал, что после их прибытия в Италию он «написал в рот и попу» своей сестре Z, а другая сестра, Y, сказала ему потрогать интимные части ее тела, а он предложил ей сделать то же самое с ним. В итоге он добавил, что в Болгарии G. «занимался сексом» с его сестрой Y против ее воли.

27. Затем психологи выслушали обеих сестер. Из протокола следует, что отец во время беседы находился в комнате, но в разговоре не участвовал. Первая заявительница рассказала об инциденте, имевшем место 30 сентября 2012 г.: она попросила брата «потрогать ей попу», и он «засунул палец ей в попу», он сделал то же самое с их младшей сестрой и «написал ей в рот». Вторая заявительница подтвердила слова своей сестры.

28. В протоколе говорится, что, когда психолог спросила у нее, происходили ли подобные вещи в детском доме в Болгарии, первая заявительница ответила утвердительно и сказала, что она «занималась сексом» со своим братом и с другими детьми. Она упомянула двух мальчиков, D. и G., но утверждала, что с ними она ничего не делала. Обе девочки сообщили, что их били, но больше избивали их брата. Первая заявительница добавила, что видела, как мальчик В. и девочка М. «занимались сексом», и брат сказал ей, что они тоже могут этим заняться.

29. В соответствии с этим же протоколом в ходе второй беседы с обеими сестрами, которая состоялась 18 октября 2012 г., психолог предложила первой заявительнице поделиться тем, что она сказала своему отцу по поводу дискотеки. Y рассказала, что танцевала с мальчиком Br. на дискотеке, а ее брат и сестра тоже танцевали в парах с другими детьми. Она добавила, что после этого они съели торт

и пошли спать. Психолог спросила, что они делали после этого. Y ответила, используя анатомических кукол, что она «занималась сексом» с мальчиком, с которым танцевала, что он был на ней и ей было больно. Она сказала, что в какой-то момент толкнула его и он закрыл ей рот. Первая заявительница сообщила, что в дальнейшем делала то же самое с другими мальчиками. Она уточнила, что они трижды ходили на дискотеку.

30. Вторая заявительница указала, что никто не делал с ней таких действий и что она кричала своей сестре и Br., что это нехорошо. Обе сестры утверждали, что другие девочки из детского дома, даже самые маленькие, делали это.

31. В протоколе также кратко изложена беседа с заявителем, которая состоялась 5 ноября 2012 г. в присутствии его отца, которому мальчик, по-видимому, сообщил новые сведения. Психолог начала успокаивать заявителя, говоря ему, что это не он плохой, а взрослые, которые научили его делать «некоторые вещи». Тогда заявитель упомянул одного мужчину N., а также другого – Ма., который, по его словам, избил его сестру тростью.

32. Как следует из протокола, психолог спросила мальчика, помнит ли он, что «взрослые» делали в детском доме. Заявитель ответил, что они несколько раз ходили на дискотеку и взрослые танцевали с ними. Его сестра Y рассказала ему, что N. заставил ее «заниматься сексом» в ванной комнате. Заявитель сообщил об этом социальному работнику детского дома E.D. (которая первоначально была ошибочно представлена как заведующая, см. выше §§ 19 и 25), которая рассказала об этом заведующей. N. пообещал больше этого не делать, но, тем не менее, опять сделал это.

33. Тогда отец заявителей сказал, что N., которого он считает одним из сотрудников детского дома, сначала надругался над заявителем, затем над другими детьми, и другие взрослые, по его мнению, также были вовлечены в это. Заявитель затем назвал имена этих взрослых: K., Da., O. и P.

34. Как следует из протокола, заявитель рассказал, что N. заставил его «заниматься сексом» в ванной комнате, ввел свой половой орган «ему в попу» и «написал ему в рот». K. и Da. сделали с ним то же самое. Он добавил, что некоторые «женщины» из детского дома «занимались сексом» с детьми, и он занимался этим с одной из них, и когда он плакал, она его ударила. Наконец, заявитель сообщил, что полиция приходила один раз в детский дом и один раз в школу, чтобы поговорить с детьми, но он ничего не сказал, поскольку это больше не повторялось.

D. Звонки отца заявителей в «Телефоно Адзурро» (*Telefono Azzurro*)

35. 6 ноября 2012 г. отец заявителей позвонил по итальянскому номеру телефона доверия для

детей, находящихся в опасности, организованному общественной ассоциацией «Телефоно Адзурро». Согласно подробной записи разговора, подготовленной консультантом, отец сообщил, что заявители рассказали наблюдающим за ними психологам о фактах серьезных, по его мнению, сексуальных злоупотреблений в отношении них и всех детей детского дома, в котором они жили в Болгарии. Он уточнил, что заявители назвали виновными в предполагаемых злоупотреблениях восьмерых взрослых, а именно пятерых мужчин, выполнявших различные работы в этом учреждении, и трех женщин, занимавшихся детьми. Отец добавил, что заявители также упомянули злоупотребления и извращенные, по его словам, сексуальные практики со стороны не имеющих отношения к детскому дому взрослых на какой-то дискотеке во время каникул, организованных детским домом. По словам отца, заявители также рассказали, что факты насилия и сексуальных злоупотреблений среди детей, когда старшие жестоко обращались с младшими, систематически имели место в детском доме по ночам, когда дети находились без присмотра персонала, спавшего этажом выше.

36. Заявитель рассказал, что впервые стал жертвой насилия в возрасте шести лет. Он был изнасилован неким N. – одним из рабочих в детском доме. После этого он пожаловался заведующей, которая, по-видимому, вызвала полицию. Перед сотрудниками полиции X, однако, отказался от своих обвинений, так как N. угрожал ему и ударил его по лицу.

37. Кроме того, согласно записи разговора, отец заявителей просил посоветовать ему действия, которые необходимо предпринять. Была затронута возможность проинформировать прокуратуру г. Милана, где находится штаб-квартира ассоциации AiBi, выступившей посредником при усыновлении, а также Итальянскую комиссию по вопросам международного усыновления (CAI), расположенную в г. Риме и являющуюся центральным органом, назначенным в соответствии с Гаагской конвенцией о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления¹. Отец заявителей пояснил, что не хочет обращаться в судебные органы по месту жительства семьи в целях сохранения анонимности своих детей.

38. В ходе нового звонка от 15 ноября 2012 г. отец заявителей сообщил, что после консультации со знакомыми адвокатом и прокурором он не хочет обращаться в суды Италии, так как, по его мнению, они не обладают юрисдикцией для рассмотрения дела, и он хочет избежать вмешательства в частную жизнь семьи. Он указал, что рассказал о признаниях заявителей представительнице ассоциации AiBi из г. Милана, которая сказала ему, что никогда не слышала о столь серьезных фактах и сообщит о них

«местным органам власти», не уточнив при этом, каким именно.

39. Заявитель² спросил, может ли ассоциация «Телефоно Адзурро» оповестить средства массовой информации, но консультант обратила его внимание на риск посягательства на частную жизнь семьи и добавила, что на этом этапе важно довести дело до сведения властей.

40. В ходе еще одного звонка от 20 ноября 2012 г. отец заявителей указал, что попытался позвонить по номеру «горячей линии» по вопросам защиты детей в Болгарии и, следуя данному ему совету, отправил по электронной почте письмо в Национальное агентство по защите детей в Болгарии, но ответа не получил (см. ниже § 42). Он сообщил, что заявители рассказали о новых эпизодах злоупотреблений, из которых следует, что дети из детского дома подвергались охарактеризованным им как извращенные сексуальным практикам. Заявители также назвали имена десяти виновных: семерых мужчин и трех женщин.

41. В ходе звонка от 26 ноября 2012 г. была достигнута договоренность о том, что ассоциация «Телефоно Адзурро» предупредит прокуратуру г. Милана, а отец заявителей обратится в Комиссию по международному усыновлению Италии, а также в Министерство юстиции Болгарии, являющиеся центральными органами, отвечающими за международное усыновление в обеих странах.

Е. Информирование органов власти Болгарии

42. 16 ноября 2012 г. приемный отец заявителей отправил Национальному агентству по защите детей в Болгарии по электронной почте письмо с просьбой дать ему номер телефона, по которому можно позвонить, чтобы сообщить о фактах злоупотреблений в детском доме. Он не сообщил ни подробностей, ни даже названия соответствующего учреждения, но его собственное имя значилось в его электронном адресе.

43. В тот же день ассоциация «Телефоно Адзурро» отправила по электронной почте письмо Центру Надя (*Nadja Centre*) – болгарскому фонду, специализирующемуся на защите детей, находящихся в опасности, и управляющему номером национальной «горячей линии», и уведомила его о том, что с ней связался гражданин Италии, усыновивший в Болгарии троих детей и желающий сообщить о тяжком насилии, которому подверглись дети. Сообщение не содержало ни имен заявителей, ни каких-либо подробностей, позволяющих их идентифицировать. 20 ноября Центр Надя передал это сообщение Национальному агентству по защите детей. 23 ноября Национальное агентство

¹ Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления, принятая в г. Гааге 29 мая 1993 г. (примеч. переводчика).

² Так в тексте. Вероятно, имеется в виду отец заявителей (примеч. переводчика).

по защите детей уведомило о нем Министерство юстиции Болгарии, указав, что, не зная ни имен детей, ни названия соответствующего учреждения, оно не может провести проверку. Оно просило Министерство юстиции Болгарии провести расследование в рамках своих полномочий.

44. Письмом от 23 ноября 2012 г., составленным на болгарском языке, отсканированным и отправленным по электронной почте отцу заявителей 26 ноября 2012 г., Национальное агентство по защите детей уведомило его о том, что оно было проинформировано о его сообщении о предполагаемых злоупотреблениях, но ему требуется предоставить дополнительную информацию, в частности название соответствующего учреждения и болгарские имена детей, чтобы иметь возможность провести проверки. Отец ответил, что не понимает это электронное сообщение, и просил отправить ему его в форме файла в формате Word, чтобы он мог его перевести. Ни одной из сторон каких-либо дальнейших мер в связи с этой перепиской не принималось.

Г. Жалобы, адресованные органам власти Италии

45. 22 ноября 2012 г. родители заявителей направили в Комиссию по международному усыновлению при Президиуме Совета министров Итальянской Республики (далее – Комиссия по международному усыновлению) жалобу, в которой изложили факты, упомянутые в отчете психологов Центра терапии отношений от 31 октября 2012 г., а также факты, уже представленные ассоциации «Телефоно Адзурро» (см. выше §§ 16–22 и 35–41). Они сообщили, в частности, имена семерых мужчин, в том числе N., и четырех женщин, которые, по их словам, были названы заявителями виновниками насилия, и пояснили, что некоторые из них были сотрудниками детского дома, а другие не имели к нему никакого отношения. Родители утверждали, что детей из детского дома группами вывозили «на каникулы» в село, где они посещали место, называемое ими «дискотекой», и где они подвергались домогательствам и сексуальному насилию со стороны лиц, не имеющих отношения к детскому дому. Заявитель был вынужден присутствовать при изнасиловании его сестер. Впоследствии дети, оставленные в детском доме ночью без присмотра, воспроизводили с самыми младшими детьми поведение, жертвами которого они стали сами.

46. Кроме того, 1 декабря 2012 г. ассоциация «Телефоно Адзурро» передала прокурору г. Милана записи телефонных разговоров с отцом заявителей, его письмо, в котором он излагал предполагаемые факты, и отчет психологов Центра терапии отношений от 31 октября 2012 г.

47. В своем письме отец заявителей утверждал, что все дети из детского дома подвергались жесто-

кому обращению со стороны сотрудников (были указаны имена 11 из них: восьми мужчин и трех женщин). Во время нахождения в центре отдыха детей вывозили на «дискотеку», где сотрудники персонала и лица, не имеющие отношения к детскому дому, принуждали их к охарактеризованным им как извращенные сексуальным практикам; заявитель был вынужден присутствовать при изнасиловании его сестер, а по ночам дети старшего возраста воспроизводили это поведение и совершали надругательства над самыми младшими. Отец уточнил, что по ночам в детском доме дети оставались без присмотра и не были разделены, а весь персонал, включая заведующую, знал о совершаемом насилии. По словам отца, заведующая была проинформирована об этих злоупотреблениях, но ограничилась тем, что отругала детей, которых считала виновными. Директор и представительница ассоциации AiBi в Болгарии, помимо этого, предупредили заявителей о том, что они не должны рассказывать своим будущим приемным родителям о том, что произошло, добавив, что, если они сделают это, то родители могут отправить их обратно в детский дом.

48. 21 декабря 2012 г. отец заявителей также связался с подразделением полиции Италии, специализирующимся на борьбе с детской порнографией в Интернете, и сообщил ему об утверждениях заявителей, подчеркнув, что жестокое обращение, которому они подверглись, было заснято на видео людьми, лица которых были скрыты капюшонами. Он представил этому подразделению отчет психологов от 31 октября 2012 г., жалобу, поданную в Комиссию по международному усыновлению, а также список профилей предполагаемых виновников в сети Facebook и список предполагаемых жертв из числа детей, уточнив, что некоторые из них были усыновлены в Италии. Заявители не указали, какие меры были приняты по этой жалобе.

49. 8 января 2013 г. ассоциация «Телефоно Адзурро» передала прокурору г. Милана дополнительную информацию, предоставленную отцом заявителей и касающуюся других фактов насилия над детьми. Как следует из этих рассказов, детей из детского дома вывозили на частные квартиры, где присутствовали мужчины и некоторые из работавших в детском доме женщин, в том числе вышеупомянутый N., фотограф и его супруга, и где дети предположительно подвергались сексуальному насилию. Лица взрослых были скрыты капюшонами, а сцены насилия снимались и транслировались на экран. Заявители наряду с этим указали, что подобное жестокое обращение происходило в туалетах детского дома и также снималось на видео. Отец заявителей жаловался, кроме того, на отношение ассоциации AiBi, которую он упрекал в неоказании ему поддержки, которой он ожидал.

**Г. Статья, опубликованная
в еженедельнике «Эспрессо»**

50. Отец заявителей, кроме того, связался с занимающимся расследованиями итальянским журналистом. 11 января 2013 г. еженедельник «Эспрессо» опубликовал статью под названием «Болгария: в логове людоедов» (*Bulgaria, in the ogres' den*) (версия которой появилась в Интернете под заголовком «Болгария: в логове педофилов» (*Bulgaria, in the paedophiles' den*)), в которой сообщалось об утверждениях отца заявителей, однако ни имена заинтересованных лиц, ни название соответствующего детского дома упомянуты не были. В статье сообщалось, что десятки детей из детского дома, в который заявители были помещены в Болгарии, подвергались систематическому сексуальному насилию со стороны сотрудников персонала и не имеющих отношения к детскому дому лиц, в частности, на дискотеках, проходивших на загородной базе отдыха. В статье описывались организованная сеть, акты педофилии и насилия, в частности угрозы оружием, совершенные мужчинами в масках, и отмечалось, что сцены снимались на видеокамеру. В статье указывалось, что самые младшие дети являлись жертвами одного из самых старших детей, который входил в их спальню по ночам, и что заявитель сообщил об этих действиях заведующей детским домом, которая, по всей видимости, ничего не сделала, чтобы положить им конец. Автор статьи добавил, что посетил Болгарию в декабре 2012 года и может подтвердить существование описанных заявителями мест и людей, которые соответствовали, по его словам, их рассказу. Он отметил, что встречался с представителями местной полиции, которые сказали, что ничего не знают. Он уточнил, что психологи сочли рассказы заявителей заслуживающими доверия.

51. Начиная с 12 января 2013 г. статья, опубликованная в еженедельнике «Эспрессо», была воспроизведена в нескольких средствах массовой информации Болгарии.

**III. МЕРЫ, ПРИНЯТЫЕ ОРГАНАМИ
ВЛАСТИ БОЛГАРИИ И ИТАЛИИ**

**А. Первые расследования и первая
доследственная проверка,
начатые в Болгарии**

52. После сообщений, отправленных отцом заявителей и Центром Надя (см. выше §§ 42–44), и публикации в болгарских средствах массовой информации сведений, сообщенных в статье еженедельника «Эспрессо», Национальное агентство по защите детей провело проверки, позволившие ему установить личности заявителей.

53. Одновременно с этим Министерство юстиции Болгарии связалось с ассоциацией AiBi, назва-

ние которой было упомянуто в журнальной статье. 14 января 2013 г. эта ассоциация проинформировала Министерство юстиции Болгарии о личностях заявителей и отправила ему два отчета, составленные соответственно 27 сентября и 3 октября 2012 г. (см. выше §§ 13 и 14). Министерство юстиции Болгарии передало эту информацию Национальному агентству по защите детей.

54. 14 января 2013 г. председатель Национального агентства по защите детей дал указание провести проверку в детском доме. Она была проведена 14 и 15 января 2013 г. соответствующим региональным управлением по правам ребенка. Согласно отчету, составленному инспекторами 21 января 2013 г., в том виде, в каком он был передан Европейскому Суду (в документе не содержится приложений и не уточняется, были ли составлены протоколы или сделаны аудио- или видеозаписи опросов), ими были проверены ведение документов и безопасность зданий. Инспекторы поговорили с мэром коммуны, который отвечал за управление детским домом, а также с заведующей, лечащим врачом, социальным работником, психологом, медсестрой и другими сотрудниками, которые на момент проведения проверки находились на дежурстве. Инспекторы в своем отчете утверждали, что заслушали детей группами по четыре или пять человек в ходе неформальных бесед, которые последовательно были ориентированы на вопросы, касающиеся возможных актов насилия или нежелательных физических контактов. Старшим воспитанникам, умеющим читать и писать, выдали анонимные анкеты, которые они могли заполнить, все так же, согласно отчету, без присутствия сотрудников персонала. Эта анкета, разработанная Национальным агентством по защите детей в качестве инструмента помощи при проведении расследований, касающихся детей, проживающих в учреждениях, включала семь вопросов, большинство – с несколькими вариантами ответа, посредством которых детям предлагалось сказать, подвергались ли они оскорблениям или актам насилия, или дотрагивался ли кто-нибудь до их тела «непонравившимся [им] образом», и знают ли они, к кому обратиться в случае возникновения проблемы.

55. По данным этого же отчета, на момент проведения проверки в детском доме проживали 52 ребенка: 24 девочки и 28 мальчиков. При этом 21 ребенку было тогда от двух до семи лет, а 31 – от 8 до 13 лет. В учреждении работали 34 человека, в том числе трое мужчин (смотритель, специалист по отоплению и водитель), должности которых не предполагали контакта с детьми и которые не имели доступа к их спальням. В отчете указывалось, что, согласно собранным сведениям, дети из детского дома никогда не оставались без присмотра, сопровождалась воспитательницей, когда шли в школу, доступ лиц, не имеющих отношения к дет-

скому дому, находился под контролем, а с внешней стороны учреждение было оборудовано камерами наблюдения, записи с которых регулярно просматривались. В отчете уточнялось, что дети были распределены по семи спальням по возрасту, а самые старшие спали по полу. Расположение спален не позволяло им перейти из одной в другую, не будучи увиденными дежурным персоналом. В анонимных анкетах и беседах с детьми не содержалось каких-либо упоминаний ни о насилии, ни о сексуальных злоупотреблениях, а сообщалось только о ссорах и иногда ударах от других детей, чаще всего в школе.

56. В отчете, кроме того, указывалось, что, по словам психолога, составлявшей ежеквартальный отчет о детях, включенных в реестр детей для усыновления, и обеспечивавшей, в частности, наблюдение за заявителями, ни они, ни другие воспитанники никогда не говорили ни о жестоком обращении, ни о сексуальном насилии и не демонстрировали каких-либо признаков этого. Из собранных сведений также следовало, что дети время от времени проявляли агрессию в отношениях между собой, что в их возрасте считалось нормальным. По мнению сотрудников детского дома, дети легко доверяли друг другу. Некоторые сотрудники привели пример девочки М., которая рассказывала истории о сексуальном насилии в своей семье другим детям, которые сразу же сообщили об этом персоналу, что повлекло за собой проведение расследования. По словам заведующей, первая заявительница рассказывала об этих фактах так, будто это произошло с ней лично. Заведующая высказала предположение, что данный эпизод мог послужить источником утверждений заявителей.

57. На основе упомянутого отчета Национальное агентство по защите детей пришло к выводу об отсутствии доказательств, указывающих на то, что дети из детского дома подвергались обращению, изобличаемому в еженедельнике «Эспрессо». Тем не менее с учетом серьезности описанных фактов оно передало материалы дела районной прокуратуре и окружной прокуратуре Велико-Тырново. После проверки Национальное агентство по защите детей направило в детский дом группу психологов с 18 по 24 января 2013 г. Эта группа также не нашла причин для беспокойства.

58. Публикация в журнале «Эспрессо» вызвала интерес средств массовой информации Болгарии, которые попытались получить разъяснения от Национального агентства по защите детей или от руководителей детского дома. В статье под заголовком «Утверждения о сексуальных злоупотреблениях в детском доме – вымысел» (*The allegations of sexual abuse in an orphanage are fabricated*), опубликованной 16 января 2013 г. на информационном сайте *Vesti*, было приведено заявление председателя Национального агентства по защите детей телевизионным каналам в следующей формулировке:

«Публикации в итальянской прессе, касающиеся насилия, предположительно совершенного в отношении детей в детском доме в Болгарии, являются клеветой и вымыслом...

В журнале не указывается, где находится социальное учреждение, поэтому Национальное агентство по защите детей провело собственное расследование.

По мнению Национального агентства по защите детей, речь идет об учреждении для детей, оставшихся без попечения родителей, расположенном в селе...

Агентство провело в этом учреждении проверку, которая заняла менее двух дней. Тем не менее Национальное агентство по защите детей сейчас уверено, что эти обвинения не имеют под собой оснований...

По словам председателя Национального агентства по защите детей, обвинения, вероятно, были выдуманы не детьми, а их новыми родителями в Италии.

[Председатель] заявил, что, несмотря на непродолжительность проведенной проверки, ее результаты носят категорический характер...

...[службы] детского дома подчеркнули, что итальянская семья намеревалась... удочерить двух девочек. Семья пошла на уступку, взяв также их 11-летнего брата. Затем новые «родители» захотели отправить мальчика обратно. В связи с этим, как предполагает [председатель], отец солгал, сказав, что мальчик и его сестры играли «в доктора».

По его словам, «речь идет, скорее всего, о манипуляции со стороны приемного родителя, продиктованной, возможно, его неподготовленностью» к тому, чтобы справиться с тремя детьми в возрасте от восьми до 11 лет.

«Я лично посетил детей вчера и могу вам сказать, что я гораздо спокойнее», – заявил председатель Национального агентства по защите детей.

Председатель добавил, что не может быть и речи о злоупотреблениях со стороны старших детей по отношению к самым младшим из-за юного возраста всех воспитанников. Выступая перед каналом ВТВ, председатель заявил: «Есть учреждения для детей... в которых сексуальное и физическое насилие имеют место, но в данном случае это не так».

59. 29 января 2013 г. информационный сайт «Дарик Ньюс» (*Darik News*) сообщил, опубликовав в качестве подтверждения фотографию, что два члена парламента Болгарии в сопровождении мэра и председателя муниципального совета побывали в детском доме и встретились там с заведующей. В статье напоминалось о публикации, появившейся в итальянской прессе и сообщавшей о том, что трое проживавших в детском доме детей подверглись сексуальному насилию, и говорилось о «возмущении» парламентариев, по мнению которых итальянская пресса «распространила небылицы». Один из парламентариев был процитирован как заявивший воспитателям следующее: «[М]ы все знаем, что эта публикация является клеветой».

той». В статье указывалось, что в конце посещения жители села также были приняты в детском доме и «выразили сильное возмущение в связи с клеветой».

60. 28 января 2013 г. районная прокуратура г. Велико-Тырново начала доследственную проверку (*преписка*) в связи с сообщением Национального агентства по защите детей под № 222/2013. Сочтя, что это сообщение не содержало доказательств, свидетельствующих о совершении преступлений, прокуратура запросила у Национального агентства по защите детей информацию о том, не располагает ли оно другими доказательствами. Национальное агентство по защите детей подтвердило, что проведенная проверка не дала оснований предполагать, что имели место злоупотребления. 18 ноября 2013 г. прокуратура вынесла постановление о том, что отсутствуют основания для возбуждения уголовного преследования, и прекратила производство исключительно на основе отчета Национального агентства по защите детей, без производства каких-либо других следственных действий. В постановлении указывалось следующее:

«Дело было возбуждено в связи с информацией, переданной Национальным агентством по защите детей, которое провело проверку по сообщению... касающемуся утверждений о сексуальном насилии в отношении трех воспитанников, впоследствии усыновленных в Италии в 2012 году. Проверка не позволила собрать доказательства, которые подтвердили бы действительность подобных злоупотреблений или совершение других преступлений.

С учетом вышеизложенного считаю, что отсутствуют достаточные доказательства совершения преступления по смыслу Уголовно-процессуального кодекса для возбуждения уголовного преследования. Таким образом, следует прекратить производство по делу.

Исходя из этого...

Отказываю в возбуждении уголовного преследования и прекращаю дело № 222/2013...».

В. Посещение Болгарии представителями ассоциации AiBi

61. Одновременно с описанными выше событиями представители ассоциации AiBi с 23 по 26 января 2013 г. посетили Болгарию. Из отчета, составленного по итогам этой поездки, следует, что они встретились там с послом Италии, заместителем министра юстиции Болгарии и представителем Национального агентства по защите детей. Заместитель министра юстиции Болгарии и представительница Национального агентства по защите детей пожаловались на неполучение от Италии достаточных доказательств и сказали, что располагают только неподробным сообщением, поступившим от отца заявителей, который не ответил на их просьбу о предоставлении информации,

и статьей из еженедельника «Эспрессо». Они добавили, что проверка была, тем не менее, проведена, когда соответствующий детский дом был установлен, и представительница Национального агентства по защите детей представила отчет о результатах проверки, согласно которому каких-либо доказательств, которые могли подтвердить слова заявителей, обнаружено не было (см. выше § 54). Представители ассоциации AiBi также посетили детский дом. Там они встретились с мэром, который является административным органом, отвечающим за управление детским домом, и осмотрели учреждение вместе с заведующей. В отчете отмечалось, что лица, с которыми состоялись встречи, были обеспокоены высказанными обвинениями, сомнениями в учреждениях Болгарии и бездействием органов власти Италии. В отчете подвергалось серьезной критике то обстоятельство, как приемные родители справились с ситуацией.

С. Обмен информацией между органами властей Болгарии и Италии

62. В рамках обмена корреспонденцией Комиссия по международному усыновлению и Министерство юстиции Болгарии обменялись имеющейся в их распоряжении информацией. Письмом от 23 января 2013 г. Комиссия по международному усыновлению официально потребовала, чтобы органы власти Болгарии приняли соответствующие меры для защиты детей, проживающих в детском доме. Представительница Комиссии по международному усыновлению указала следующее:

«...выяснилось, что в [детском доме] имели место следующие факты с участием большого количества лиц, сотрудников учреждения или не имеющих к нему отношения, чьи имена и роли были указаны детьми.

По рассказам [заявителей], “самых заслуживающих этого” детей периодически отвозили в соседнее село L на дискотеку, где сначала они танцевали и веселились. Затем, после торта, их отводили в комнаты, где присутствовавшие мужчины “играли” с ними.

Этим детям пришлось подвергнуться насилию и быть свидетелями насилия в отношении других.

Дети, являющиеся жертвами этого продолжающегося насилия, воспроизводили его в отношении самых младших детей, когда оставались ночью одни.

С учетом вышеизложенного [Комиссия по международному усыновлению] просит центральный орган [Министерство юстиции Болгарии] осуществить все необходимые меры по защите детей детского дома».

Заместитель министра юстиции Болгарии выразила озабоченность относительно благополучия заявителей в их приемной семье, в частности, в связи с риском того, что родители бросят детей.

Представитель Комиссии по международному усыновлению ответила, что приемные родители выдвинули это предположение в момент паники ввиду серьезности выявленных фактов (см. выше § 14), но в настоящее время они полностью посвящают себя детям.

63. С учетом озабоченности, выраженной Министерством юстиции Болгарии, в начале февраля 2013 года Комиссия по международному усыновлению обратилась в суд по делам несовершеннолетних R., обладающий территориальной юрисдикцией по осуществлению контроля за усыновлением и принятию возможных мер по защите заявителей. Несколькими днями ранее ассоциация AiBi также уведомила о произошедшем суд по делам несовершеннолетних.

64. Кроме того, 21 января 2013 г. отец заявителей обратился в Комиссию по международному усыновлению с жалобой на то, что болгарская пресса сообщила имена заявителей, в частности, в интервью, данном заведующей детским домом. Эта жалоба была передана в Министерство иностранных дел Болгарии. Вербальной нотой от 24 апреля 2013 г. Министерство иностранных дел Болгарии уведомило Министерство иностранных дел Италии о том, что Национальное агентство по защите детей приняло меры в отношении соответствующих средств массовой информации. В еще одной вербальной ноте от 27 сентября 2013 г. Министерство иностранных дел Болгарии указало, что Комиссия по защите персональных данных Болгарии сочла, что ситуация, о которой идет речь, не повлекла за собой неправомерного использования персональных данных, поскольку подобное использование было в настоящем деле оправдано интересом общественности к делу и целями, преследуемыми работой журналистов.

D. Вторая доследственная проверка, проведенная в Болгарии

65. 15 января 2013 г. прокуратура г. Милана, к которой обратилась ассоциация «Телефоно Адзурро» (см. выше § 46), направила в Посольство Болгарии в г. Риме запрос, в соответствующих частях гласящий следующее:

«...направляю вам копии имеющихся в моем распоряжении документов, касающихся тяжких преступлений, предположительно совершенных в отношении несовершеннолетних...

Поскольку судебные органы Италии не обладают юрисдикцией в настоящем деле, так как предполагаемые деяния были совершены за границей иностранными гражданами, прошу вас обратиться в компетентные местные органы власти для оценки обоснованности соответствующих утверждений».

Прокурор приложил к своему запросу протоколы телефонных звонков, сделанных отцом заявителей

в ассоциацию «Телефоно Адзурро», его жалобу от 28 ноября 2012 г., содержащую утверждения заявителей, а также отчет психологов Центра терапии отношений от 31 октября 2012 г. (см. выше §§ 46–49).

66. Соответствующие документы были переведены и переданы Национальному агентству по защите детей, которое направило их в окружную прокуратуру Велико-Тырново. Окружная прокуратура Велико-Тырново, которая после публикации статьи в еженедельнике «Эспрессо» начала доследственную проверку в отношении общей ситуации в детских домах региона, сочла, однако, что в этих документах упоминались конкретные лица, и поэтому принимать решение о возможном преследовании следовало районной прокуратуре. Материалы дела были переданы районной прокуратуре г. Велико-Тырново, которая 22 февраля 2013 г. начала доследственную проверку под № 473/2013, в то время как первая начатая процедура (№ 222/2013) еще не была завершена.

67. Представители полиции, муниципальных служб и региональных служб здравоохранения, социального обеспечения и защиты детей провели расследование в детском доме 25 и 26 февраля 2013 г.

68. Согласно отчету полиции от 6 марта 2013 г., следователи ознакомились с имеющейся в детском доме документацией, в частности с медицинскими картами детей, и побеседовали с сотрудниками персонала (заведующей, психологом, двумя воспитательницами, помощницей по уходу за детьми, водителем, смотрителем и специалистом по отоплению), а также с лицами, которые периодически работали в учреждении (фотографом по имени D. и электриком с уменьшительным именем N.), и четырьмя детьми (тремя мальчиками B., G. и A., и одной девочкой Vo.) в возрасте от 11 до 13 лет, которых заявители упоминали в своих рассказах. Данный отчет описывал функционирование учреждения, а также занятия и уход, предоставляемый 53 детям, воспитывавшимся там на тот момент. В отчете указывалось, что регулярные медицинские осмотры, осуществляемые лечащим врачом, не имели отношения к учреждению, не выявили каких-либо признаков физического или сексуального насилия над детьми. В отчете также отмечалось, что в распоряжении детей имелись ящик для жалоб и телефон, на котором был написан номер национальной «горячей линии» для детей, находящихся в опасности, и каких-либо сообщений, соответствующих описанным заявителями фактам, с использованием этих средств не поступало.

69. Согласно отчету, среди сотрудников было только трое мужчин: водитель Da., охранник K. и специалист по отоплению I., – и они не могли попасть в спальни без сопровождения заведующей детским домом или сотрудницы детского дома.

70. В отчете также было указано, что муниципальная служба по защите детей регулярно инспектировала учреждение, а сотрудник полиции еженедельно посещал его. В отчете отмечалось, что в учреждении были приняты меры безопасности, в частности, что касается входа в него не имеющих отношения к детскому дому лиц, и о каких-либо инцидентах, связанных с сексуальным насилием в отношении детей, ни в ходе проведенных во время расследования бесед с персоналом, ни в предыдущие годы не сообщалось.

71. В отчете, кроме того, упоминалось о расследованиях, проведенных прокуратурой и полицией по поводу инцидентов, происходивших в детском доме с 2002 года, в частности о случае жестокого обращения со стороны сотрудницы, которая впоследствии была уволена, и о происшествии со случайным приемом детьми лекарств. В отчете уточнялось, что каких-либо сообщений о сексуальных насилиях зарегистрировано не было.

72. Письмом от 8 мая 2013 г. районная прокуратура поручила полиции продолжить проверочные мероприятия для установления личностей упомянутых лиц и достоверности фактов, указанных в документах, переданных органами власти Италии. Согласно второму отчету полиции от 5 июня 2013 г., полиция в связи с этим допросила в своем отделении заведующую детским домом, психолога, социального работника, фотографа D. и электрика N. Единственный ребенок среди упомянутых заявителями, который по-прежнему проживал в детском доме, В., также был допрошен сотрудником полиции в присутствии психолога учреждения. В отчете утверждалось, что собранные доказательства не подтверждают факты, на которые ссылались заявители, и отмечалось, в частности, что, вопреки сказанному заявителями, заведующую детским домом звали не Е. (о путанице, связанной с этим именем, см. выше §§ 19 и 32) и что заявители не сообщали о каком-либо факте сексуального насилия ни ей, ни социальному работнику по имени Е. В отчете указывалось, что детей на «дискотеку» не вывозили. В нем также отмечалось, что единственный случай, когда дети могли танцевать, был праздник, состоявшийся во время ежегодного занятия на природе, организованного ассоциацией в селе L. По данным отчета, детей на этот праздник сопровождали воспитательницы из детского дома, и единственным посторонним человеком, который присутствовал на нем, был приглашенный для вечеринки диск-жокей. Все так же согласно отчету, дети упоминали свое пребывание в L. в позитивном ключе. Психолог подтвердила, что во время нахождения второй заявительницы в детском доме у девочки не было симптомов, описанных приемными родителями, утверждавшими, что она кричала во время купания или кусалась. Психолог добавила, что, если вторая заявительница была психологически стабильна, то заявитель

и первая заявительница были, напротив, более конфликтными и имели склонность манипулировать другими людьми, в частности взрослыми. Психолог также отметила, что при первых встречах с будущими приемными родителями заявитель был расстроен тем, что они якобы уделяли больше внимания его сестрам. В соответствии с отчетом полученные свидетельские показания также указывали на то, что D., мальчик, которого заявители назвали виновным в предполагаемых злоупотреблениях и жестоком обращении (см. выше §§ 19 и 25), был усыновлен родителями из Италии с конца лета 2011 года, одновременно со своей сестрой, когда ему было 12 лет. Что касается M., девочки, упомянутой заявителями (см. выше § 28), результаты гинекологического осмотра, проведенного в январе 2012 года, свидетельствовали о том, что ее девственная плева не была повреждена.

73. Другой отчет, составленный 4 марта 2013 г. региональными службами по защите детей в связи с проверкой детского дома, в основном воспроизводил информацию, уже содержащуюся в отчете по итогам проверки, проведенной Национальным агентством по защите детей в январе 2013 года (см. выше § 54), и в нем утверждалось, что соответствующие нормативные положения были в целом соблюдены, а какие-либо доказательства, позволяющие заподозрить совершение сексуального насилия, отсутствовали. В этом отчете содержался ряд рекомендаций, в частности, в целях улучшения программ предлагаемых детям занятий.

74. Постановлением, вынесенным 28 июня 2013 г. по результатам доследственной проверки, районная прокуратура отказала в возбуждении уголовного преследования и прекратила производство по делу. Согласно этому постановлению, собранные в ходе расследования доказательства не позволили подтвердить утверждения родителей заявителей: сотрудники детского дома мужского пола или электрик N., периодически работавший в учреждении, не имели доступа к детям в отсутствие воспитательницы. Кроме того, детей всегда сопровождали во время их выходов за пределы учреждения, в частности во время ежегодного занятия на природе в L., и они не могли встретить каких-либо мужчин в отсутствие сотрудниц учреждения. Заведующую звали не Е. В постановлении указывалось, что маленький мальчик В., упомянутый заявителями, отрицал, что являлся исполнителем или жертвой действий сексуального характера, а маленькая M. в январе 2012 года прошла гинекологический осмотр, показавший, что ее девственная плева не была повреждена. Маленький D. и его сестра были усыновлены в Италии с лета 2011 года. Прокуратура пришла к выводу, что собранные доказательства не позволяют считать, что было совершено какое-либо преступление.

Е. Разбирательство в суде по делам несовершеннолетних в Италии

75. Ряд действий был выполнен в рамках разбирательства, которое прокуратура при суде по делам несовершеннолетних R. возбудила по обращениям Комиссии по международному усыновлению и ассоциации AiBi (см. выше § 63). В законодательстве Италии это разбирательство гражданско-правового характера в суде по делам несовершеннолетних, в котором участвует прокурор по делам несовершеннолетних, предназначено для осуществления контроля за усыновлениями. В настоящем деле предметом разбирательства являлся надзор за интеграцией заявителей в семью с учетом произошедших событий и риска оспаривания усыновления.

76. 22 февраля 2013 г. журналист еженедельника «Эспрессо» дал показания прокурору по делам несовершеннолетних. Он пояснил, что отец заявителей связался с ним и пересказал ему рассказы детей. Журналист добавил, что находился в Болгарии с 9 по 16 декабря 2012 г. для проведения расследования. Он подтвердил существование описанных детьми мест и лиц. Он, в частности, утверждал, что заметил студию фотографа D., связался с ним посредством социальной сети Фейсбук под вымышленным именем и установил, что среди его контактов в этой сети было много подростков.

77. Журналист сообщил, что с помощью болгарской журналистки он встретился с сотрудником полиции K., которому передал информацию, предоставленную отцом заявителей. Он, тем не менее, указал, что этот сотрудник полиции впоследствии признался ему, что его руководство запретило ему заниматься этим делом.

78. Из приложенных к материалам дела документов следовало, что человек, которого журналист представил как сотрудника полиции, в ходе обмена электронными сообщениями сообщил ему следующее: он полагает, что рассказ отца заявителей раскрывает серьезные факты, оправдывающие, по его мнению, возбуждение уголовного расследования, но данный рассказ, на его взгляд, недостаточно подробен, позднее он попросил передать ему отчет итальянских психологов. Позднее журналист отправил ему более детальный рассказ, а также отчет психологов. Возможное продолжение этой переписки как с одной, так и с другой стороны не было приобщено к материалам дела.

79. 25 февраля 2013 г. отец заявителей был допрошен службами судебной полиции при суде по делам несовершеннолетних R. Он указал, что заявители сначала сообщили о насилии, совершенном старшими мальчиками D. и G. в отношении самых младших детей в детском доме. Он добавил, что некоторое время спустя заявители рассказали о злоупотреблениях, приписываемых ими рабочему N., который, по их словам, многие

годы насиловал детей из детского дома и принуждал их к действиям, которые отец охарактеризовал как отвратительные. Затем заявители сообщили о фактах, которые произошли в месте, куда детей вывозили на каникулы и где они подвергались насилию и жестокому обращению со стороны сотрудников детского дома и лиц, не имеющих отношения к учреждению. Заявители утверждали, что детей приковывали наручниками, взрослые были в масках, а сцены снимались фотографом D., который также участвовал в совершении насилия. Заявитель добавил, что ему угрожали пистолетом.

80. Отец заявителей также сообщил, что он попытался найти в социальных сетях лиц, описанных заявителями, и заявители узнали некоторых из них и указали на них как на виновных в совершении названных ими деяний. На следующий день после допроса отец передал полиции список имен (некоторые из них в уменьшительной форме) лиц, причастных к совершению злоупотреблений, а также профили в социальной сети Фейсбук, которые ему удалось идентифицировать (см. выше § 48). Он уточнил, что заведующая S. была проинформирована детьми о насилии, совершенном сотрудниками, и об их предполагаемой причастности, пообещала принять меры, но ничего сделано не было.

81. По просьбе прокурора по делам несовершеннолетних службы судебной полиции просмотрели видеозаписи, сделанные психологами заявителей, и составили сводный протокол бесед, которые состоялись у заявителей с психологами 11 и 18 октября, а также 5 ноября 2012 г. (см. выше §§ 23–34).

82. 8 апреля 2013 г. заявитель и первая заявительница были допрошены прокурором по делам несовершеннолетних в присутствии психолога и сотрудницы судебной полиции. Согласно составленному протоколу, опросы были сняты на видео и записаны на DVD-диск.

83. Из полной расшифровки записей этих опросов, представленной Европейскому Суду, следует, что уровень владения итальянским языком обоих детей, особенно заявителя, был еще достаточно ограниченным, и лицам, которые их допрашивали, пришлось объяснять им значение некоторых слов, таких как «раздевать» или «грудь», содержавшихся в их вопросах. Ответы заявителей были краткими и часто заключались просто в подтверждении или отрицании заданного вопроса или же в повторении намека, содержащегося в вопросе.

84. Обоим детям было сначала предложено рассказать, как они себя чувствуют, и описать свою жизнь в детском доме. По собственной инициативе они не говорили об обвинениях в сексуальном насилии. Они сообщили об этом, когда прокурор спрашивала их о неподобающем поведении с их стороны или о вещах, о которых они рассказывали своим психологам.

85. Вначале заявитель демонстрировал нежелание говорить о Болгарии и событиях, произошедших в детском доме. Когда его прямо спросили об этом, он ответил, что один мальчик лизал попу одной девочки, а другой мальчик D. бил других воспитанников. Он рассказал, что взрослые пришли ночью. N., в частности, трогал его попу и «написал в рот» ему, а также другим детям. При этом дети были привязаны, раздеты и избиты. Его сестры были раздеты, а он – нет. Заявитель сказал, что в это время женщины, которые занимались детьми, и заведующая ничего не слышали, так как спали, а дети на следующий день ничего не сказали им, поскольку мужчины запретили им делать это.

86. Из расшифровок записей следует, что заявитель проявлял раздражение к лицам, которые его допрашивали. Помимо этого, его рассказ содержал ряд противоречий о реальности некоторых событий и в вопросе о том, был ли он свидетелем некоторых фактов или же они были ему сообщены другими детьми.

87. Несмотря на ряд вопросов, заданных на эту тему, заявитель не смог объяснить, что он понимает под выражением «заниматься сексом», и в итоге согласился с предложениями, высказанными его собеседницами. Он заявил, что «эти вещи» происходили только в детском доме, а не во время пребывания на каникулах. Кроме того, он неоднократно говорил, что в детском доме его били.

88. Первая заявительница, которая очевидно лучше владела итальянским языком, чем ее брат, более подробно рассказала о своей повседневной жизни в детском доме. Когда прокурор спросила ее об инциденте, произошедшем в Италии, первая заявительница ответила, что она и ее брат с сестрой играли в игру, в которую не должны были играть, и что в Болгарии ее брат «написал» в рот их младшей сестре Z. Она сообщила, что однажды при просмотре телевизора в детском доме дети видели, как мужчина делает то же самое с женщиной. Она добавила, что мужчина и женщина были одеты, а женщина кричала. Она уточнила, что не рассказывала об этих фактах сотрудникам детского дома.

89. Когда прокурор спросила ее о том, что она сказала психологам Центра терапии отношений, первая заявительница рассказала, что один мальчик из детского дома засунул палец в попу одной маленькой девочке, а ее брат сделал то же самое с ней и ее сестрой один раз в Болгарии и еще один раз после их прибытия в Италию. Когда ее спросили о возможных прикосновениях, совершенных другими детьми, первая заявительница сообщила о нескольких эпизодах, пояснив, что один мальчик из детского дома «играл в занятия сексом», ложась на нее, когда они оба были одеты, в школе две девочки попросили ее раздеться до трусов и танцевать. Кроме того, она видела, как двое старших детей целовались в школе. Первая заявительница

добавила, что некий N. «целовал в губы и трогал» ночью в детском доме других маленьких девочек, но ее показания по вопросу о том, был ли N. ребенком более старшего возраста или взрослым, а также проживал ли он в детском доме или нет, были противоречивы.

90. В ответ на ряд вопросов по этому поводу первая заявительница утверждала, что никогда не видела взрослого человека голым, ни один взрослый не трогал ее, ее никогда не фотографировали, и ничего из того, что она описала, не произошло во время пребывания на каникулах.

91. В ходе опросов прокурор показала несколько фотографий обоим заявителям, которые узнали, в частности, дом отдыха в L., а также фотографа D.

92. 24 июня 2013 г. прокурор передала собранные таким образом доказательства в суд по делам несовершеннолетних. В своем заключении она отметила, что из признаний, сделанных заявителями своим родителям и психологам и воспроизведенных ими, пусть даже частично, в ходе их опроса, следовало, что дети стали жертвами неоднократных актов сексуального насилия и жестокого обращения. Прокурор сочла, что на данном этапе отсутствует необходимость допрашивать их снова, в частности, с учетом возможности того, что органы власти Болгарии захотят их заслушать. Она предложила суду назначить наблюдение за ситуацией заявителей в семье и за поддержкой, получаемой ими от психологов, и оценить необходимость оказания помощи родителям.

93. 9 июля 2013 г. суд по делам несовершеннолетних назначил врача – эксперта в области педиатрической нейропсихиатрии, начальника службы нейропсихиатрии детей и подростков регионального органа здравоохранения соседней области, для оценки им «психологического и физического состояния [заявителей], возможного наличия симптомов, свидетельствующих о сексуальном насилии (жестокое обращение), имевших место в период их жизни в коллективе, а также динамики отношений между [ними и их родителями]». Суд обязал эксперта «изучить [процессуальные акты и имеющуюся в Центре терапии отношений документацию] с возможностью, в зависимости от выводов этого предварительного изучения и только с разрешения суда, заслушать несовершеннолетних». На основе изучения письменных документов, записей опросов заявителей и записи беседы с родителями, руководствуясь соответствующими научными методами оценки (так называемыми методами CBCA – *Criteria Based Content Analysis*¹), эксперт пришел к следующим выводам:

«Рассказы X и Y о деяниях, жертвами которых они стали во время их нахождения в учреждении в Болгарии, как представляется, удовлетворяют критериям, установленным в научной литера-

¹ *Criteria Based Content Analysis* (англ.) – анализ содержания, основанный на критериях оценки (примеч. переводчика).

туре, чтобы их можно было считать клинически достоверными. Отношения вышеупомянутых несовершеннолетних с их приемными родителями представляются, по существу, хорошими. Родителям удалось справиться со значительной эмоциональной нагрузкой и сдержать ее, в том числе на личном уровне».

94. В решении от 13 мая 2014 г. суд по делам несовершеннолетних отметил, что собранные доказательства, в частности проведенная экспертом оценка, свидетельствуют о том, что в детском доме в Болгарии заявители подвергались неоднократным актам сексуального насилия и жестокого обращения. Суд отметил, что, согласно показаниям родителей, заявители рассказали, что занимались действиями сексуального характера между собой и что это было распространено среди детей детского дома, и дети там были, кроме того, жертвами насилия со стороны ряда сотрудников, которые принуждали их заниматься такими действиями. Суд указал, что эти злоупотребления совершались в детском доме и в месте, куда детей вывозили на каникулы, детям угрожали, в частности, оружием, соответствующие деяния снимались на видео фотографом D. При этом заявители опознали некоторых из упомянутых ими лиц, а именно фотографа, на фотографиях, представленных журналистом еженедельника «Эспрессо». Суд подчеркнул, что заявители повторили эти утверждения в ходе их опроса прокурором, хотя их рассказ и был тогда менее подробным и изобилдовал некоторыми сомнениями.

95. Основываясь, в частности, на последнем отчете психологов Центра терапии отношений от 21 ноября 2013 г., суд решил, что приемные родители проявили необходимые терпение и внимание и отсутствуют причины сомневаться в их способности заботиться о детях и воспитывать их. Суд, тем не менее, отметил, что первоначальная реакция родителей была неадекватной, поскольку они должны были немедленно обратиться в суд по делам несовершеннолетних или в другой компетентный орган власти вместо того, чтобы обращаться к журналисту. Суд также раскритиковал поведение ассоциации AiBi, которая медлила с обращением в компетентные органы власти, узнав о деле и отметив у заявителей и других детей из детского дома проблему раннего сексуального развития, и поспешила подготовить отчет, возлагающий вину на родителей.

96. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу, что отсутствуют основания как для проведения нового опроса заявителей, так и для назначения мер по их защите или контролю оказываемой им психологической помощи, и прекратил разбирательство по контролю за усыновлением. Решение суда по делам несовершеннолетних было передано прокуратуре г. Милана в связи с проводимым уголовным разбирательством по тем же фактам.

Ф. Третье предварительное расследование, начатое в Болгарии, и последующие решения органов прокуратуры

97. В конце января 2014 года Министерство юстиции Италии направило органам власти Болгарии официальное письмо, которым передало собранные прокуратурой при суде по делам несовершеннолетних R. доказательства (см. выше § 75 и последующие) и просило их начать расследование предполагаемых фактов. Переданные документы включали в себя показания отца заявителей, данные им судебной полицией, его письмо со списком имен и профилей в сети Facebook тех лиц, кого он считал причастными (см. выше §§ 48 и 80), протокол, составленный полицией на основе видеозаписей бесед заявителей с их психологами (см. выше §§ 23–34), а также расшифровку записи опросов первых двух заявителей прокурором по делам несовершеннолетних (см. выше §§ 79–91).

98. 14 марта 2014 г. прокуратура при Верховном кассационном суде Болгарии направила перевод итальянских документов окружной прокуратуре Велико-Тырново, которая передала их районной прокуратуре. 4 апреля 2014 г. районная прокуратура начала предварительное расследование под № 910/14. 15 апреля 2014 г. районная прокуратура установила, что в отношении одних и тех же фактов были возбуждены три разбирательства, и передала материалы дел окружной прокуратуре, предложив объединить их и отменить постановления, уже вынесенные по делу.

99. Постановлением от 5 июня 2014 г. окружная прокуратура г. Велико-Тырново предписала объединить три разбирательства и отменила постановление от 28 июня 2013 г., вынесенное в ходе разбирательства № 473/13 (см. выше § 74), на основании того, что оно было принято в то время, когда первая процедура еще не была завершена. Постановление о прекращении производства по делу от 18 ноября 2013 г., вынесенное в ходе разбирательства № 222/13 (см. выше § 60), осталось, таким образом, в силе. Каких-либо новых следственных действий на основе новых документов, полученных от органов власти Италии в январе 2014 года, произведено не было.

100. В декабре 2014 года, затем в январе 2015 года представитель Посольства Италии в г. Софии сделал официальный запрос о ходе расследования. 23 января 2015 г. органы власти Болгарии уведомили Посольство Италии о том, что уголовное расследование было прекращено постановлением от 18 ноября 2013 г. (см. выше § 60). Копия этого постановления была направлена в Посольство Италии 28 января 2015 г.

101. Тем временем 19 января 2015 г. Министерство юстиции Италии обратилось к Министерству юстиции Болгарии с просьбой сообщить о результатах уголовного разбирательства.

Министерство юстиции Италии было проинформировано о них письмом от 11 марта 2015 г.

102. 11 декабря 2015 г. отец заявителей просил Министерство юстиции Италии предоставить ему доступ ко всем материалам дела. В ответ на эту просьбу 1 февраля 2016 г. органы власти Италии передали родителям заявителей решения прокуратуры Болгарии, переведенные на итальянский язык, в частности постановление районной прокуратуры г. Велико-Тырново от 18 ноября 2013 г. В этом постановлении указывалось, что оно может быть обжаловано в окружную прокуратуру.

103. 7 июня 2016 г. Министерство юстиции Италии направило Министерству юстиции Болгарии новые документы по делу, в частности адресованное Министерству юстиции Италии письмо отца заявителей от 2 мая 2016 г., в котором тот оспаривал результаты проведенного в Болгарии расследования и ставил под сомнение независимость районной прокуратуры г. Велико-Тырново, сводный список предполагаемых виновных и детей, предположительно находившихся в детском доме на момент описываемых событий, а также статью из местной ежедневной газеты «Борба» (*Borba*) от 4 января 2013 г., в которой молодой человек, утверждавший, что в детском и подростковом возрасте он проживал в нескольких детских домах, разоблачал предполагаемое насилие и раннее начало сексуальной жизни в этих учреждениях. В своем письме отец заявителей упоминал решение суда по делам несовершеннолетних от 13 мая 2014 г. (см. выше §§ 94–96) и просил передать его органам власти Болгарии. Представляется, однако, что это решение в действительности не было приложено к отправлению Министерства юстиции Италии.

104. 1 августа 2016 г. эти документы были переданы районной прокуратуре г. Велико-Тырново. 2 августа 2016 г. прокурор, которому было поручено дело, отказался от участия в нем в ответ на высказанную отцом заявителей критику по поводу ведения им дела. Был назначен другой прокурор. Полагая, что письмо отца заявителей следует рассматривать как жалобу на постановление районной прокуратуры от 18 ноября 2013 г., этот прокурор передал материалы дела в окружную прокуратуру.

105. Постановлением от 30 сентября 2016 г. окружной прокурор оставил постановление о прекращении производства по делу от 18 ноября 2013 г. без изменения. Он отметил, что это постановление основывалось на результатах проверки Национального агентства по защите детей, которое не выявило ни недостатков в деятельности детского дома, ни нарушений прав детей, и, соответственно, районный прокурор пришел к выводу, что факты, изложенные в статье итальянского еженедельника, не нашли своего подтверждения.

106. Далее окружной прокурор отметил следующее. В ходе второго разбирательства, начатого

после сообщения ассоциации «Телефоно Адзурро», полиция и различные уполномоченные органы провели расследование. В связи с этим были допрошены разные сотрудники детского дома: заведующая, психолог, две воспитательницы, водитель, специалист по отоплению, смотритель и помощница по уходу за детьми, а также четверо детей. Посторонние лица, работавшие в детском доме, фотограф и электрик, также были допрошены. Затем следователи полиции приступили к допросам заведующей, психолога, социального работника и одного ребенка, а также к допросам электрика, фотографа и отвечающего за информационные технологии сотрудника муниципалитета, поскольку все они работали в детском доме. Эти допросы не позволили собрать доказательства того, что воспитанники детского дома являлись жертвами психологического, физического или сексуального насилия. Результаты расследования свидетельствовали о том, что ночью дети находились под присмотром и не могли контактировать с посторонними людьми вне присутствия помощницы по уходу за детьми или воспитательницы учреждения. Представляется также, что раз в год, летом, дети в сопровождении преподавательского состава выезжали в детский лагерь на отдых, обычно заканчивавшийся праздником, в котором принимал участие только один посторонний человек, а именно диск-жокей.

107. Прокурор отметил, что только трое сотрудников детского дома были мужчины и у них не было доступа к помещениям, отведенным для детей. Не имеющий отношения к детскому дому фотограф приходил только для того, чтобы сделать фотографии или снять фильмы для подготовки досье на усыновление или во время праздников или церемоний. Ни одного из сотрудников не звали N., единственным человеком с данным именем был электрик, который периодически приходил для ремонта кухонного оборудования, а заведующей по имени E. никогда не было (о путанице, связанной с этим именем, см. выше §§ 19 и 32).

108. В связи с этим прокурор решил, что в собранных доказательствах отсутствовали какие-либо указания на то, что в отношении трех заявителей были совершены преступления.

109. Прокурор, кроме того, отметил, что новые документы, отправленные органами власти Италии, подтверждают информацию, содержащуюся в предыдущих сообщениях, и каких-либо новых фактов не содержат. Поэтому прокурор пришел к выводу, что отсутствуют основания для возбуждения уголовного преследования, и оставил постановление о прекращении производства по делу от 18 ноября 2013 г. без изменения.

110. 17 ноября 2016 г. это постановление было подтверждено апелляционной прокуратурой г. Велико-Тырново в рамках осуществленного по ее собственной инициативе надзора.

111. 27 января 2017 г., после коммуникации настоящей жалобы властям Болгарии, прокуратура при Верховном кассационном суде Болгарии дала указание пересмотреть в порядке надзора по собственной инициативе постановление апелляционной прокуратуры. По результатам осуществленного прокурором этой прокуратуры надзора был сделан вывод о том, что проведенное расследование являлось, по всей видимости, тщательным и не позволило установить, что заявители подвергались в детском доме жестокому обращению, поэтому какие-либо основания для отмены постановления апелляционной прокуратуры отсутствовали. Прокурор привела следующие выводы:

«По материалам дела № 222/2013 районной прокуратурой г. Велико-Тырново были проведены тщательные проверки, в ходе которых каких-либо доказательств физического или сексуального насилия в отношении детей [детского дома] получено не было.

Ознакомившись с отправленными прокуратурой при суде г. Милана в Посольство Болгарии документами, содержащими экспертные мнения психолога, психотерапевта и клинического врача-консультанта, подготовленные по просьбе [родителей заявителей], а также с адресованным прокуратуре г. Милана сообщением специализирующейся на предупреждении насилия в отношении несовершеннолетних ассоциации “Телефоно Адзурро”, которое было передано международному отделу прокуратуры при Верховном кассационном суде Болгарии Министерством юстиции, ознакомившись, помимо этого, с документами, касающимися допроса несовершеннолетних Х и Y и содержащими расшифровку записи опросов Х и Y прокурором... сотрудницей полиции... и психологом... я прихожу к заключению, что эти опросы не позволяют сделать вывод о том, что дети подверглись злоупотреблениям со стороны взрослых во время их нахождения в [детском доме], но указывают на то, что дети, вероятно, стали свидетелями актов сексуального характера среди воспитанников детского дома, которые Х воспроизвел в Италии в отношении своих сестер. Сами дети приводят различные версии обстоятельств, при которых они стали свидетелями действий сексуального характера: они видели их по телевизору или видели, как другой старший ребенок совершал их.

Первый рассказ Х его приемным родителям о насилии, жертвой которого он предположительно стал в Болгарии, направлен скорее на привлечение их внимания к событиям, не имевшим места, и на оправдание действий, совершенных им в отношении своих сестер и в отношении которых родители продемонстрировали серьезное неодобрение.

Часть первых рассказов [заявителей] их родителям и психологам в ходе подробного допроса, проведенного прокурором итальянского суда по делам несовершеннолетних, не подтвердилась.

Поскольку трое детей боялись быть отвергнутыми своими приемными родителями, которые решительно не одобряли их аморальное поведение в новой семье, в котором они получают мно-

го внимания и любви, то они попытались вызвать сострадание и приуменьшить свои действия, сообщив о не имевших места событиях, в которых они являлись жертвами преступлений.

С учетом вышеизложенного я полагаю, что постановление апелляционной прокуратуры г. Велико-Тырново является обоснованным и соответствует закону».

IV. ИНАЯ ОТНОСЯЩАЯСЯ К ДЕЛУ ИНФОРМАЦИЯ

112. Помимо проверок, проведенных в детском доме в связи с утверждениями заявителей, региональные службы защиты детей провели еще одну проверку в июне 2013 года после того, как ассоциация (Болгарский Хельсинкский комитет) в сообщении выразила сомнения относительно качества образовательной деятельности учреждения и утверждала, что в детском доме проживали дети, возраст которых превышает возраст, установленный законодательством, а специалист по отоплению в нарушение правил входил в отведенные для детей помещения и состоял в отношениях с одной из сотрудниц. В подготовленном этими службами отчете отмечалось, в частности, что предписанный возраст детей был соблюден, а специалист по отоплению не посещал помещения для детей без сопровождения другого сотрудника детского дома. В то же время, согласно этому отчету, заведующая детским домом отметила, что одна сотрудница сделала в присутствии детей неуместные замечания по поводу любовных отношений между взрослыми, и заведующая сделала выговор данной сотруднице. Кроме того, из проведенной социальными службами проверки следовало, что медсестра не организовывала информационных занятий по вопросам здоровья, что входило в ее обязанности, а курсы полового воспитания и занятия по медицинским вопросам проводились воспитательницами.

113. Помимо этого, в 2013 году районная прокуратура г. Велико-Тырново начала уголовное расследование под № 407/2013 по сообщению регионального управления социальной помощи в ответ на жалобы ряда родителей, чьи дети М., S. и Y. временно проживали в детском доме в 2011–2012 годах и утверждали, что помощница по уходу за детьми была их палкой. Прокуратура поручила полиции и службе защиты детей соответствующего региона провести проверку. По решению мэра муниципальные социальные службы также провели проверку по этому сообщению. Постановлением от 19 июня 2013 г. районная прокуратура прекратила производство по делу, установив отсутствие достаточных доказательств того, что дети подверглись жестокому обращению со стороны сотрудников детского дома. Что касается маленькой М., одной из детей, упомянутых в рассказах заявителей (см. выше §§ 21, 28, 56 и 72, *in fine*), в постановлении описывался также еще один эпизод: при воз-

вращении в детский дом после пребывания у родителей в январе 2012 года девочка пожаловалась на сексуальные домогательства в своей семье и рассказала об этом другим детям. Заведующая упомянула о данном эпизоде в ходе расследований по настоящему делу (см. выше § 56, *in fine*) и в своих заявлениях для прессы, чтобы объяснить возможное происхождение рассказов заявителей о сексуальном насилии.

114. Детский дом был закрыт в июле 2015 года в рамках политики деинституционализации, направленной на размещение как можно большего числа детей в семьях.

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРАКТИКА

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БОЛГАРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. Уголовный кодекс Болгарии

115. Соответствующие положения Уголовного кодекса Болгарии в редакции, действовавшей на момент описываемых в настоящем деле событий, предусматривали следующее:

Статья 31

«1. Уголовной ответственности подлежит вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления восемнадцатилетнего возраста.

2. Лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, но не достигшее восемнадцатилетнего возраста, подлежит уголовной ответственности, если во время совершения деяния оно могло осознавать характер и последствия своих действий и руководить ими...».

Статья 149

«1. Развратные действия (*блудство*), совершенные в отношении несовершеннолетнего лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и направленные на возбуждение или удовлетворение сексуального влечения без полового сношения, наказываются лишением свободы на срок от одного года до шести лет.

2. Развратные действия, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) или с приведением потерпевшего (потерпевшей) в такое состояние либо со злоупотреблением зависимым положением или властью, наказываются лишением свободы на срок от двух до восьми лет...

4. Срок лишения свободы составляет от трех до пятнадцати лет:

1) если деяния совершены двумя или более лицами...

5. Срок лишения свободы составляет от пяти до двадцати лет:

1) если деяния совершены в отношении двух или более несовершеннолетних лиц...».

Статья 151

«1. Половое сношение с несовершеннолетним лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, при условии, что совершенное деяние не попадает под признаки преступления, предусмотренного статьей 152, наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет...».

Статья 152

1. Изнасилование, то есть половое сношение с лицом женского пола:

1) не способным защитить себя, когда оно не дало согласия на вступление в половое сношение;

2) с применением насилия или с угрозой его применения;

3) приведенным виновным в беспомощное состояние, –

наказывается лишением свободы на срок от двух до восьми лет...

4) Срок лишения свободы за изнасилование составляет от десяти до двадцати лет:

1) если потерпевшая не достигла четырнадцатилетнего возраста...».

Статья 155(b)

«Склонение несовершеннолетнего лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, к участию в совершении реальных, виртуальных или имитированных действий сексуального характера между лицами одного пола или противоположных полов, либо к участию в развратной демонстрации половых органов, содомии, мастурбации, сексуального садизма или мазохизма, либо к наблюдению за подобными действиями наказывается лишением свободы на срок до трех лет или испытательным сроком...».

Статья 157

«1. Половое сношение или действия по сексуальному удовлетворению, совершенные в отношении лица того же пола с применением насилия или с угрозой его применения, со злоупотреблением доминирующим положением или властью либо со злоупотреблением неспособностью лица защитить себя, наказываются лишением свободы на срок от двух до восьми лет.

2. Те же деяния, совершенные в отношении потерпевшего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, наказываются лишением свободы на срок от трех до двадцати лет.

3. Половое сношение или действия по сексуальному удовлетворению, совершенные в отношении лица того же пола, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет...».

Статья 159

«1. Изготовление, публичная демонстрация, передача, предложение, продажа, сдача в аренду или иное распространение порнографических материалов наказываются лишением свободы на

срок до одного года и штрафом в размере от одной тысячи до трех тысяч левов [примерно от 500 до 1 500 евро]...

4. Деяния, предусмотренные пунктами 1–3 настоящей статьи, наказываются лишением свободы на срок до шести лет и штрафом в размере до восьми тысяч левов [примерно 4 000 евро] в случае, если для изготовления порнографических материалов было использовано лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста или кажущееся таковым...».

В. Уголовно-процессуальный кодекс Болгарии

116. В соответствии со статьями 207–211 Уголовно-процессуального кодекса Болгарии 2006 года уголовное преследование возбуждается, если у органов власти имеются законные основания (*законен повод*) и достаточные данные (*достатъчно данни*), указывающие на совершение преступления. Законными основаниями для возбуждения уголовного преследования являются сообщение (*съобщение*) о совершении преступления, адресованное прокурору или иному компетентному органу, публикация в прессе, заявления, сделанные лицом, совершившим преступление, или прямое установление органами преследования признаков совершения преступления.

117. Для принятия решения о возбуждении уголовного преследования или об отказе в его возбуждении прокуратура возбуждает дело (*преписка*) и проводит предварительное расследование (*проверка*). В связи с этим прокуратура может самостоятельно или путем делегирования полномочий компетентным государственным органам и, в частности полиции, собирать любые документы, сведения, свидетельские показания, мнения экспертов или иные относящиеся к делу материалы (статья 145 Закона «О судебной власти»).

118. При вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного преследования и прекращении производства по делу (*отказ да се образува досъдебно производство*) прокурор уведомляет об этом потерпевшего от предполагаемого преступления или его наследников, в соответствующем случае – потерпевшее юридическое лицо, а также лицо, сообщившее о совершении преступления (статья 213 Уголовно-процессуального кодекса Болгарии). Вышестоящий прокурор по жалобе вышеупомянутых лиц или по собственной инициативе может отменить постановление о прекращении производства по делу и возбудить уголовное преследование (пункт 3 статьи 46 и пункт 2 статьи 213 Уголовно-процессуального кодекса Болгарии).

119. В соответствии со статьей 160 Уголовно-процессуального кодекса Болгарии при наличии достаточных оснований полагать, что в каком-либо месте могут находиться предметы, документы или компьютерные информационные системы, содер-

жащие данные, которые могут иметь значение для дела, в рамках уголовного преследования может быть произведен обыск. Обыск производится на основании судебного решения, за исключением чрезвычайных ситуаций, когда немедленное производство обыска является единственным способом сбора и сохранения доказательств (статья 161 Уголовно-процессуального кодекса Болгарии).

120. Согласно статье 172 Уголовно-процессуального кодекса Болгарии, следственные органы могут использовать специальные средства получения информации, в частности прослушивание телефонных переговоров, при расследовании тяжких преступлений, в том числе преступлений, предусмотренных статьями 149–159 Уголовного кодекса Болгарии, только когда соответствующие обстоятельства не могут быть установлены каким-либо иным образом или их установление будет особенно затруднительным без использования следственными органами этих средств. Использование специальных приемов и средств получения информации производится на основании судебного решения, вынесенного по мотивированному запросу прокурора, отвечающего за производство расследования (статья 173 Уголовно-процессуального кодекса Болгарии).

С. Закон «О защите детей»

121. Закон «О защите детей», принятый в 2000 году, призван обеспечить соблюдение прав и защиту детей. Его статья 3 провозглашает защиту наилучших интересов ребенка одним из принципов, регулирующих защиту детей. Статья 11 данного Закона гласит, что каждый ребенок имеет право на защиту, в частности, от посягающих на его достоинство методов воспитания и от любой формы физического, психологического или иного насилия.

122. Национальное агентство по защите детей является главным органом, отвечающим за защиту детей, в сотрудничестве с социальными службами, различными министерствами, мэрами коммун и муниципальными службами социальной помощи. В соответствии с пунктом 1 статьи 17(а) Закона «О защите детей» председатель Национального агентства по защите детей уполномочен, среди прочего, осуществлять контроль за соблюдением прав детей школами, лечебными учреждениями или специализированными учреждениями, такими как детские дома. В случае несоблюдения этих прав или применимого законодательства председатель дает обязательные инструкции в целях устранения выявленных недостатков. Председатель, так же как и муниципальные службы социальной помощи, уполномочен обращаться в полицию, прокуратуру или суды, когда ребенок находится в опасности.

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

А. Организация Объединенных Наций

123. Международная конвенция о правах ребенка или Конвенция о правах ребенка, принятая 20 ноября 1989 г.¹ и ратифицированная почти всеми государствами – членами Организации Объединенных Наций, имеет целью признание и защиту особых прав детей, распространяя на детей концепцию прав человека, провозглашенную Всеобщей декларацией прав человека.

124. Соответствующие положения Конвенции о правах ребенка гласят следующее:

Статья 3

«1. Во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка...».

Статья 19

«1. Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.

2. Такие меры защиты в случае необходимости включают эффективные процедуры для разработки социальных программ с целью предоставления необходимой поддержки ребенку и лицам, которые о нем заботятся, а также для осуществления других форм предупреждения и выявления, сообщения, передачи на рассмотрение, расследования, лечения и последующих мер в связи со случаями жестокого обращения с ребенком, указанными выше, а также в случае необходимости для возбуждения судебной процедуры».

125. Комитет по правам ребенка осуществляет контроль за выполнением этой Конвенции. В своем Замечании общего порядка от 18 апреля 2011 г. № 13, озаглавленном «Право ребенка на свободу от всех форм насилия» и обоснованном тем, что «масштабы и серьезность насилия в отношении детей вызывают опасения», Комитет представил следующие выводы, касающиеся статьи 19 Конвенции о правах ребенка:

– пункт 1 статьи 19 запрещает все формы насилия, в том числе физическое запугивание и «дедовщину» со стороны взрослых и других детей;

– половое принуждение включает любую сексуальную деятельность, навязанную взрослым ребен-

ку или «осуществл[енную]² в отношении ребенка другим ребенком, если ребенок-инициатор значительно старше ребенка-жертвы или применяет силу, угрозу либо другие средства давления»;

– пункт 1 статьи 19 запрещает «процесс производства, создания условий для производства, распространения, показа, сохранения или рекламирования неприличных фотографий... и видеоизображения детей...»;

– пункт 2 статьи 19 возлагает обязательство по принятию мер по выявлению и сообщению данных о насилии, по проведению расследования и возбуждению судебной процедуры.

126. Что касается расследований, Замечание общего порядка № 13 предусматривает следующее:

«Расследование в случаях применения насилия, о которых сообщил ребенок, какой-либо представитель или третья сторона, должно проводиться квалифицированными профессионалами, получившими ролевую и комплексную подготовку, и требует применения подхода с учетом прав ребенка и особенностей детей. Проведение серьезного, но учитывающего особенности детей расследования поможет обеспечить надлежащее выявление применения насилия и найти доказательства для проведения административных, гражданских, связанных с защитой детей и уголовных процедур. Чрезвычайную осторожность следует применять для избежания того, чтобы ребенку не был нанесен дополнительный вред в связи с процессом проведения расследования. С этой целью все участвующие стороны обязаны выяснять мнение ребенка и учесть его должным образом».

В Замечании общего порядка № 13 также уточняется, что судебные процедуры могут включать процедуры в рамках уголовного законодательства, «которые должны строго применяться с целью искоренения широко распространенной практики легальной или фактической безнаказанности, особенно в отдельных государственных учреждениях».

В. Совет Европы

1. Лансаротская конвенция

127. Целями Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (известной как Лансаротская конвенция), принятой Комитетом Министров 12 июля 2007 г. и вступившей в силу 1 июля 2010 г., являются предотвращение сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей и борьба с ними, защита прав детей – жертв сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений и развитие национального и международного сотрудничества в борьбе с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении детей. Лансаротская

¹ Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. № 44/25 (примеч. переводчика).

² Квадратные скобки добавлены при переводе (примеч. переводчика).

конвенция для Болгарии вступила в силу 1 апреля 2012 г., а для Италии – 1 мая 2013 г. Конвенция требует, в частности, установления уголовной ответственности за все формы сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей (статьи 18–24) и принятия мер, направленных на оказание помощи жертвам. Лансаротская конвенция также определяет требования, которым должны соответствовать расследования и уголовные разбирательства, проводимые по таким деяниям. Соответствующие разделы Лансаротской конвенции предусматривают следующее:

«Глава IV. Меры защиты и помощь жертвам

Статья 11. Принципы

«1. Каждая Сторона принимает эффективные социальные программы и создает многопрофильные структуры с целью оказания необходимой помощи жертвам, их близким родственникам, а также любым иным лицам, ответственным за опеку над ними...».

Статья 12. Информирование о подозрениях в отношении сексуальной эксплуатации или сексуальных злоупотреблений

«...2. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, поощряющие любое лицо, владеющее информацией или имеющее добросовестные подозрения о фактах сексуальной эксплуатации или сексуальных злоупотреблений в отношении детей, сообщать о них компетентным органам...».

Статья 13. Информационные службы помощи

«Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, направленные на содействие и поддержку организации информационных служб, таких, как линии помощи по телефону или в Интернете, для предоставления консультаций, в том числе в конфиденциальном порядке или с должным обеспечением анонимности».

Статья 14. Помощь жертвам

«...3. Когда родители или иные лица, осуществляющие опеку над ребенком, причастны к его или ее сексуальной эксплуатации или сексуальным злоупотреблениям в его или ее отношении, процедуры, применяемые при реализации пункта 1 статьи 11, включают:

– возможность изоляции предполагаемого правонарушителя...».

Глава VI. Материальное уголовное право

Статья 18. Сексуальные злоупотребления

«1. Каждая Сторона принимает все необходимые законодательные или иные меры, обеспечивающие установление уголовной ответственности за следующие умышленно совершаемые деяния:

а) занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, который, согласно соответствующим положениям национального законодательства, не достиг установленного законом возраста для занятия деятельностью сексуального характера;

б) занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, когда:

– используются принуждение, сила или угрозы; или

– имеет место злоупотребление признанным доверием, властью или влиянием на ребенка, в том числе внутри семьи; или

– имеет место злоупотребление особо уязвимым положением ребенка, в частности, в силу его ограниченных умственных и физических возможностей или в случае его зависимого положения...».

Статья 25. Юрисдикция

«1. Каждая из Сторон принимает необходимые законодательные или иные меры с целью установить юрисдикцию в отношении любого преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, если такое преступление совершается:

а) на ее территории; или...

д) одним из ее граждан; или

е) лицом, обычно проживающим на ее территории...».

Статья 27. Санкции и меры

«1. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, обеспечивающие, чтобы преступления, установленные в соответствии с настоящей Конвенцией, были наказуемы наложением эффективных, соразмерных и действенных санкций с учетом их тяжести. Такие санкции включают наказание в виде лишения свободы, что может стать основанием для экзотрадиции...».

3. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, направленные на то, чтобы:

а) обеспечить изъятие и конфискацию:

– имущества, документов и иных средств, использованных для совершения или содействия совершению преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией;

– доходов, извлеченных в результате совершения таких преступлений, или имущества, стоимость которого соответствует размеру таких доходов;

б) обеспечить временное или окончательное закрытие заведений, которые использовались для совершения преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, без ущемления прав добросовестных третьих сторон, или обеспечить временное или окончательное отстранение правонарушителя от осуществления профессиональной или добровольной деятельности, связанной с контактами с детьми, в ходе которой было совершено правонарушение...».

Глава VII. Расследование, судебное преследование и процессуальное законодательство

Статья 30. Принципы

«1. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, обеспечивающие, чтобы расследование и уголовное разбирательство проводились с учетом высших интересов ребенка и с соблюдением его прав.

2. Каждая Сторона придерживается защитного подхода к жертвам, обеспечивая, чтобы расследование и уголовное разбирательство не усугубляли нанесенную ребенку травму и чтобы после применения мер уголовного правосудия ему при необходимости оказывалась помощь.

3. Каждая Сторона обеспечивает, чтобы расследование и уголовное разбирательство считались приоритетными и проводились без неоправданных задержек.

4. Каждая Сторона обеспечивает, чтобы меры, принимаемые в соответствии с настоящей главой, не наносили ущерба правам защиты и требованиям справедливого и беспристрастного суда, согласно статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

5. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры в соответствии с основными принципами своего внутреннего права для того, чтобы:

– обеспечить эффективное расследование и уголовное преследование в отношении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, допуская, по мере целесообразности, использование скрытных оперативно-следственных методов;

– дать возможность подразделениям или службам, ведущим расследование, устанавливать личность жертв преступлений, признанных таковыми в соответствии со статьей 20, в частности, анализируя порнографические материалы с детьми, такие как фотографии и аудиовизуальные записи, переданные или предоставленные посредством информационно-коммуникационных технологий».

Статья 31. Общие меры защиты

«1. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры для защиты прав и интересов жертв, включая удовлетворение их особых потребностей как свидетелей, на всех стадиях расследования и уголовного разбирательства, в частности, путем:

а) информирования их об их правах и службах, имеющих в их распоряжении, и, если они не отказываются от получения такой информации, о мерах, принятых по их жалобе, обвинениях, об общем ходе расследования или разбирательства и их роли в них, а также о результатах производства по их делам...

с) предоставления им в той форме, которая предусмотрена процессуальными нормами внутреннего права, права дачи показаний, представления доказательств и выбора способов изложения и рассмотрения их взглядов, потребностей и озбоченностей напрямую или через посредника;

д) оказания им надлежащих вспомогательных услуг с тем, чтобы их права и интересы должным образом представлялись и учитывались;

е) охраны их частной жизни, неразглашения их имен и сохранения в тайне их внешности, и принятия мер в соответствии с внутренним правом с целью недопущения обнародования любой информации, которая могла бы привести к установлению их личности...

2. Каждая Сторона обеспечивает доступ жертвам с момента их первого контакта с компетентными органами к информации, касающейся соответствующих судебных и административных разбирательств...».

Статья 32. Возбуждение разбирательств

«Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, обеспечивающие, чтобы расследование или уголовное преследование в отношении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, не зависели от заявления или обвинения со стороны жертвы и чтобы разбирательство могло продолжаться, даже если жертва отказалась от сделанных им или ею заявлений...».

Статья 34. Расследования

«1. Каждая Сторона принимает такие меры, которые могут быть необходимы для обеспечения того, чтобы лица, подразделения или службы, которые занимаются расследованием, специализировались на борьбе с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении детей или чтобы эти лица получали соответствующую профессиональную подготовку...».

Статья 35. Опросы ребенка

«1. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, обеспечивающие, чтобы:

а) опросы ребенка проводились без неоправданной задержки после получения компетентными органами информации о произошедшем;

б) опросы ребенка проводились в случае необходимости в помещениях, предназначенных или приспособленных для этой цели;

с) опросы ребенка проводились специально подготовленными специалистами;

д) все опросы ребенка проводились по возможности и при необходимости одними и теми же лицами;

е) количество опросов было настолько минимальным, насколько это возможно, и чтобы они проводились лишь по необходимости для цели уголовного разбирательства;

ф) ребенка мог сопровождать его или ее законный представитель или при необходимости, взрослый по его или ее выбору, если не вынесено иного обоснованного решения в отношении этого лица.

2. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, обеспечивающие, чтобы все опросы жертвы или, когда это целесообразно, ребенка-свидетеля могли записываться на видеопленку, и чтобы такие записанные на видеопленку опросы могли приниматься в качестве показаний в ходе судебного разбирательства в соответствии с нормами, предусмотренными ее внутренним правом...».

Статья 36. Уголовное судебное разбирательство

«1. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры, при надлежа-

щем соблюдении норм, регулирующих независимость лиц юридических профессий, обеспечивающие, чтобы все лица, участвующие в разбирательстве, в частности судьи, обвинители и адвокаты, могли получить профессиональную подготовку в области защиты прав детей, а также борьбы с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении детей...».

Глава IX. Международное сотрудничество

Статья 38. Общие принципы и меры международного сотрудничества

«1. Стороны осуществляют самое широкое сотрудничество друг с другом в соответствии с положениями настоящей Конвенции и путем применения соответствующих применимых международных и региональных документов и договоренностей, достигнутых на основе единообразного или действующего на основе взаимности законодательства и внутреннего права, с целью:

а) предотвращения сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей и борьбы с этими явлениями;

б) защиты жертв и оказания им помощи;

с) проведения расследований или разбирательств, касающихся преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией.

2. Каждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры с целью обеспечения того, чтобы жертвы преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, которое было совершено на территории Стороны, не являющейся государством их проживания, могли подать жалобу в компетентные органы государства, в котором они проживают...».

2. Пояснительный доклад к Лансаротской конвенции

128. В Пояснительном докладе к Лансаротской конвенции подчеркивается, что статья 18 этой Конвенции, определяющая такое преступление, как сексуальное злоупотребление в отношении ребенка, требует, чтобы дети независимо от возраста были защищены в «ситуациях, когда причастные лица злоупотребляют доверительными отношениями с ребенком, вытекающими из наличия у них естественного, социального или духовного авторитета, позволяющего им контролировать ребенка, наказывать или вознаграждать его эмоционально, материально или даже физически».

129. Относительно статьи 30 Лансаротской конвенции, касающейся принципов расследования, в Пояснительном докладе уточняется следующее:

– в соответствии с пунктом 3 этой статьи расследование и разбирательство «должны считаться приоритетными и проводиться без неоправданных задержек, так как чрезмерная продолжительность разбирательства может быть воспринята ребенком-жертвой как отрицание его слов или отказ

выслушать его показания и может усугубить уже перенесенную им травму»;

– первый подпункт пункта 5 данной статьи предусматривает, что «Стороны должны принимать необходимые законодательные или иные меры для обеспечения эффективного расследования и уголовного преследования в отношении преступлений, признанных таковыми... Решение о выборе способов проведения расследования остается за Сторонами. Тем не менее Стороны должны допускать при необходимости и в соответствии с основными принципами своего внутреннего права использование скрытных оперативно-следственных методов...»;

– второй подпункт [пункта 5 данной статьи] предлагает Сторонам «разработать методы анализа материалов, содержащих порнографические изображения, чтобы облегчить установление личности жертв».

Что касается рекомендации использовать при необходимости скрытные оперативно-следственные методы (на английском языке «*covert operations*»), в докладе уточняется, что «Стороны по своему усмотрению могут решать, когда и при каких обстоятельствах допускается использование таких методов расследования, учитывая, в частности, принцип соразмерности средств доказывания с точки зрения характера и тяжести расследуемых преступлений».

3. Декларация Лансаротского комитета о защите детей, помещенных на попечение вне семейного окружения, от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений

130. Комитет Сторон Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (известный как Лансаротский комитет) осуществляет контроль за выполнением Лансаротской конвенции. С этой целью он, в частности, содействует эффективному применению и осуществлению этой Конвенции, включая выявление любых проблем, и дает заключение относительно любого вопроса, касающегося ее применения (пункты 1 и 3 статьи 41 Лансаротской конвенции).

131. В ходе своего 25-го заседания (15–18 октября 2019 г.) Лансаротский комитет принял Декларацию о защите детей, помещенных на попечение вне семейного окружения, от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений. Соответствующие разделы этой Декларации гласят:

«Лансаротский комитет призывает государства – участники Лансаротской конвенции:

...2) обеспечить во всех типах учреждений по опеке вне семейного окружения следующее:

(i) комплексные процедуры проверки всех сотрудников, осуществляющих уход за детьми;

(ii) конкретные меры по предупреждению злоупотреблений повышенной уязвимостью и зависимостью детей;

(iii) адекватные механизмы помощи детям в раскрытии информации о любом сексуальном насилии;

(iv) протоколы, обеспечивающие в случае раскрытия информации о насилии эффективную помощь предполагаемым жертвам и расследование предполагаемых преступлений компетентными органами власти;

(v) четкие процедуры, позволяющие удалить предполагаемого правонарушителя из учреждения по опеке вне семейного окружения с самого начала расследования...

4) предоставить жертвам сексуальных злоупотреблений в учреждениях по опеке вне семейного окружения долговременную медицинскую, психологическую и социальную помощь, а также юридическую помощь и компенсацию...

8) содействовать проведению исследований и осуществлению мероприятий на внутреннем и международном уровнях в целях:

(i) изучения и анализа явлений сексуальных злоупотреблений в отношении детей во всех типах учреждений по опеке вне семейного окружения, в частности, вопроса об ответственности юридических лиц;

(ii) обеспечения возможности пережившим в детстве сексуальные злоупотребления в учреждениях по опеке вне семейного окружения быть выслушанными и признанными;

(iii) выявления передовой практики по оказанию поддержки пережившим в детстве сексуальные злоупотребления в учреждениях по опеке вне семейного окружения;

(iv) планирования целого ряда мер по борьбе с сексуальными злоупотреблениями в отношении детей, находящихся в учреждениях по опеке вне семейного окружения, посредством эффективных профилактических мер, предоставления услуг и судебного преследования правонарушителей».

4. Европейская социальная хартия

132. Европейская социальная хартия (принятая в 1961 году и пересмотренная в 1996 году) в статье 7 предусматривает, что дети и молодежь имеют право на специальную защиту от рисков физического и морального ущерба, которым они подвергаются. Статья 17 пересмотренной Европейской социальной хартии провозглашает право детей и молодежи на социальную, правовую и экономическую защиту. Подпункт «b» пункта 1 этой статьи предписывает, в частности, принимать все надлежащие и необходимые меры для того, чтобы защищать детей и молодежь от безнадзорности, насилия и эксплуатации.

5. Руководящие принципы, касающиеся правосудия, учитывающего интересы детей

133. Руководящие принципы Совета Европы, касающиеся правосудия, учитывающего интере-

сы детей, были приняты Комитетом Министров 17 ноября 2010 г. Соответствующие разделы этих принципов приведены ниже:

III. Основные принципы

А. Участие

«1. Следует уважать право каждого ребенка на получение информации о его правах, на надлежащий доступ к правосудию, на проведение с ним консультаций, а также право быть заслушанным в ходе любого разбирательства, затрагивающего его прямо или косвенно. Это включает в себя уделение должного внимания мнению ребенка, с учетом его зрелости и возможных трудностей в общении, с тем, чтобы его участие имело смысл...».

В. Наилучшее обеспечение интересов ребенка

«1. Государства-члены должны обеспечить эффективное осуществление права детей на уделение первостепенного значения наилучшему обеспечению их интересов во всех делах, затрагивающих их прямо или косвенно...».

Д. Защита от дискриминации

«...2. Детям, находящимся в наиболее уязвимом положении, а именно детям из числа мигрантов, беженцев и ходатайствующих о предоставлении убежища, несопровождаемым детям, детям-инвалидам, бездомным детям, уличным детям, детям народа рома и детям, помещенным в специализированные учреждения, могут быть предоставлены специальные защита и помощь...».

IV. Правосудие, учитывающее интересы детей до, во время и после судебного разбирательства

А. Общие принципы правосудия, учитывающего интересы детей

1. Информирование и консультирование

«1. С момента их первого контакта с судебной системой или с другими компетентными органами (такими как полиция, иммиграционные службы, образовательные, социальные службы или службы здравоохранения) и на протяжении всего этого процесса дети и их родители должны безотлагательно получать надлежащую информацию, в том числе о:

а) своих правах, в частности об особых правах детей в судебных или внесудебных разбирательствах, касающихся их или могущих их касаться, а также об имеющихся средствах правовой защиты в случае нарушения их прав, таких как возможность прибегнуть к судебному или внесудебному разбирательству или к другим мерам. Речь может идти об информации, касающейся вероятной продолжительности разбирательства или возможностей доступа к средствам правовой защиты и независимым механизмам обжалования;

б) системе и соответствующих разбирательствах с учетом особого места в них ребенка и роли, которую он может в них сыграть, а также о различных этапах разбирательства;

с) механизмах сопровождения ребенка при его участии в судебных или внесудебных разбирательствах;

д) целесообразности и возможных последствиях конкретного судебного или внесудебного разбирательства;

е) предъявленном обвинении или мерах, принятых по их жалобе, если это применимо;

г) дате и месте проведения судебного разбирательства и других соответствующих мероприятий (например, слушаний, если ребенок пострадал лично);

г) ходе и результатах разбирательства или о принятии других мер...

к) наличии служб (медицинских, психологических, социальных, устного и письменного перевода и других) или организаций, которые могут оказать поддержку, а также средств доступа к этим службам, если это применимо, посредством чрезвычайной финансовой помощи;

1) любом специальном соглашении по защите в максимально возможной степени их наилучших интересов, когда они проживают в другом государстве.

2. Информация и консультации должны предоставляться детям в такой форме, которая соответствует их возрасту и степени зрелости, на понятном им языке, учитывающем культурные и гендерные различия.

3. Как правило, информация должна предоставляться непосредственно и ребенку, и его родителям или законным представителям. Предоставление информации родителям не должно заменять ее передачу ребенку...».

D. Правосудие, учитывающее интересы детей во время судебного разбирательства

«3. Право быть заслушанным и выражать свою точку зрения

44. Судьи должны уважать право детей быть заслушанными во всех затрагивающих их делах или, по крайней мере, тогда, когда они считаются способными сформулировать свои собственные взгляды, что касается соответствующих дел. Используемые для этой цели средства должны соответствовать уровню понимания ребенка и его способности общаться, а также учитывать особые обстоятельства дела. С детьми следует проконсультироваться по вопросу о том, каким образом они хотели бы быть заслушанными...

48. Дети должны получать всю необходимую информацию об эффективном осуществлении права быть заслушанными. Тем не менее им следует объяснить, что право быть заслушанным и право на учет их точки зрения не обязательно определяют окончательное решение.

49. Судебные постановления и решения в отношении детей, особенно решения, в которых их взгляды и мнения не были учтены, должны быть надлежащим образом обоснованы и разъяснены детям на понятном им языке...

5. Организация разбирательств, благоприятная для детей обстановка и понятный для них язык

54. Во всех разбирательствах к детям следует обращаться с учетом их возраста, особых потреб-

ностей, степени зрелости и уровня понимания, а также имея в виду их возможные трудности в общении. Дела, затрагивающие детей, должны рассматриваться в спокойной и учитывающей интересы ребенка обстановке...

58. Дети должны иметь возможность находиться в сопровождении их родителей или, в соответствующих случаях, взрослого по их выбору, если не вынесено иного обоснованного решения в отношении этого лица.

59. Такие методы проведения опроса, как запись видео- или аудиоматериалов или досудебные слушания в закрытом заседании, должны использоваться и рассматриваться в качестве допустимых доказательств...

6. Доказательства/заявления детей

64. Беседы и опросы с участием детей должны проводиться квалифицированными специалистами. Должны быть приняты все меры для того, чтобы позволить детям давать свидетельские показания в наиболее благоприятной обстановке и в наиболее подходящих условиях с учетом их возраста, степени зрелости и уровня понимания, а также их возможных трудностей в общении.

65. Следует поощрять заявления детей-жертв и свидетелей в аудиовизуальной форме, соблюдая при этом право других сторон оспорить содержание этих заявлений.

66. Когда требуется проведение нескольких допросов, было бы предпочтительно, чтобы они проводились одним и тем же лицом для сохранения согласованности подхода в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка.

67. Количество допросов должно быть как можно более ограниченным, а их продолжительность должна учитывать возраст ребенка и его способность к концентрации внимания.

68. Следует, насколько это возможно, избегать прямого контакта, очной ставки или общения между ребенком-жертвой или свидетелем и предполагаемым правонарушителем, если только ребенок-жертва не попросит об этом...

70. Существование менее строгих правил в отношении дачи свидетельских показаний (например, освобождение от присяги или от других аналогичных заявлений) или иных процессуальных мер, учитывающих интересы детей, не должно само по себе умалять значение, придаваемое свидетельским показаниям ребенка...

73. Свидетельские показания или заявления ребенка ни в коем случае не должны считаться недопустимыми или недостоверными только из-за его возраста...».

V. Поощрение других мер, учитывающих интересы детей

«Государствам-членам рекомендуется:

...е) облегчить доступ детей к судам и механизмам обжалования, а также признать роль неправительственных организаций и других независимых учреждений или органов, таких как уполномоченный по правам ребенка, и способствовать ее повышению с целью содействия эффективному доступу детей к судам и независимым механиз-

мам обжалования как на национальном, так и на международном уровне...

г) развивать и облегчать использование детьми и другими лицами, действующими от их имени, универсальных и европейских механизмов защиты прав человека и прав ребенка для осуществления правосудия и защиты прав, когда национальные средства правовой защиты отсутствуют или были исчерпаны...

ж) создать учитывающие интересы детей междисциплинарные центры любого типа для детей-жертв и свидетелей, где они могли бы быть допрошены и пройти медицинский осмотр в судебно-медицинских целях, а также пройти всестороннюю оценку и получить от квалифицированных специалистов все необходимые терапевтические услуги;

к) создать бесплатные специализированные и доступные службы поддержки и информации, такие как консультирование в режиме онлайн, линии помощи и местные общественные службы...».

6. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № Rec(2005)5 «О правах детей, постоянно проживающих в специализированных учреждениях»

134. В этом документе, принятом 16 марта 2005 г., Комитет Министров Совета Европы рекомендовал властям государств-членов принять законодательные и иные необходимые меры, гарантирующие соблюдение установленных в ней принципов и стандартов качества, в частности, путем создания эффективной системы мониторинга и внешнего контроля за специализированными учреждениями. Рекомендация определяет в качестве основного принципа, что:

«– любые меры по контролю и дисциплине, которые могут использоваться в специализированных учреждениях, включая меры, нацеленные на предотвращение нанесения ребенком вреда самому себе и другим, должны основываться на государственных нормах и утвержденных стандартах».

Данная Рекомендация также устанавливает ряд особых прав детей, постоянно проживающих в специализированных учреждениях, в том числе:

«– право на уважение человеческого достоинства и физической неприкосновенности ребенка; особенно право на пребывание в условиях человеческого, не унижающего достоинство обращения и ненасильственного воспитания, включая защиту от телесных наказаний и всех форм жестокого обращения...»

– право жаловаться в идентифицируемый, беспристрастный и независимый орган с целью защиты основных прав детей».

С. Европейский союз

135. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 13 декабря 2011 г. № 2011/93/UE о борьбе с сексуальными злоупотреблениями и сексуальной эксплуатацией детей,

а также с детской порнографией устанавливает минимальные правила, касающиеся определения преступлений и санкций в сфере сексуальных злоупотреблений и сексуальной эксплуатации детей, детской порнографии и домогательств с сексуальными целями в отношении детей. Она также содержит положения, направленные на усиление мер по предупреждению этого вида преступности и по защите потерпевших от нее. В ней содержатся положения, аналогичные положениям Лансаротской конвенции. Срок имплементации указанной Директивы истек 18 декабря 2013 г., то есть после событий, относящихся к настоящему делу.

136. До принятия Директивы № 2011/93/UE Рамочное решение Совета Европейского союза от 22 декабря 2003 г. № 2004/68/JAI о борьбе с сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией требовало от государств-членов в рамках комплексного подхода, включающего эффективные соразмерные и действенные санкции и сопровождающегося как можно более широким правовым сотрудничеством, обеспечить установление уголовной ответственности за наиболее серьезные формы сексуальных злоупотреблений и сексуальной эксплуатации детей и гарантировать минимальный уровень помощи жертвам. Рамочное решение Совета Европейского союза от 15 марта 2001 г. № 2001/220/JAI о статусе жертв в уголовном процессе предоставляло целый ряд прав жертвам в ходе уголовного процесса, в том числе право на защиту и право на возмещение ущерба.

137. Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского союза, вступившая в силу в 2005 году и применявшаяся на момент описываемых в настоящем деле событий, призвана дополнять и содействовать применению положений о взаимной правовой помощи между государствами – членами Европейского союза.

ПРАВО

1. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

138. Европейский Суд отмечает, что приемные родители трех заявителей подали первоначальную жалобу от имени последних, а также от себя лично. 5 сентября 2016 г. Председатель Секции Суда вынесла решение официально уведомить власти Болгарии о поданных жалобах в той мере, в какой они касались трех несовершеннолетних заявителей, и объявить неприемлемыми для рассмотрения по существу жалобы, поданные родителями от своего собственного имени (см. выше § 4). В соответствии с пунктом 2 статьи 27 Конвенции и пунк-

том 3 правила 54 Регламента Европейского Суда решение об объявлении этих жалоб неприемлемыми для рассмотрения по существу является окончательным.

139. Палата Европейского Суда в своем Постановлении (далее – Постановление Палаты Европейского Суда) напомнила об этих обстоятельствах и уточнила, что Постановление не касается жалоб, объявленных неприемлемыми для рассмотрения по существу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Х и другие против Болгарии» (X and Others v. Bulgaria) от 17 января 2019 г., жалоба № 22457/16, § 58).

140. В Большой Палате Европейского Суда заявители настаивали на том, что Европейский Суд должен рассмотреть жалобы, поданные родителями от своего собственного имени. Власти Болгарии возражали против этого требования и утверждали, что решение об объявлении части жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу является окончательным.

141. Европейский Суд напоминает, что согласно его прецедентной практике содержание и пределы рассмотрения «дела», переданного в Большую Палату Европейского Суда, определяются решением Палаты Европейского Суда о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу и не распространяются на жалобы, объявленные неприемлемыми для рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильнзеер против Германии» (Inseher v. Germany) от 4 декабря 2018 г., жалоба №№ 10211/12 и 27505/14¹, § 100; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Парадизо и Кампанелли против Италии» (Paradiso and Campanelli v. Italy) от 24 января 2017 г., жалоба № 25358/12², § 84). С учетом изложенного Большая Палата Европейского Суда ограничит рассмотрение настоящего дела только жалобами, поданными от имени трех несовершеннолетних заявителей и объявленными приемлемыми для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ БОЛГАРИИ

142. Власти Болгарии при рассмотрении дела Большой Палатой Европейского Суда вновь заявили возражение о неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу в связи со злоупотреблением правом подачи индивидуальной жалобы, отклоненное Палатой Европейского Суда (см. §§ 62–64 Постановления Палаты Европейского Суда).

143. С одной стороны, власти Болгарии настаивали на том, что законные представители заявителей с целью ввести Европейский Суд в заблуждение сознательно исказили факты и их утверждения в целом надуманны и не подтверждены убедительными доказательствами, такими как медицинские заключения. С другой стороны, власти Болгарии осудили являющуюся, по их мнению, неуважительной и оскорбительной лексику, использованную в замечаниях заявителей в отношении органов власти Болгарии и физических лиц, которых заявители охарактеризовали как педофилов и соучастников преступных деяний.

144. Заявители не представили каких-либо комментариев по этому вопросу.

145. Европейский Суд напоминает, что согласно его прецедентной практике жалоба является злоупотреблением правом подачи индивидуальной жалобы, когда она умышленно основывается на ложных фактах с целью ввести Европейский Суд в заблуждение (см., среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гросс против Швейцарии» (Gross v. Switzerland), жалоба № 67810/10, § 28, ECHR 2014). В настоящем деле независимо от того, обоснованы ли обвинения в сексуальном насилии, совершенном в отношении заявителей, у Европейского Суда отсутствуют какие-либо основания для вывода о том, что их представители сознательно представили факты, которые, как им было известно, были неточными.

146. Жалобу также можно рассматривать как злоупотребление правом подачи индивидуальной жалобы, когда заявитель в своей переписке использует особо обидные, оскорбительные, угрожающие или провокационные выражения, будь то в отношении государства-ответчика, его уполномоченного при Европейском Суде, органов власти государства-ответчика, самого Европейского Суда, его судей, Секретариата или его сотрудников. Вместе с тем недостаточно, чтобы лексика заявителя являлась просто резкой, полемической или саркастической, чтобы считаться злоупотреблением, лексика должна выходить за «рамки нормальной, гражданской и обоснованной критики» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Зафранас против Греции» (Zafranias v. Greece) от 4 октября 2011 г., жалоба № 4056/08, § 26, с приведенными в нем примерами). В связи с этим представляющие интересы заявителей в Европейском Суде профессиональные юристы также должны обеспечивать соблюдение процессуальных и этических норм, к которым относится и употребление соответствующей лексики. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что в своих замечаниях заявители обвиняли и называли «педофилами» некоторых физических лиц и упрекали органы власти Болгарии, в частности Уполномоченных Болгарии при Европейском

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11 (примеч. редактора).

Суде, в сокрытии преступных деяний. Хотя лексика, использованная в замечаниях заявителей, действительно является неуважительной, Европейский Суд полагает, что предмет и контекст настоящего дела возложили на родителей тяжелое эмоциональное бремя, а двое заявителей являлись еще несовершеннолетними на момент, когда их представители высказали эти замечания. В связи с этим Европейский Суд считает, что заявители не могут нести за это ответственность, и приходит к выводу, что соответствующие замечания не вышли за рамки, оправдывающие объяснение жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу на этом основании.

147. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд отклоняет предварительное возращение властей Болгарии.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

148. Ссылаясь на статьи 3, 6, 8 и 13 Конвенции, заявители утверждали, что во время своего проживания в детском доме в Болгарии они стали жертвами сексуальных злоупотреблений, а органы власти Болгарии не выполнили возложенное на них позитивное обязательство по их защите от подобного обращения и обязательство провести эффективное расследование их утверждений.

149. Европейский Суд напоминает, что он самостоятельно принимает решение о правовой квалификации обстоятельств дела и не связан правовой квалификацией, данной им заявителями или властями государства-ответчика (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (*Radomilja and Others v. Croatia*) от 20 марта 2018 г., жалобы №№ 37685/10 и 22768/12¹, § 126; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.M. против Хорватии» (*S.M. v. Croatia*) от 25 июня 2020 г., жалоба № 60561/14², §§ 241–243). С учетом обстоятельств, на которые жаловались заявители, и формулировки их жалоб Европейский Суд считает наиболее целесообразным рассмотреть эти жалобы только с точки зрения статьи 3 Конвенции (что касается применения аналогичного подхода, см. Постановление Европейского Суда по делу «S.Z. против Болгарии» (*S.Z. v. Bulgaria*) от 3 марта 2015 г., жалоба № 29263/12, § 30).

Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Постановление Палаты Европейского Суда

150. Палата Европейского Суда рассмотрела жалобы заявителей с точки зрения статей 3 и 8 Конвенции, которые сочла применимыми в настоящем деле. Что касается процессуально-правового аспекта этих положений Конвенции, Палата Европейского Суда сочла, что органы власти Болгарии провели расследование достаточно оперативно, добросовестно и тщательно в обстоятельствах настоящего дела, надлежащим образом отреагировали на жалобу, поданную родителями заявителей, и их выводы не могут считаться произвольными или необоснованными. Соответственно, Палата Европейского Суда пришла к выводу об отсутствии нарушения статей 3 и 8 Конвенции по этому вопросу (см. §§ 98–106 Постановления Палаты Европейского Суда).

151. Что касается материально-правового аспекта этих положений Конвенции, хотя и отметив, что заявители не оспаривали правовые рамки, установленные внутригосударственным законодательством для защиты потерпевших, Палата Европейского Суда прежде всего констатировала, что был принят ряд мер общего характера, направленных на обеспечение безопасности детей, проживающих в детском доме. Затем Палата Европейского Суда рассмотрела вопрос о том, нарушили ли власти Болгарии обязательство принять конкретные превентивные меры для защиты заявителей от риска подвергнуться жестокому обращению. Отметив, что не было установлено, что уполномоченные внутригосударственные органы знали или должны были знать о реальной и непосредственной опасности, которой подвергались заявители, Палата Европейского Суда решила, что рассматриваемая ситуация не породила такого обязательства со стороны соответствующих органов власти. В связи с этим Палата Европейского Суда пришла к выводу об отсутствии нарушений указанных положений Конвенции в их материально-правовом аспекте (см. §§ 107–110 Постановления Палаты Европейского Суда).

В. Доводы сторон при рассмотрении дела Большой Палатой Европейского Суда

1. Заявители

152. Заявители утверждали, что они стали жертвами сексуальных злоупотреблений и насилия, когда проживали в детском доме в Болгарии и находились под опекой органов государственной власти. Заявители отмечали, что их рассказы были признаны заслуживающими доверия на основе научных методов психологами, обеспечивавшими наблюдение за ними, и судебными органами Италии, которые обратились к органам власти Болгарии с просьбой о возбуждении уголовного преследова-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2020. № 6 (примеч. редактора).

ния. Заявители сослались также на журналистские расследования, которые привели к публикации статьи в еженедельнике «Эспрессо» и к трансляции в 2016 году репортажа по телевидению Италии, подтвердивших их утверждения.

153. Заявители утверждали, что Болгария является коррумпированной страной и направлением для секс-туризма педофилов. Они полагали, что нахождение детского дома в небольшом изолированном селе способствовало возникновению инцидентов такого рода.

154. По мнению заявителей, детский дом не имел ничего общего с образцовым учреждением, описанным в отчетах и замечаниях властей Болгарии. Ссылаясь, в частности, на свидетельские показания другой приемной итальянской семьи, найденные ими на форуме в Интернете, заявители настаивали на том, что дети не находились под постоянным наблюдением и не спали в отдельных спальнях, рабочие мужского пола контактировали с детьми, и в детском доме проживали воспитанники старше установленного для этого типа учреждений возраста. Заявители добавили, что детский дом был закрыт через несколько лет после описываемых событий.

155. Заявители указали, что другие дети уже жаловались на сексуальное насилие до событий настоящего дела, но каких-либо мер принято не было, и полагали, что объяснения заведующей, утверждавшей о коллективном эмоциональном переносе, произошедшем после рассказов маленькой М., не являются убедительными (см. выше § 113, *in fine*).

156. Заявители утверждали, что отсутствие медицинских заключений, оформление которых к тому же повлекло бы за собой проведение инвазивных обследований, не ставит под сомнение их слова, и ссылались на то, что сексуальное насилие не всегда оставляет физические следы, для которых в любом случае характерна тенденция исчезать с течением времени. Кроме того, по утверждению заявителей, то, что лечащий врач не выявил следов насилия или сексуальных злоупотреблений, не означает, что случаи такого насилия или злоупотреблений должны быть исключены, и заверили, что вполне возможно, что дети со следами насилия не были направлены к врачу для осмотра или же что этот врач был сообщником виновных.

157. Заявители, помимо этого, утверждали, что органы власти Болгарии не провели эффективного расследования, которое позволило бы установить факты и виновных, а скорее поспешили продемонстрировать, что власти Болгарии не могут нести за это ответственность, и подвергнуть сомнению способности их родителей как воспитателей. Заявители упомянули несколько предполагаемых недостатков в проведенных расследованиях и сослались, в частности, на анализ, содержащийся в блоге некоего S.S. – болгарского специалиста

по правам ребенка, работающего в неправительственном секторе.

158. Прежде всего заявители отмечали, что органы власти Болгарии не приняли оперативных мер и ждали несколько недель, до публикации статьи в еженедельнике «Эспрессо», прежде чем начать расследование. В связи с этим заявители уточнили, что сообщение о совершении правонарушения, отправленное Национальному агентству по защите детей 16 ноября 2012 г., не было анонимным, и в качестве доказательства указали на упоминание имени их отца в сообщении. Заявители добавили, что не было принято каких-либо мер относительно просьбы о переводе ответа, составленного на болгарском языке. Кроме того, заявители подчеркнули, что журналист еженедельника «Эспрессо» передал конкретные, по их мнению, доказательства сотруднику полиции К. еще 19 декабря 2012 г., а прокуратура г. Милана также сообщила Посольству Болгарии в г. Риме конкретные сведения, в частности имена виновных, 15 января 2013 г.

159. Заявители упрекали органы власти Болгарии в разглашении прессы данных об их личностях и названия соответствующего детского дома и в предании, таким образом, гласности обстоятельств настоящего дела, что привело, с одной стороны, к нарушению их права на конфиденциальность, а с другой – к предупреждению виновных лиц.

160. Заявители критиковали то, каким образом органы власти Болгарии осуществляли расследование, и упрекали их, в частности, в проведении опросов детей в помещениях детского дома и в присутствии его сотрудников, являвшихся потенциальными виновными в совершении злоупотреблений, и в неприменении при опросах научных методов. Заявители полагали, что для обеспечения эффективности расследований необходимо было использовать такие меры, как прослушивание телефонных переговоров, наблюдение агентами под прикрытием, обыск в учреждении и по месту жительства сотрудников, взятие образцов ДНК у детей и сотрудников и временное отстранение заведующей во избежание оказания давления на детей. Заявители считали, что органы власти также должны были обратиться с ходатайством о допросе заявителей, их родителей и иных потенциальных свидетелей.

161. Заявители утверждали, что, действуя подобным образом, органы власти Болгарии также нарушили обязательства, возложенные на них международными конвенциями о защите прав детей, такими как Международная конвенция о правах ребенка или Лансаротская конвенция. Заявители настаивали, в частности, на том, что власти Болгарии не приняли мер защиты общего характера, требуемых Лансаротской конвенцией, такие как создание национального реестра лиц, осужденных за педофи-

лию, или запрет данным лицам на осуществление деятельности, предполагающей контакт с детьми, и что в рамках проведенного по настоящему делу расследования органы власти нарушили предусмотренные Лансаротской конвенцией права жертв на информирование о мерах, принятых по их жалобе, на дачу показаний, на получение надлежащей помощи и на неразглашение данных об их личностях.

2. *Власти Болгарии*

162. Власти Болгарии считали, что обстоятельства настоящего дела не свидетельствуют о нарушении Конвенции, и призывали Большую Палату Европейского Суда подтвердить выводы, сделанные в связи с этим Палатой Европейского Суда.

163. Власти Болгарии полагали, что отсутствуют какие-либо сомнения в том, что в Болгарии существует законодательная база, в частности, уголовно-правового характера, предусматривающая наказание за деяния, подобные тем, которые обжалуются в настоящем деле, и отвечающая требованиям, вытекающим из соответствующих международных документов. Власти Болгарии утверждали, что до 2012 года страна уже включила в свое законодательство ряд положений, позволяющих ей обеспечить соблюдение Международной конвенции о правах ребенка. Что касается Лансаротской конвенции, власти Болгарии уточнили, что она вступила в силу для Болгарии 1 апреля 2012 г. и поэтому не была применима большую часть периода, в течение которого заявители, по их словам, подвергались злоупотреблениям. Власти Болгарии утверждали, тем не менее, что большинство материально-правовых и процессуальных стандартов, рекомендованных в Лансаротской конвенции, были приняты в 2009–2011 годах.

164. Что касается утверждений о физическом и сексуальном насилии, совершенном в отношении заявителей в детском доме, власти Болгарии заявили, что расследования, проведенные органами власти Болгарии, не выявили каких-либо свидетельств, указывающих на то, что подобные деяния действительно имели место, будь то в отношении заявителей или других детей из детского дома, не говоря уже о том, что существовала преступная организация, действующая на систематической основе. Власти Болгарии указали, что эти обвинения основываются исключительно на показаниях заявителей, являющихся, по мнению властей Болгарии, не очень подробными и содержащими противоречия, отмеченные органами прокуратуры Болгарии. Власти Болгарии добавили, что утверждения заявителей менялись даже при рассмотрении дела в Европейском Суде: первоначальная жалоба изобличала главным образом злоупотребления со стороны других детей, тогда как ходатайство о передаче дела на рассмотрение

Большой Палаты Европейского Суда содержало гораздо более серьезные утверждения о существовании организованной преступной сети.

165. Кроме того, власти Болгарии особо подчеркивали, что заявители не представили медицинские заключения, которые бы подтверждали, в частности, их утверждения о насилии. Основываясь на мнении эксперта, власти Болгарии утверждали, что подобные осмотры не являются по своему характеру инвазивными или травмирующими.

166. Власти Болгарии также полагали, что, если бы утверждения заявителей об очень серьезных, по их мнению, случаях насилия соответствовали действительности, то лечащий врач, не имевший отношения к учреждению и приходивший в детский дом два раза в неделю, во время контрольных осмотров обязательно бы заметил следы такого насилия. Власти Болгарии добавили, что психологу или какому-либо иному сотруднику детского дома ни одной жалобы на подобные действия не поступало. Власти Болгарии уточнили, что рассказы маленькой М. касались изнасилования, предположительно имевшего место в ее семье, и после ее утверждений немедленно был проведен медицинский осмотр.

167. Власти Болгарии, кроме того, подчеркивали, что вопреки утверждениям заявителей решения судебных органов Италии, в частности решение суда по делам несовершеннолетних от 13 мая 2014 г. (см. выше §§ 94–96), не содержат каких-либо выводов о том, что заявители стали жертвами преступлений. Власти Болгарии отмечали, что это решение лишь воспроизводит показания заявителей и предписывает прекратить разбирательство. Власти Болгарии уточнили, что в любом случае это решение не было направлено органам власти Болгарии, отвечающим за расследование.

168. Власти Болгарии утверждали, что руководство детского дома приняло меры, необходимые для обеспечения безопасности воспитанников. Власти Болгарии указали, что учреждение было оборудовано камерами наблюдения, а доступ лиц, не имеющих отношения к детскому дому, находился под контролем. По утверждению властей Болгарии у детей была, помимо этого, возможность сообщить о возможных злоупотреблениях: в распоряжении детей имелись телефон и национальный номер «горячей линии» для детей, находящихся в опасности, и у них был доступ к психологу учреждения. Власти Болгарии добавили, что дети ходили в школу, а некоторые из них периодически возвращались в свои семьи, то есть поддерживали, по их мнению, контакты с внешним миром.

169. Власти Болгарии, кроме того, указали, что с учетом серьезности утверждений заявителей после проведенной в январе 2013 года первой проверки в учреждение на неделю была направлена группа психологов для оказания необходимой помощи детям.

170. Что касается процессуальных обязательств, которые могут вытекать из соответствующих положений Конвенции, власти Болгарии утверждали, что внутригосударственные органы власти действовали быстро после того, как им стало известно об утверждениях заявителей из статей, опубликованных в прессе. Власти Болгарии отметили, что только тогда, когда название организации-посредника AiBi было обнародовано, органы власти получили от этой организации данные о личностях заявителей. Власти Болгарии указали, что до этого времени сведения, изложенные отцом заявителей в его электронном сообщении, а также Центром Надя, были недостаточно точными, чтобы можно было начать расследование.

171. Власти Болгарии считали, что проведенное расследование было независимым, тщательным и всесторонним. Они, в частности, подчеркнули, что Национальное агентство по защите детей и все лица, принимавшие участие в расследованиях, являлись иерархически независимыми от потенциально виновных лиц. Власти Болгарии пояснили, что Национальное агентство по защите детей издало подробные методологические инструкции по проведению проверок, связанных с соблюдением прав детей в школах, специализированных учреждениях и всех учреждениях, принимающих детей. Согласно этим инструкциям, занимающиеся проверками эксперты должны, среди прочих требований, быть объективными и независимыми, следовать этическим нормам, обеспечивать уважение личности и достоинства детей, а также конфиденциальность собранных персональных данных. Методы, рекомендуемые для проведения проверок, включают в себя проверку материалов дел, беседы, проведение письменного расследования, наблюдение, изучение передового опыта, групповые обсуждения и ролевые игры.

172. Что касается тщательности расследований, власти Болгарии отмечали, что возлагаемое на государство обязательство связано не с достижением определенного результата, а с принятием соответствующих мер. Они утверждали, что в настоящем деле различные уполномоченные службы провели в детском доме несколько проверок и попросили лиц, упоминаемых в утверждениях заявителей, дать объяснения. С целью установления истины указанные службы сравнили результаты этих расследований с утверждениями заявителей.

173. В связи с этим власти Болгарии высказали принципиальное возражение против принятия во внимание заявлений S.S., воспроизведенных заявителями (см. выше § 157), полагая, что это лицо не имеет какого-либо отношения к расследованию и не управомочено высказывать свое мнение.

174. Что касается обысков, власти Болгарии пояснили, что такие меры могут быть применены, только когда было возбуждено уголовное дело и когда имеются веские основания полагать, что

в конкретном месте могут находиться вещественные доказательства; они уточнили, что для применения данных мер требуется разрешение судьи, за исключением чрезвычайных ситуаций. Власти Болгарии сочли, что в настоящем деле утверждения заявителей и проведенные расследования не выявили каких-либо доказательств, оправдывающих производство обысков. В отношении применения тайных мер расследования власти Болгарии указали, что заявители предали дело гласности с появлением статьи в еженедельнике «Эспрессо». Власти Болгарии добавили, что заявители ни разу не обращались с ходатайством о производстве дополнительных следственных действий, в частности, при обжаловании ими постановления о прекращении производства по делу.

175. Что касается информации, предоставленной заявителям, власти Болгарии отметили, что разбирательства в Болгарии были начаты не по просьбе приемных родителей, а по собственной инициативе властей, а вынесенные решения были доведены до сведения органов власти Италии в январе 2015 года по просьбе последних. По мнению властей Болгарии, ничто не мешало родителям заявителей запросить в прокуратуре более подробную информацию или применение других следственных мер. Кроме того, замечания заявителей были рассмотрены вышестоящей прокуратурой.

С. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

1. Общие принципы

176. Европейский Суд напоминает, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократических обществ. Эта статья устанавливает абсолютный запрет пыток, а также бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Плохое обращение должно достигать минимального уровня жестокости для того, чтобы на него распространялось действие статьи 3 Конвенции. Оценка этого минимального уровня относительно по своей сути и зависит от всех обстоятельств дела, в частности от продолжительности такого обращения, влияния, которое оно оказало на физическое и психическое состояние потерпевшего, а также в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см., среди прочих примеров, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николае Вирджилиу Тэнасе против Румынии» (Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania) от 25 июня 2019 г., жалоба № 41720/13¹, § 116).

177. Возлагаемое статьей 1 Конвенции на Высокие Договаривающиеся Стороны обязатель-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 7 (примеч. редактора).

ство гарантировать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, закрепленные в Конвенции, в совокупности со статьей 3 Конвенции требует от них принимать меры по обеспечению того, чтобы лица, находящиеся под их юрисдикцией, не подвергались жестокому обращению, в том числе со стороны частных лиц (см., среди прочих примеров, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Киф против Ирландии» (*O'Keefe v. Ireland*), жалоба № 35810/09¹, § 144, ECHR 2014 (извлечения)); Постановление Европейского Суда по делу «М.С. против Болгарии» (*M.C. v. Bulgaria*), жалоба № 39272/98, § 149, ECHR 2003-XII). Дети и другие уязвимые лица, в частности, должны пользоваться эффективной защитой (см. Постановление Европейского Суда по делу «А. против Соединенного Королевства» (*A. v. United Kingdom*) от 23 сентября 1998 г., § 22, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VI; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «М.С. против Болгарии» (*M.C. v. Bulgaria*), § 150; Постановление Европейского Суда по делу «А и В против Хорватии» (*A and B v. Croatia*) от 20 июня 2019 г., жалоба № 7144/15, § 106).

178. Из приведенной ниже прецедентной практики Европейского Суда следует, что позитивные обязательства, возлагаемые на внутригосударственные органы власти в соответствии со статьей 3 Конвенции, включают, во-первых, обязательство создать законодательную и нормативно-правовую базу защиты, во-вторых, при некоторых четко определенных обстоятельствах обязательство принять оперативные меры по защите конкретных лиц от угрозы обращения, противоречащего этому положению Конвенции, и, в-третьих, обязательство провести эффективное расследование обоснованных утверждений о случаях подобного обращения. В целом первые два аспекта этих позитивных обязательств относятся к категории «материально-правовых», тогда как третий аспект соответствует возлагаемому на государство «процессуальному» позитивному обязательству.

(а) Позитивное обязательство создать надлежащую законодательную и нормативно-правовую базу

179. Предусмотренное статьей 3 Конвенции позитивное обязательство требует, в частности, создания законодательной и нормативно-правовой базы, позволяющей обеспечить лицам достаточную защиту от посягательств на их физическую и психическую неприкосновенность в наиболее серьезных случаях, путем принятия положений в области уголовного права и их эффективного применения

на практике (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «S.Z. против Болгарии» (*S.Z. v. Bulgaria*), § 43; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «А и В против Хорватии» (*A and B v. Croatia*), § 110). Что касается конкретно таких тяжких деяний, как изнасилование и сексуальные злоупотребления в отношении детей, на государства-члены возлагается обязанность разработать эффективные уголовно-правовые положения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сёдерман против Швеции» (*Söderman v. Sweden*), жалоба № 5786/08, § 82, ECHR 2013; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «М.С. против Болгарии» (*M.C. v. Bulgaria*), § 150). Это обязательство следует также из положений других международных документов, например из статей 18–24 Лансаротской конвенции (см. выше § 127). В связи с этим Европейский Суд напоминает, что Конвенция должна применяться в соответствии с принципами международного права, в частности с принципами, касающимися международной защиты прав человека (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штрелец, Кесслер и Кренц против Германии» (*Streletz, Kessler and Krenz v. Germany*), жалоба № 34044/96 и две другие жалобы, § 90, ECHR 2001-II; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства» (*Al-Adsani v. United Kingdom*), жалоба № 35763/97, § 55, ECHR 2001-XI).

180. Позитивное обязательство по защите приобретает особое значение в контексте государственной службы, на которую возложена обязанность по защите здоровья и благополучия детей, особенно когда эти дети уязвимы и находятся под исключительным контролем властей (см. в контексте начального образования упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Киф против Ирландии» (*O'Keefe v. Ireland*), § 145, в контексте учреждения для детей-инвалидов и с точки зрения статьи 2 Конвенции Постановление Европейского Суда по делу «Ненчева и другие против Болгарии» (*Nencheva and Others v. Bulgaria*) от 18 июня 2013 г., жалоба № 48609/06, §§ 106–116 и 119–120). Это обязательство в соответствующих случаях может требовать принятия специальных мер и гарантий. У Европейского Суда была, таким образом, возможность уточнить по поводу случаев сексуальных злоупотреблений в отношении несовершеннолетних, в частности, когда лицо, совершившее эти злоупотребления, обладает властью в отношении ребенка, что существование действенных механизмов обнаружения правонарушений и информирования о них является основополагающим условием эффективного исполнения применимых уголовных законов (см. упомянутое выше Постановление

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 5 (примеч. редактора).

Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Киф против Ирландии» (*O'Keeffe v. Ireland*), § 148).

(b) Позитивное обязательство принимать оперативные меры защиты

181. Как и статья 2 Конвенции, статья 3 Конвенции при определенных обстоятельствах может требовать от государства принятия конкретных мер по защите признанных или потенциальных жертв жестокого обращения (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда¹ по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) от 28 октября 1998 г., § 115, *Reports* 1998-VIII).

182. Это позитивное обязательство следует, однако, толковать таким образом, чтобы не навязывать органам власти излишнее или чрезмерное бремя, учитывая непредсказуемость человеческого поведения и оперативные решения, которые необходимо принимать с точки зрения приоритетов и ресурсов. Следовательно, не всякая угроза жестокого обращения возлагает на власти обязанность по смыслу Конвенции принимать конкретные меры по предупреждению возникновения такой угрозы. Тем не менее соответствующие меры должны как минимум обеспечивать эффективную защиту, в частности, детей и других уязвимых лиц, и включать в себя разумные меры по предотвращению жестокого обращения, о котором органы власти знали или должны были знать (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Киф против Ирландии» (*O'Keeffe v. Ireland*), § 144).

183. Для возникновения позитивного обязательства необходимо установить, что органы власти знали или должны были знать на момент существования реальной и непосредственной угрозы для конкретного лица, что он может подвергнуться жестокому обращению в результате преступных деяний третьего лица, и не приняли в рамках своих полномочий мер, которые обоснованно могли бы рассматриваться как способные предотвратить эту угрозу (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джорджевич против Хорватии» (*Đorđević v. Croatia*), жалоба № 41526/10, § 139, ECHR 2012; Постановление Европейского Суда по делу «Бутуругэ против Румынии» (*Buturugă v. Romania*) от 11 февраля 2020 г., жалоба № 56867/15, § 61).

(c) Процессуальное обязательство провести эффективное расследование

184. Если лицо обоснованно утверждает, что оно стало жертвой противоречащих статье 3

Конвенции деяний, эта статья возлагает также на внутригосударственные органы власти обязательство провести эффективное официальное расследование, позволяющее установить факты, а также выявить и в соответствующем случае наказать виновных. Это обязательство не может ограничиваться только случаями жестокого обращения со стороны представителей государства (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «S.Z. против Болгарии» (*S.Z. v. Bulgaria*), § 44; Постановление Европейского Суда по делу «B.V. против Бельгии» (*B.V. v. Belgium*) от 2 мая 2017 г., жалоба № 61030/08, § 56).

185. Для того чтобы быть эффективным, проводимое расследование должно быть достаточно всесторонним. Органы власти должны принять имеющиеся в их распоряжении разумные меры для получения доказательств, относящихся к рассматриваемым фактам (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «S.Z. против Болгарии» (*S.Z. v. Bulgaria*), § 45). Они всегда должны предпринимать серьезные попытки установить, что на самом деле произошло, и не должны со ссылкой на поспешные или необоснованные выводы прекращать расследование (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), жалоба № 23380/09², § 123, ECHR 2015; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «B.V. против Бельгии» (*B.V. v. Belgium*), § 60). Любой недостаток расследования, который умаляет возможность установления фактов или личностей виновных, может привести к нарушению этого стандарта эффективности (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*), § 120; Постановление Европейского Суда по делу «Баты и другие против Турции» (*Bati and Others v. Turkey*), жалоба № 33097/96 и 57834/00, § 134, ECHR 2004-IV (извлечения)).

186. Обязательство провести эффективное расследование является, однако, обязательством не результата, а средств. Не существует какого-либо абсолютного права требовать преследования или осуждения конкретного лица в отсутствие достоящих порицания недостатков, имевших место при привлечении к ответственности лиц, совершивших преступления (см. Постановление Европейского Суда по делу «А, В и С против Латвии» (*A, B and C v. Latvia*) от 31 марта 2016 г., жалоба № 30808/11, § 149; Постановление Европейского Суда по делу «M.G.C. против Румынии» (*M.G.C. v. Romania*) от 15 марта 2016 г., жалоба № 61495/11, § 58). Кроме того, в задачу Европейского Суда не входит принятие решений по утверждениям об ошибках или отдельных упущениях в расследовании. Европейский

¹ Так в тексте. Вероятно, имеется в виду Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*) от 28 октября 1998 г. (примеч. переводчика).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 2 (примеч. редактора).

Суд не может ни подменять собой внутригосударственные органы власти в оценке фактов дела, ни выносить решение об уголовной ответственности предполагаемого преступника (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «B.V. против Бельгии» (B.V. v. Belgium), § 61; Постановление Европейского Суда по делу «M. и C. против Румынии» (M. and C. v. Romania) от 27 сентября 2011 г., жалоба № 29032/04, § 113). Также в задачу Европейского Суда не входит подвергать сомнению направления расследования, выбранные следователями, или сделанные ими фактические выводы, за исключением случаев, когда эти выводы произвольны или явно не основаны на надлежащих доказательствах (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «S.Z. против Болгарии» (S.Z. v. Bulgaria), § 50; Постановление Европейского Суда по делу «Y против Болгарии» (Y v. Bulgaria) от 20 февраля 2020 г., жалоба № 41990/18, § 82). Исключение очевидного направления расследования может, тем не менее, окончательно подорвать способность расследования установить обстоятельства дела и личности виновных (см. Постановление Европейского Суда по делу «M.N. против Болгарии» (M.N. v. Bulgaria) от 27 ноября 2012 г., жалоба № 3832/06, § 48; и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Y против Болгарии» (Y v. Bulgaria), § 82).

187. Вместе с тем, чтобы расследование можно было считать эффективным, осуществляющие его лица и учреждения должны быть независимы от лиц, в отношении которых оно проводится. Это предполагает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но и практическую независимость (см., среди прочих примеров, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буйид против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), § 118).

188. Обязательство провести расследование также подразумевает требование оперативности и разумной старательности. В связи с этим Европейский Суд считает, что незамедлительное начало расследования и его тщательное проведение имеют решающее значение. Независимо от результата разбирательства механизмы защиты, предусмотренные во внутригосударственном законодательстве, должны применяться на практике в разумные сроки, позволяющие завершить рассмотрение по существу конкретных дел, представленных властям (см. Постановление Европейского Суда по делу «W. против Словении» (W. v. Slovenia) от 23 января 2014 г., жалоба № 24125/06, § 64; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «S.Z. против Болгарии» (S.Z. v. Bulgaria), § 47; Постановление Европейского Суда по делу «V.C. против Италии» (V.C. v. Italy) от 1 февраля 2018 г., жалоба № 54227/14, § 95).

189. Более того, потерпевший должен иметь возможность эффективно участвовать в рассле-

довании (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буйид против Бельгии» (Bouyid v. Belgium), § 122; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «B.V. против Бельгии» (B.V. v. Belgium), § 59). Расследование также должно быть доступным для потерпевшего в пределах, необходимых для защиты его законных интересов (см. в контексте статьи 2 Конвенции Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджио против Италии» (Giuliani and Gaggio v. Italy), жалоба № 23458/02¹, § 303, ECHR 2011 (извлечения)).

190. Выводы расследования должны основываться на тщательном, объективном и беспристрастном анализе всех соответствующих элементов (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «А и В против Хорватии» (A and B v. Croatia), § 108). Вместе с тем характер и степень проверки, которые удовлетворяют минимальному уровню эффективности расследования, зависят от обстоятельств конкретного дела. Они должны быть оценены в свете всех соответствующих фактов и с учетом практических реалий следственной работы (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Армани Да Сильва против Соединенного Королевства» (Armani Da Silva v. United Kingdom) от 30 марта 2016 г., жалоба № 5878/08², § 234).

191. Требование эффективности расследования при определенных обстоятельствах может включать для ответственных за него органов власти обязательство сотрудничать с органами власти другого государства, подразумевающее обязанность обратиться за помощью или оказать помощь со своей стороны. Характер и объем этих обязательств неизбежно будут зависеть от обстоятельств конкретного дела, например от того, находятся ли на территории соответствующего Договаривающегося Государства основные доказательства или скрылись ли на его территории подозреваемые (см. в контексте статьи 2 Конвенции Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гюзельюртлу и другие против Кипра и Турции» (Güzelyurtlu and Others v. Cyprus and Turkey) от 29 января 2019 г., жалоба № 36925/07³, § 233). Это означает, что власти соответствующих государств должны принимать все возможные разумные меры, чтобы сотрудничать друг с другом, и добросовестно исчерпать возможности, предлагаемые им применимыми международными документами, касающимися взаимной правовой помощи и сотрудничества по уголовным делам. Хотя Европейский Суд не обладает компетенцией по

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 2 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2017. № 3 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2019. № 5 (примеч. редактора).

контролю за соблюдением международных договоров и обязательств, помимо Конвенции, он обычно в этом контексте проверяет, использовали ли власти государства-ответчика возможности, предоставленные им данными документами (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гюзельюртлу и другие против Кипра и Турции» (*Güzelyurtlu and Others v. Cyprus and Turkey*), § 235, с приведенными в нем примерами).

192. Наконец, из прецедентной практики Европейского Суда следует, что в случаях, когда дети могли стать жертвами сексуальных злоупотреблений, соблюдение позитивных обязательств, вытекающих из статьи 3 Конвенции, требует в рамках начатых внутригосударственных процедур эффективного осуществления права детей на наилучшее обеспечение их интересов, а также учета их особой уязвимости и их специфических потребностей (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «А и В против Хорватии» (*A and B v. Croatia*), § 111; Постановление Европейского Суда по делу «М.М.В. против Словакии» (*M.M.B. v. Slovakia*) от 26 ноября 2019 г., жалоба № 6318/17, § 61; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «М.Г.С. против Румынии» (*M.G.C. v. Romania*), §§ 70 и 73). Эти требования также изложены в других имеющих отношение к настоящему делу международных документах, таких как Международная конвенция о правах ребенка, Лансаротская конвенция и документы, принятые в рамках Европейского союза (см. выше §§ 124–127 и 135–137). В более общем смысле Европейский Суд полагает, что в случаях возможных сексуальных злоупотреблений в отношении несовершеннолетних предусмотренное статьей 3 Конвенции процессуальное обязательство провести эффективное расследование подлежит толкованию в свете обязательств, вытекающих из других применимых международных документов, и прежде всего из Лансаротской конвенции.

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

193. Европейский Суд отмечает, что заявители по причине своего юного возраста и статуса детей, оставшихся без попечения родителей и помещенных в специализированное учреждение, находились в особо уязвимом положении. В этом контексте сексуальные злоупотребления и насилие, которым они, по их утверждениям, подверглись, если предположить, что таковые были установлены, являются достаточно серьезными, чтобы на них распространялось действие статьи 3 Конвенции (см. также § 82 Постановления Палаты Европейского Суда). В связи с этим Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, выполнили ли вла-

сти Болгарии в настоящем деле свои обязательства в соответствии с этим положением Конвенции.

(а) Позитивное обязательство создать надлежащую законодательную и нормативно-правовую базу

194. Европейский Суд прежде всего отмечает, что заявители не оспаривают существование во внутригосударственном праве Болгарии уголовного законодательства, имеющего целью предупреждение сексуальных посягательств в отношении детей и наказание за них. Европейский Суд в связи с этим отмечает, что Уголовный кодекс Болгарии предусматривает наказание за сексуальные злоупотребления, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, лицами старше 14 лет, даже при отсутствии принуждения, и устанавливает более строгое наказание, когда сексуальное насилие совершено в отношении несовершеннолетних, а также карает конкретные преступления, такие как вовлечение несовершеннолетних в действия сексуального характера или распространение порнографии (см. выше § 115). Соответствующие положения, как представляется, охватывают действия, обжалуемые заявителями в настоящем деле.

195. Европейский Суд далее напоминает в свете принципов, установленных в упомянутых выше Постановлениях по делам «О'Киф против Ирландии» (*O'Keeffe v. Ireland*) и «Ненчева и другие против Болгарии» (*Nencheva and Others v. Bulgaria*) (см. выше § 180), что на государства возлагается расширенное обязательство по защите детей, которые, как и заявители в настоящем деле, остались без попечения родителей и были направлены в государственное учреждение, отвечающее за обеспечение их безопасности и благополучия, и поэтому находились в особо уязвимом положении. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что власти Болгарии утверждали, что был создан ряд механизмов по предупреждению и выявлению случаев жестокого обращения в детских учреждениях. Уполномоченные органы, проводившие проверки в детском доме, о котором идет речь, в своих отчетах действительно утверждали, что в соответствии с действующими правилами был принят ряд мер, направленных на обеспечение безопасности проживающих в нем детей. Согласно этим отчетам, доступ в учреждение посторонних лиц контролировался охранником и камерами наблюдения, а дети, как правило, не оставались без присмотра со стороны персонала, в частности, по ночам или во время их перемещений за пределами детского дома. В этих отчетах указывалось также, что воспитанники находились под регулярным наблюдением независимого врача и психолога учреждения и имели доступ к телефону и номеру «горячей линии» для детей, находящихся в опасности.

Наконец, Европейский Суд отмечает, что власти Болгарии создали специализированный орган – Национальное агентство по защите детей, задачей которого, в частности, являлось проведение проверок в детских учреждениях на регулярной основе или реагирование на сообщения и которое было уполномочено принимать надлежащие меры по обеспечению защиты детей или же обращаться в уполномоченные органы власти с целью привлечения причастных лиц к дисциплинарной или уголовной ответственности (см. выше § 122).

196. Европейский Суд отмечает, что заявители оспаривают фактическое существование или эффективность некоторых из этих мер и механизмов. Вместе с тем документы, приобщенные к материалам дела, не позволяют Европейскому Суду подтвердить или опровергнуть фактические выводы, содержащиеся в отчетах уполномоченных органов, проверявших детский дом в настоящем деле, что касается осуществления этих мер. Европейский Суд не располагает какими-либо доказательствами того, что на момент описываемых событий в Болгарии существовала, как дают понять заявители, системная проблема, связанная с секс-туризмом педофилов или с сексуальными злоупотреблениями в отношении малолетних детей в учреждениях или в школьной среде и требующая от властей принятия более строгих мер (см. для сравнения упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Киф против Ирландии» (*O'Keeffe v. Ireland*), в котором Европейский Суд считал, что власти государства-ответчика знали о значительном количестве сексуальных злоупотреблений в начальных школах и не приняли мер, способных предотвратить риск совершения подобных злоупотреблений (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О'Киф против Ирландии» (*O'Keeffe v. Ireland*), §§ 157–169)). С учетом вышеизложенного Европейский Суд не располагает достаточными данными для того, чтобы установить, что законодательная и нормативно-правовая база, созданная властями Болгарии для защиты детей, проживающих в специализированных учреждениях, от серьезных посягательств на их неприкосновенность, являлась несовершенной в нарушение обязательств, предусмотренных статьей 3 Конвенции.

(b) Позитивное обязательство принимать оперативные меры защиты

197. Как Европейский Суд отметил выше, заявители в настоящем деле находились в особо уязвимом положении и были помещены под исключительный контроль органов государственной власти. Руководители детского дома были обязаны постоянно обеспечивать безопасность, здоровье и благополучие детей, находящихся на их попечении,

в том числе заявителей. При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что возлагаемое статьей 3 Конвенции на органы власти обязательство принимать оперативные меры защиты, когда они знали или должны были знать о риске того, что ребенок может подвергнуться жестокому обращению, в рассматриваемом случае стало расширенным и требовало от соответствующих органов проявлять особую бдительность. В связи с этим Европейский Суд должен проверить, знали ли внутригосударственные органы в данном конкретном случае или должны были знать в свое время о существовании для заявителей реальной и непосредственной угрозы подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, и, в случае утвердительного ответа на данный вопрос, приняли ли эти органы власти все разумно ожидаемые от них меры, чтобы воспрепятствовать осуществлению такой угрозы (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (*Osman v. United Kingdom*), § 116).

198. Основываясь на представленных властями Болгарии документах, Европейский Суд отмечает, что проведенные на внутригосударственном уровне расследования не позволили установить, что заведующей детским домом, какому-либо сотруднику или органу власти было известно о злоупотреблениях, на которые ссылаются заявители. В соответствии с отчетами следователей психолог и лечащий врач, регулярно наблюдавшие за воспитанниками детского дома, сообщили следователям, что они не выявили каких-либо признаков, позволяющих заподозрить, что заявители или другие дети подвергались насилию или сексуальным злоупотреблениям. Что касается случая с маленькой М., упомянутого заявителями, из приобщенных к материалам дела документов следует, что он не касался злоупотреблений, совершенных в детском доме (см. выше §§ 56 и 113, *in fine*). При таких обстоятельствах и в отсутствие доказательств, подтверждающих утверждение, согласно которому заявитель сообщил заведующей о фактах злоупотреблений, Европейский Суд не располагает достаточной информацией, чтобы установить, что органы власти Болгарии знали или должны были знать о том, что заявители подвергаются реальной и непосредственной угрозе жестокого обращения, что породило бы для органов власти обязательство принять конкретные превентивные меры для защиты заявителей от такой угрозы (см., *a contrario*, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Джорджевич против Хорватии» (*Đorđević v. Croatia*), §§ 144–146; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «V.C. против Италии» (*V.C. v. Italy*), §§ 99–102; и Постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии» (*Talpis v. Italy*) от 2 марта 2017 г., жалоба № 41237/14, § 111).

199. С учетом вышеизложенного (см. выше §§ 194–196 и 197–198) Европейский Суд приходит к выводу об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

**(с) Процессуальное обязательство
провести эффективное расследование**

200. Европейский Суд отмечает, что, если оставить в стороне вопрос о том, было ли первое информирование органов власти Болгарии достаточно подробным, следует признать, что уже в феврале 2013 года органы власти Болгарии получили от прокуратуры г. Милана более подробные сведения об утверждениях о сексуальных злоупотреблениях, которым заявители, по их словам, подверглись в детском доме, куда их поместили, со стороны других детей, а также нескольких взрослых: сотрудников детского дома или лиц, не имеющих к нему отношения (см. выше § 65). Эта информация свидетельствовала, с одной стороны, о том, что наблюдавшие за заявителями психологи сочли их утверждения заслуживающими доверия, а с другой – о том, что специализированная ассоциация «Телефоно Адзурро», Комиссия по международному усыновлению и прокуратура г. Милана признали их достаточно серьезными для проведения расследования (см. выше §§ 22, 62 и 65).

201. С учетом изложенного Европейский Суд полагает, что органы власти Болгарии столкнулись с «обоснованными» по смыслу его прецедентной практики утверждениями о тяжких злоупотреблениях, совершенных в отношении детей, находящихся под их ответственностью, и были обязаны в соответствии с обязательствами, вытекающими из статьи 3 Конвенции, как можно скорее принять необходимые меры для оценки достоверности этих утверждений, выяснения обстоятельств дела и установления возможных виновных (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «М.М.В. против Словакии» (М.М.В. v. Slovakia), § 66; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «В.В. против Бельгии» (В.В. v. Belgium), § 66).

202. Европейский Суд отмечает, что после публикации статей в прессе и передачи властям Болгарии прокуратурой г. Милана собранной ею информации, а также просьбы, адресованной Министерству юстиции Болгарии Комиссией по международному усыновлению, власти государства-ответчика предприняли ряд следственных действий. Действительно, Национальное агентство по защите детей и другие работающие в социальной сфере службы провели проверки, а прокурор дал указание начать предварительное расследование. Не предпринимая вопроса об их эффективности и тщательности (см. ниже §§ 210–223), следует отметить, что эти меры представляются адекватными и способными в принципе позволить устано-

вить факты, а также выявить и наказать виновных лиц. В зависимости от их результатов данные расследования могли привести к возбуждению уголовных дел против лиц, подозреваемых в совершении насилия или сексуальных злоупотреблений в отношении заявителей, а также к принятию иных мер, например к применению дисциплинарных взысканий к сотрудникам, не выполнившим свои обязанности по обеспечению безопасности воспитанников, или к соответствующим мерам в отношении детей, совершивших противоправные деяния, но не подлежащих уголовной ответственности. Поэтому Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, были ли проведенные расследования достаточно эффективными с точки зрения статьи 3 Конвенции.

203. Что касается прежде всего ожидаемых от органов власти оперативности и быстроты, Европейский Суд отмечает, что первая проверка, назначенная Национальным агентством по защите детей, была проведена в детском доме в понедельник 14 января 2013 г., то есть в первый рабочий день, следовавший за публикацией в болгарской прессе статей, воспроизводивших статью из еженедельника «Эспрессо». В связи с этим Европейский Суд подчеркивает, что неофициальные контакты журналиста итальянского еженедельника с неустановленным сотрудником полиции (см. выше § 77) не подтверждают в достаточной степени тот факт, что утверждения заявителей были доведены до сведения властей по смыслу прецедентной практики Европейского Суда. Безусловно, отец заявителей написал обращение в Национальное агентство по защите детей 16 ноября 2012 г., а 20 ноября 2012 г. Центр Надя сообщил этому агентству о его телефонном звонке. Вместе с тем Европейский Суд указывает, что в этих сообщениях не упоминались ни имена детей, ни название соответствующего детского дома, а сообщение отца не содержало каких-либо конкретных утверждений (см. выше §§ 42–44). Следует признать, что Национальное агентство по защите детей было уполномочено проводить проверки и на практике оно предприняло в этом направлении определенные действия, которые, однако, не увенчались успехом до опубликования статьи в еженедельнике «Эспрессо». При таких обстоятельствах представляется затруднительным упрекать органы власти в том, что до проведения проверки прошло несколько недель.

204. Европейский Суд также отмечает, что Национальное агентство по защите детей незамедлительно проинформировало прокуратуру о разоблачениях, сделанных итальянским еженедельником, и о результатах своей первой проверки. Получив в январе 2013 года от прокуратуры г. Милана новые более конкретные сведения, раскрывающие на этот раз имена лиц, потенциально причастных к предполагаемым злоупотреблениям, прокуратура Велико-Тырново быстро дала указание начать полицейское расследование, а служ-

бам по защите детей – провести новые проверки. Европейский Суд полагает, что все эти следственные действия были выполнены в разумные сроки с учетом обстоятельств дела, принимая во внимание, в частности, то обстоятельство, что в контексте международного сотрудничества требуется больше времени для передачи информации между различными соответствующими органами или для перевода документов. Два разбирательства, начатые прокуратурой Болгарии, действительно были завершены в течение нескольких месяцев, в июне и ноябре 2013 года соответственно, и привели власти к выводу о том, что собранные доказательства не являются основанием для возбуждения уголовного преследования.

205. Несомненно, впоследствии прошли более длительные периоды времени прежде, чем результаты расследования были переданы органам власти Италии и родителям заявителей. Европейский Суд, тем не менее, полагает, что эти периоды не повлияли на эффективность расследования, которое было завершено в 2013 году (см. выше §§ 100–102).

206. С учетом вышеизложенного Европейский Суд считает, что оперативность и быстрота, с которыми действовали органы власти Болгарии, не могут подвергаться сомнению.

207. Далее, что касается отсутствия независимости и объективности, в котором заявители упрекают Национальное агентство по защите детей, Европейский Суд отмечает, что это агентство является административным органом власти, специализирующимся на защите детей, который уполномочен осуществлять контроль за соблюдением законодательства, применяемого в учреждениях, принимающих детей, выявлять возможные недостатки в обеспечении безопасности или в предоставляемом детям уходе и принимать меры для их устранения. Европейский Суд подчеркивает, что ни Национальное агентство по защите детей, ни его сотрудники не были причастны к делу и, кроме того, в материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства, позволяющие усомниться в их независимости. Что касается предполагаемого отсутствия объективности Национального агентства по защите детей, то Европейский Суд рассмотрит этот вопрос ниже (см. ниже § 224).

208. Заявители, помимо этого, упрекали власти Болгарии в недостаточном информировании их законных представителей о ходе расследования. Европейский Суд в связи с этим отмечает, что Лансаротская конвенция в подпунктах «а», «с» и «d» пункта 1 статьи 31 предусматривает обязательство информировать жертв об их правах и службах, имеющихся в их распоряжении, и, если они не отказываются от получения такой информации, о ходе начатых разбирательств, а также об их праве на дачу показаний, оказывая им в случае необходимости надлежащие вспомогательные услуги (см. выше § 127). Европейский Суд указы-

вает, что в настоящем деле родители заявителей не подавали официальную жалобу в Болгарии и не обращались в органы прокуратуры, занимавшиеся уголовным расследованием, которое было начато в связи с сообщениями Национального агентства по защите детей, несмотря на отсутствие официальной жалобы в соответствии с рекомендациями Лансаротской конвенции. Тем не менее, даже если родители заявителей не стремились участвовать в расследовании, Европейский Суд выражает сожаление, что органы власти Болгарии не попытались связаться с ними, чтобы предоставить им необходимые информацию и помощь. Действительно, хотя родители заявителей были проинформированы о результатах уголовного расследования через органы власти Италии (см. выше §§ 100–102), отсутствие своевременной информации и помощи не позволило им принимать активное участие в различных разбирательствах, в результате чего они смогли подать жалобу только по прошествии длительного времени после завершения расследований (см. выше §§ 104–109).

209. Кроме того, что касается жалоб заявителей на раскрытие властями их имен в прессе, Европейский Суд замечает, что заявители не представили по этому поводу отдельной жалобы, в частности, с точки зрения статьи 8 Конвенции, а утверждали, что это обстоятельство является одним из аспектов отсутствия эффективности, который, по их мнению, бросает тень на все проведенное расследование. В этой связи Европейский Суд не располагает какими-либо данными, указывающими на то, что такое раскрытие информации было результатом действий органов власти, занимавшихся расследованиями, или что оно негативно сказалось на их эффективности. Европейский Суд также отмечает, что Национальное агентство по защите детей утверждало, что оно приняло определенные меры по жалобе, поданной родителями заявителей (см. выше § 64).

210. В отношении всестороннего характера расследования Европейский Суд прежде всего напоминает, что процессуальное обязательство провести эффективное расследование является обязательством не результата, а средств, и поэтому тот факт, что расследования в настоящем деле не привели к привлечению к уголовной ответственности именно конкретных лиц, не может поставить под сомнение их эффективность (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «А и В против Хорватии» (A and B v. Croatia), §§ 110 и 129; Постановление Европейского Суда по делу «М.Р. и другие против Болгарии» (M.P. and Others v. Bulgaria) от 15 ноября 2011 г., жалоба № 22457/08, § 111).

211. По этому поводу Европейский Суд отмечает, что компетентные внутригосударственные органы власти выполнили ряд следственных мероприятий. В ходе первой проверки, проведенной

в январе 2013 года после сообщений о деле в прессе и установления личностей заявителей, службы по защите детей выехали на место, чтобы проконтролировать надлежащую работу детского дома, и согласно составленным в связи с этим следователями отчетам ознакомились с документами, в частности с медицинскими картами заявителей и других проживавших там в рассматриваемый период детей. Они побеседовали с заведующей учреждением, сотрудниками детского дома, лечащим врачом и мэром коммуны, отвечавшим за управление детским домом. Они также заслушали воспитанников, организовав беседы, хотя и проведенные в не учитывающем их возраст и зрелость формате и без видеозаписи, и выдав анонимную анкету детям старшего возраста (см., что касается, в частности, необходимости опрашивать несовершеннолетних в приспособленных для этого помещениях и делать видеозапись их показаний, пункты 1 и 2 статьи 35 Лансаротской конвенции, приведенные выше в § 127). В ходе второго расследования, проведенного группой экспертов из различных соответствующих административных органов и полицией в феврале 2013 года, после получения от прокуратуры г. Милана более подробной информации, вновь были проведены документальные проверки и опрошен ряд заинтересованных лиц. Полиция допросила, в частности, мужчин, которые могли соответствовать описанию совершивших злоупотребления лиц, на которых указали заявители: некоторые из них, например водитель Да., охранник К. и специалист по отоплению I., являлись сотрудниками детского дома, тогда как другие, фотограф D. и электрик N., работали там время от времени. Четверо детей, упомянутые заявителями и все еще проживавшие в детском доме, также были заслушаны, хотя их показания снова не были записаны на видео, а совсем маленького ребенка В. полиции пришлось опрашивать повторно (см. выше §§ 68 и 72, а также пункты 1 и 2 статьи 35 Лансаротской конвенции).

212. Европейский Суд, кроме того, отмечает, что органы власти, по всей видимости, пренебрегли некоторыми направлениями расследования, которые могли бы оказаться важными при обстоятельствах настоящего дела, и не выполнили ряд следственных действий.

213. В связи с этим Европейский Суд напоминает, что обязательство провести достаточно всестороннее расследование возникает у органов власти с того момента, как они получили обоснованные утверждения о сексуальных злоупотреблениях. Подобное обязательство не может ограничиваться установлением обязанности реагировать на возможные просьбы потерпевшего или предоставлением ему инициативы по принятию на себя ответственности за процедуру расследования (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу

«S.M. против Хорватии» (S.M. v. Croatia), § 314; упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Y против Болгарии» (Y v. Bulgaria), § 93; см. также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «S.Z. против Болгарии» (S.Z. v. Bulgaria), § 50, в котором Европейский Суд критиковал органы власти за исключение некоторых направлений расследования, даже несмотря на то, что заявительница не обжаловала решение о частичном прекращении уголовного преследования; Постановление Европейского Суда по делу «M. и другие против Италии и Болгарии» (M. and Others v. Italy and Bulgaria) от 31 июля 2012 г., жалоба № 40020/03, § 104, в котором Европейский Суд выявил нескольких свидетелей, которых власти должны были бы допросить, хотя этот вопрос и не поднимался в ходе внутригосударственного разбирательства).

214. Аналогичным образом важно подчеркнуть, что другие международные документы, такие как Международная конвенция о правах ребенка и Лансаротская конвенция, инкорпорировали стандарты прецедентной практики Европейского Суда по вопросам насилия в отношении несовершеннолетних, в частности, относительно процессуального обязательства провести эффективное расследование (см. выше в §§ 124–126 пункт 2 статьи 19 Международной конвенции о правах ребенка в толковании, данном Комитетом по правам ребенка, а также статьи 12–14 и 30–38 Лансаротской конвенции, которые следует рассматривать с учетом Пояснительного доклада к ней, приведенного выше в §§ 127–128). Согласно положениям указанных документов, применимость которых *ratione temporis* к рассматриваемым в настоящем деле расследованиям не оспаривалась (см. выше § 163), государства обязаны принять все необходимые законодательные или иные меры с целью предоставления необходимой поддержки ребенку и лицам, которые о нем заботятся, для информирования о злоупотреблениях, их выявления и расследования (см. статью 19 Международной конвенции о правах ребенка), для оказания им поддержки, помощи и консультирования (см. статьи 11–14 Лансаротской конвенции), защищая при этом их анонимность (см. статью 13 Лансаротской конвенции, которая также ссылается на информирование посредством Интернета и конфиденциальных линий помощи по телефону). Цель этих положений заключается в обеспечении того, чтобы расследования, гарантируя при этом право обвиняемого на защиту, проводились в высших интересах ребенка (см. пункты 1, 4 и 5 статьи 30 Лансаротской конвенции). Лансаротская конвенция устанавливает также необходимость предоставлять несовершеннолетним «право дачи показаний, представления доказательств и выбора способов изложения и рассмотрения их взглядов, потребностей и озбоченностей напрямую или через посредника»

(см. подпункт «с» пункта 1 статьи 31 указанной Конвенции), в том числе путем предоставления ребенку возможности находиться в сопровождении его законного представителя. Для сведения к минимуму количества опросов и во избежание, таким образом, дальнейших травм Лансаротская конвенция также предусматривает применение видеозаписи и рекомендует, чтобы данная запись могла использоваться в качестве доказательства (см. статью 35 указанной Конвенции).

215. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что рассказы заявителей в том виде, в котором они были собраны и записаны психологами Центра терапии отношений с помощью отца заявителей, а затем показания, предоставленные итальянскому прокурору по делам несовершеннолетних, которые также были записаны на DVD-диск, властями Италии были признаны заслуживающими доверия на основе проведенного специалистами анализа, содержали некоторые конкретные данные и поименно называли лиц, совершивших злоупотребления. Большая часть имеющихся документов была постепенно передана органам власти Болгарии в связи с несколькими просьбами о возбуждении уголовного дела, направленными по дипломатическим каналам прокурором г. Милана, а затем Министерством юстиции Италии и Комиссией по международному усыновлению (см. выше §§ 62, 65 и 97). Если у органов власти Болгарии имелись сомнения относительно достоверности этих утверждений, в частности, из-за некоторых противоречий, выявленных в последовательных рассказах заявителей, или вследствие возможности того, что родители могли повлиять на заявителей, они могли попытаться прояснить факты, попросив заслушать заявителей и их родителей (см. в отношении схожей ситуации Постановление Европейского Суда по делу «G.U. против Турции» (*G.U. v. Turkey*) от 18 октября 2016 г., жалоба № 16143/10, § 71). Это позволило бы оценить достоверность утверждений заявителей и при необходимости уточнить некоторых из них. Специалисты, собравшие свидетельские показания детей, различные психологи, опрашивавшие заявителей в Италии, также могли бы предоставить соответствующую информацию.

216. Необходимо признать, что опрос заявителей органами власти Болгарии, возможность которого была оставлена открытой итальянским прокурором, советовавшей не продолжать допросы заявителей с учетом вероятности новых опросов со стороны органов власти Болгарии (см. выше § 92), был, по-видимому, нецелесообразным, поскольку был сопряжен с риском, с одной стороны, усугубить возможную травму у заявителей, а с другой – оказаться безрезультатным с учетом времени, прошедшего с момента их первых признаний, и возможности того, что на их рассказы повлияли воспоминания или внешние факторы. Европейский

Суд, тем не менее, полагает, что при данных обстоятельствах органам власти Болгарии следовало оценить необходимость просить о проведении такого опроса. Однако постановления прокуратуры не содержат в связи с этим каких-либо обоснований, и представляется, что возможность допросить заявителей не рассматривалась, по-видимому, только по причине того, что заявители не проживали в Болгарии. Европейский Суд отмечает, что пункт 2 статьи 38 Лансаротской конвенции предусматривает, что жертвы предполагаемых злоупотреблений имеют право сообщить о них органам власти по месту своего жительства и от них нельзя требовать выезда за границу. В соответствии со статьей 35 Лансаротской конвенции опросы несовершеннолетних должны проводиться, по возможности, одними и теми же лицами, а видеозаписи опросов должны, по возможности, использоваться в качестве доказательств. Таким образом, в настоящем деле власти Болгарии могли бы, руководствуясь принципами, установленными в международных договорах, принять меры по оказанию помощи и поддержки заявителям в их двойном качестве потерпевших и свидетелей и поехать в Италию в рамках взаимной правовой помощи или же обратиться к органам власти Италии с просьбой вновь опросить заявителей.

217. Европейский Суд вновь напоминает, что согласно его прецедентной практике в транснациональных делах процессуальное обязательство провести расследование может подразумевать обязанность обратиться к другим государствам с просьбой о сотрудничестве для целей расследования и уголовного преследования (см. выше § 191). Кроме того, возможность обращения к международному сотрудничеству в целях расследования случаев сексуальных злоупотреблений в отношении детей прямо предусмотрена статьей 38 Лансаротской конвенции (см. выше § 127). В настоящем деле, хотя прокурор г. Милана отказался от юрисдикции в связи с отсутствием достаточной юрисдикционной связи с Италией в отношении фактов дела, опрос заявителей был возможен в соответствии с механизмами правового сотрудничества, существующими, в частности, в рамках Европейского союза (см. выше § 137).

218. Даже не пытаясь прямо опросить заявителей, органы власти Болгарии как минимум могли бы запросить у органов власти Италии видеозаписи, сделанные в ходе бесед заявителей с психологами Центра терапии отношений и их допросов прокурором по делам несовершеннолетних (см. выше §§ 16 и 82). Из-за этого упущения в расследовании, которого можно было бы легко избежать, органы власти Болгарии не смогли попросить «специально подготовленных» специалистов просмотреть видеоматериал и оценить достоверность рассказов заявителей (см. пункт 1 статьи 34 и подпункт «с» пункта 1 статьи 35 Лансаротской конвенции).

219. Аналогичным образом, поскольку заявители не представили медицинских заключений, органы власти Болгарии могли бы попросить, все так же в рамках международного правового сотрудничества, чтобы заявители прошли медицинский осмотр, который позволил бы подтвердить или исключить некоторые гипотезы, в частности утверждения заявителя об изнасиловании.

220. Европейский Суд, кроме того, отмечает, что рассказы заявителей и доказательства, представленные их родителями, содержали также информацию о других детях – возможных жертвах злоупотреблений, а также о детях, предположительно совершивших злоупотребления. В связи с этим Европейский Суд замечает, что, даже если было невозможно возбудить уголовное преследование в отношении детей, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, некоторые деяния, описанные заявителями как совершенные другими детьми, представляли собой жестокое обращение по смыслу статьи 3 Конвенции и насилие по смыслу статьи 19 Международной конвенции о правах ребенка (см. выше § 124). Таким образом, власти Болгарии были связаны процессуальным обязательством прояснить факты, изложенные заявителями. Однако, несмотря на эти сообщения, расследования ограничились опросом и выдачей анкет нескольким детям, все еще проживавшим в детском доме, в обстановке, которая могла повлиять на их ответы (см., что касается условий проведения этих опросов, выше § 211). Более того, Европейский Суд констатирует, что органы власти Болгарии не попытались опросить всех тех, на кого заявители конкретно указали и кто между тем покинул учреждение (см., например, выше §§ 25 и 28, *in fine*), будь то напрямую или используя в случае необходимости механизмы международного правового сотрудничества.

221. Вместе с тем с учетом характера и серьезности предполагаемых злоупотреблений, и как предлагали заявители, следовало рассмотреть возможность применения скрытных оперативно-следственных мер, таких как наблюдение за окрестностями детского дома, прослушивание телефонных переговоров или запись телефонных и электронных сообщений, а также использование агентов под прикрытием. Подобные «скрытные» меры (на английском «covert operations») прямо упоминаются в пункте 5 статьи 30 Лансаротской конвенции и широко используются в Европе в ходе расследований, касающихся злоупотреблений в отношении несовершеннолетних. В связи с этим Европейский Суд принимает к сведению довод властей Болгарии, согласно которому подобные действия могут нарушить право соответствующих лиц на уважение частной жизни и требуют получения разрешения судьи, основанного на достоверных доказательствах совершения правонарушения. Европейский Суд напоминает, что

сообщения, связанные с соблюдением гарантий, вытекающих из статьи 8 Конвенции, действительно могут правомерно ограничить объем следственных действий (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Джорджевич против Хорватии» (*Đorđević v. Croatia*), § 139). Вместе с тем в настоящем деле подобные меры представляются уместными и соразмерными, принимая во внимание утверждения заявителей о том, что речь идет об организованной сети, а также то, что были названы поддающиеся идентификации лица. Можно было бы осуществлять данные меры постепенно, начав с тех, которые оказывают наименьшее влияние на частную жизнь людей, например с внешнего наблюдения за входами и выходами из детского дома, а затем перейти при необходимости и на основании разрешения компетентного судьи к более инвазивным мерам, таким как прослушивание телефонных переговоров, чтобы обеспечить соблюдение предусмотренных статьей 8 Конвенции прав причастных лиц, которые также необходимо учитывать.

222. Несмотря на то что Европейский Суд не может строить предположения о ходе и результатах расследования, если бы оно проводилось иным образом, он, тем не менее, выражает сожаление, что после письма, отправленного по электронной почте Национальному агентству по защите детей отцом заявителей, и сообщения, отправленного в ноябре 2012 года Центром Надя, Национальное агентство по защите детей просто отправило отцу заявителей письмо на болгарском языке, чтобы запросить дополнительную информацию (см. выше §§ 42–44). Европейский Суд напоминает, что Лансаротская конвенция, с одной стороны, рекомендует учитывать сообщения о правонарушениях, отправленные через Интернет или специально предназначенные для этого линии помощи по телефону, а с другой – не ставит проведение расследования в зависимость от заявлений жертв. При обстоятельствах настоящего дела Национальное агентство по защите детей могло бы в гарантирующем анонимность потенциальных жертв порядке запросить все необходимые детали у Центра Надя, который поддерживал контакт с ассоциацией «Телефоно Адзурро», что позволило бы установить соответствующий детский дом и провести скрытные оперативно-следственные действия даже до опубликования статьи в еженедельнике «Эспрессо» в январе 2013 года. Хотя статья из еженедельника «Эспрессо», воспроизведенная в болгарской прессе, как подчеркивают власти Болгарии, могла предупредить возможных виновных в злоупотреблениях, Европейский Суд, тем не менее, полагает, что сам факт этой публикации, возможно, побудил их связаться друг с другом по телефону или посредством обмена сообщениями, что может только свидетельствовать о целесообразности подобных следственных мер.

223. Следует также отметить, что, несмотря на рассказы заявителей о фотографиях и фильмах, снятых фотографом D., следователи не рассмотрели возможность производства обыска в его студии, при необходимости на основании разрешения, запрошенного у компетентного судьи, а также выемки носителей, на которых могли храниться эти изображения. В более общем плане изъятие телефонов, компьютеров, фотоаппаратов, видеокамер или иных носителей информации, используемых лицами, конкретно указанными в составленных отцом заявителей и переданных органам власти Болгарии списках (см. выше §§ 65 и 97), могло бы позволить получить если не доказательство совершения несколькими месяцами ранее злоупотреблений в отношении заявителей, то хотя бы улики, касающиеся совершения таких злоупотреблений в отношении других детей.

224. Европейский Суд, кроме того, отмечает, что, несмотря на возбуждение трех расследований после публикаций статей в прессе или запросов, направленных органами власти Италии, органы власти Болгарии ограничились допросом лиц, находившихся в детском доме или рядом с ним, и прекратили производство по делам на основании этого единственного метода расследования, повторенного в разных формах в каждом из трех расследований. В связи с этим Европейский Суд считает неприемлемым, что еще до того, как результаты первой проверки, проведенной Национальным агентством по защите детей в детском доме 14 и 15 января 2013 г. и оказавшейся весьма ограниченной с точки зрения выполненных следственных действий, были отражены в отчете и доведены до сведения судебного органа, председатель Национального агентства по защите детей, выступая перед телевизионными каналами, обвинил родителей заявителей в клевете, манипуляции и некомпетентности как родителей (см. выше § 58). Несколько дней спустя, хотя результаты уголовного расследования еще не были известны, парламентарии, посетившие детский дом, заняли аналогичную позицию (см. выше § 59). Подобные заявления неизбежно подрывают объективность и, таким образом, доверие к расследованиям, проведенным Национальным агентством по защите детей, и к самому учреждению (см. выше § 207).

225. Безусловно, не вызывает сомнений, что органы власти Болгарии, проведя три расследования, о которых идет речь, официально ответили на просьбы органов власти Италии и, косвенным образом, на просьбы родителей заявителей. Европейский Суд, однако, считает важным подчеркнуть, что с первых заявлений председателя Национального агентства по защите детей от 16 января 2013 г. и до последнего постановления, вынесенного прокуратурой при Верховном кассационном суде Болгарии 27 января 2016 г. после коммуникации Европейским Судом настоящей

жалобы властям государства-ответчика (см. выше § 111), мотивировка решений властей свидетельствует об ограниченном характере проведенных расследований.

226. Действительно, первое расследование было прекращено исключительно на основе отчета Национального агентства по защите детей (см. выше §§ 54 и 60). Во втором и третьем расследованиях власти без непосредственного опроса заявителей и даже без просмотра видеозаписей придали решающее значение объяснениям допрошенных лиц и противоречиям, выявленным в словах заявителей, в частности, относительно фамилий и обязанностей указанных ими лиц, хотя некоторые из этих несоответствий, касающиеся, в частности, имени E., были легко устранимы (см. выше §§ 74, 105–109 и 32¹). Последнее постановление, вынесенное 27 января 2016 г. вышестоящим органом прокуратуры, поясняло, что заявители утверждали о злоупотреблениях, поскольку «боялись быть отвергнутыми своими приемными родителями, которые решительно не одобряли их аморальное поведение... [и] попытались вызвать сострадание... сообщив о не имевших места событиях, в которых они являлись жертвами преступлений». Но это постановление, которое, по-видимому, было основано на заявлении, сделанном председателем Национального агентства по защите детей через несколько часов после начала расследований тремя годами ранее (см. выше §§ 207 и 224), никоим образом не уточняло, на каких фактических обстоятельствах основывались эти выводы.

227. Анализ собранных данных и мотивировка вынесенных постановлений, по мнению Европейского Суда, свидетельствуют о недостатках, которые могли негативно сказаться на эффективности проведенного в настоящем деле расследования. Приведенная мотивировка, как представляется, не является результатом тщательного анализа собранных доказательств и показывает, что вместо того, чтобы прояснить все относящиеся к делу факты, цель органов власти, занимавшихся расследованиями, заключалась в том, чтобы установить ложность утверждений заявителей, указав на содержащиеся в них неточности, в частности что касается фамилии заведующей или того, что некий N. не работал в детском доме, а являлся внешним подрядчиком.

228. По мнению Европейского Суда, совокупность этих данных подтверждает тот факт, что следственные органы, воздержавшиеся, в частности, от использования имеющихся механизмов расследования и международного сотрудничества, не приняли всех разумных мер с целью прояснить обстоятельства настоящего дела и не провели тщательного и полного анализа имевшихся в их распоряжении доказательств. Выявленные недостат-

¹ Такая последовательность в тексте (примеч. переводчика).

ки представляются достаточно серьезными, чтобы можно было считать, что проведенное расследование не отвечало требованиям эффективности, установленным статьей 3 Конвенции с учетом толкования в свете других применимых международных документов, и в частности Лансаротской конвенции. Таким образом, имело место нарушение этого положения Конвенции в его процессуально-правовом аспекте.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

229. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Моральный вред

230. Заявители требовали выплаты каждому из них 1 600 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Власти Болгарии сочли требования заявителей чрезмерными и предложили Европейскому Суду отклонить их.

231. Европейский Суд полагает, что в результате установленного в настоящем деле нарушения статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте заявителям был причинен моральный вред. Принимая во внимание обстоятельства дела, Европейский Суд присуждает каждому из них 12 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

B. Расходы и издержки

232. Поскольку заявители не представили требований о возмещении судебных расходов и издержек, какая-либо компенсация в качестве их возмещения не подлежит присуждению.

C. Процентная ставка при просрочке платежей

233. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

1) *отклонила* единогласно предварительное возражение властей Болгарии;

2) *постановила* единогласно, что по делу отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте;

3) *постановила* девятью голосами «за» при восьми – «против», что по делу имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте;

4) *постановила* десятью голосами «за» при семи – «против»:

а) что власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить каждому заявителю 12 000 (двенадцать тысяч) евро, что в целом составляет 36 000 (тридцать шесть тысяч) евро, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

б) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процентных пункта;

5) *отклонила* единогласно оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на французском и английском языках, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 2 февраля 2021 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Мариалена ЦИРЛИ
Секретарь-канцлер
Европейского Суда

Роберт СПАНО
Председатель
Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

(a) совместное совпадающее особое мнение судей Ксении Туркович, Пауло Пинто де Альбукерке, Марко Бошняка и Раффаэле Сабато;

(b) частично совпадающее особое мнение судьи Георгия А. Сергидеса;

(c) совместное частично совпадающее и частично несовпадающее особое мнение судей Роберта Спано, Йона Фридрика Кьельбро, Пауля Лемменса, Йонко Грозева, Фариса Вехабовича, Карла Ранзони, Тима Эйке и Петера Пачолаи.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КСЕНИИ ТУРКОВИЧ, ПАУЛО ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ, МАРКО БОШНЯКА И РАФФАЭЛЕ САБАТО

(Перевод)

I. Введение

1. Мы согласны с тем, что сказано в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда. На наш взгляд, необходимо изложить некоторые соображения, если мы хотим дополнительно прояснить

вывод Европейского Суда в настоящем деле о нарушении статьи 3 Европейской конвенции по правам человека (далее также – Конвенция) в ее процессуально-правовом аспекте.

2. В первой серии замечаний мы хотели бы прежде всего пояснить, почему рассмотрение этого дела требовало от Европейского Суда проявить особую деликатность при осуществлении им функции гаранта соблюдения прав человека в Европе.

3. Дело, переданное на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда, действительно касалось очень уязвимых лиц, поскольку заявители, дети, утверждали, что стали жертвами сексуальных злоупотреблений, когда проживали в детском доме. В связи с этим, хотя по всей Европе наблюдается сильная тенденция по переходу от содержания детей в специализированных учреждениях к уходу за детьми в семьях или на местах (деинституционализация), детские дома, тем не менее, продолжают существовать, и бедность остается одной из главных причин такого положения вещей. Использование практики помещения детей в учреждения свидетельствует также о продолжающейся в настоящее время дискриминации в отношении детей-инвалидов, которые зачастую не находят иных возможностей для устройства и должны иногда проживать в учреждениях, предназначенных для взрослых¹. Поэтому очень важно, что Европейскому Суду была предоставлена возможность рассмотреть как минимум некоторые из проблем в области прав человека, с которыми сталкиваются дети, проживающие в специализированных учреждениях.

4. Кроме того, хотя настоящее дело касается сексуального насилия, предположительно совершен-

ного в учреждении, мы полагаем, что принципы, содержащиеся в этом Постановлении и вытекающие из статьи 3 Конвенции, могут также применяться, *mutatis mutandis*, к злоупотреблениям, совершаемым в отношении детей, взятых на попечение в ином порядке (в том числе при уходе за детьми в семьях или при некоторых иных формах ухода за детьми).

5. Дети-заявители являлись также уязвимыми с другой точки зрения. В настоящем деле злоупотребления были совершены не только в том месте, куда дети были помещены властями, но и лицами, входившими в «круг доверия» этих детей. Это понятие касается злоупотреблений, совершаемых лицами, осуществляющими обязанности по уходу за детьми, в том числе сверстниками².

6. Как следствие этого замечания, некоторые из принципов, содержащиеся в данном Постановлении, могут распространяться на все утверждения о сексуальных злоупотреблениях, совершенных лицами из круга доверия несовершеннолетних, в том числе в семье и среди сверстников. По нашему мнению, это только подчеркивает важность сделанных Европейским Судом в этом деле выводов.

7. В учреждениях, неинституциональных структурах по уходу за детьми, а также в любом круге доверия, включая семью, опасность может исходить как от лиц, отвечающих за уход за детьми, так и от других детей. Мы специально вернемся к рассмотрению этого вопроса. Тем не менее нам хотелось бы уже сейчас уточнить, что, на наш взгляд, некоторые из изложенных принципов должны касаться злоупотреблений, совершенных в отношении ребенка не только взрослыми, но и детьми.

8. С учетом вышеизложенного мы хотели бы подчеркнуть: «Международные исследования показывают, что помещение в приют или учреждение ставит детей в уязвимое положение, когда они подвергаются большому риску стать жертвами сексуальных злоупотреблений, совершаемых профессионалами или волонтерами, которые заботятся о них, или же другими детьми...»³. Международные

¹ Стоит отметить усилия Европейского союза (далее – ЕС) в этой сфере. См., например, интернет-страницу Европейской комиссии, озаглавленную как «Переход от оказания услуг по уходу за детьми в учреждениях к оказанию услуг по уходу за детьми на местах (деинституционализация)» (*Transition from institutional to community-based services (Deinstitutionalisation)*) // https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/themes/social-inclusion/desinstit/. Эта страница содержит ссылки, в частности, на следующие документы: Общие европейские руководящие принципы перехода от ухода за детьми в учреждениях к уходу за детьми на местах (*Common European Guidelines on the Transition from Institutional to Community Based Care*); Справочное руководство по использованию фондов ЕС для перехода от ухода за детьми в учреждениях к уходу за детьми на местах (*Toolkit on the Use of European Union Funds for the Transition from Institutional to Community Based Care*); Тематическое руководство по вопросам перехода от ухода за детьми в учреждениях к уходу за детьми на местах (деинституционализация) (*Thematic Guidance Note on Transition from Institutional to Community-based Care (Deinstitutionalisation)*), а также на контрольный перечень, позволяющий следить за тем, чтобы финансируемые ЕС меры способствовали приобретению детьми самостоятельности путем развития оказания услуг по уходу за детьми в семьях и на местах и расширения доступа к таким услугам (*Checklist to ensure EU-funded measures contribute to independent living by developing and ensuring access to family-based and community-based services*).

² Второй доклад Лансаротского комитета от 31 января 2018 г. о применении Лансаротской конвенции «Защита детей от сексуальных злоупотреблений, совершаемых лицами из круга доверия детей», с которым можно ознакомиться по адресу: <https://rm.coe.int/t-es-2017-12-fr-final-report-cot-strategies-with-executive-summary/1680788770>.

³ Декларация Лансаротского комитета о защите детей, помещенных на попечение вне семейного окружения, от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 21 октября 2019 г., с которой можно ознакомиться по адресу: <https://rm.coe.int/declaration-of-the-lanzarote-committee-on-protecting-children-in-out-o/1680985874>, и которая упоминается в § 131 настоящего Постановления. Эта декларация содержит определение таких понятий, как «опека вне семейного окружения», «проживание в приюте» и «помещение в специализированное учреждение», детские дома при этом относятся к категории «специализированных учреждений».

исследования и политика также рекомендуют конкретные стратегии борьбы с сексуальными злоупотреблениями в отношении детей, совершаемыми лицами из их круга доверия. В связи с этим было предложено придерживаться комплексного подхода в борьбе со злоупотреблениями в отношении детей, который имеет вышеупомянутые характеристики и включает в себя профилактику, всестороннюю помощь жертвам, рассмотрение сообщений жертв о правонарушениях, расследования, судебное преследование, уголовные и другие санкции, а также международное сотрудничество.

9. В завершение первой серии соображений нам представляется важным отметить, что, с нашей точки зрения, именно потому, что вышеупомянутые научные и политические подходы были утверждены государствами-участниками в Лансаротской конвенции и в иных международных и европейских документах, цитируемых в настоящем Постановлении, Большая Палата Европейского Суда смогла в § 192 подтвердить и развить свою прецедентную практику, сделав вывод о том, что предусмотренное статьей 3 Конвенции процессуальное обязательство по проведению эффективного расследования подлежит толкованию в свете обязательств, вытекающих из других применимых международных документов и прежде всего из Лансаротской конвенции.

II. Конвенция по правам человека и Лансаротская конвенция

10. Это подводит нас ко второму комплексу соображений, призванных подчеркнуть, что, помимо того, что изложено в настоящем Постановлении, принципы, закрепленные в Лансаротской конвенции (а также в документах, подготовленных Лансаротским комитетом вслед за этим международным документом) и в других документах Совета Европы, на которые делается ссылка в Постановлении, сыграли решающую роль при рассмотрении нами этого дела. Мы полагаем, что данные принципы могут в значительной степени рассматриваться как вытекающие из статьи 3 Конвенции.

11. В связи с этим нам хотелось бы напомнить, что, хотя в задачу Европейского Суда не входит «контроль за соблюдением властями государств-ответчиков других конвенций, помимо Европейской конвенции по правам человека и Протоколов к ней», и в частности Лансаротской конвенции, «которая, впрочем, была разработана, как и сама Конвенция, в рамках Совета Европы», Лансаротская конвенция может «служить источником вдохновения», «как и другие международные документы» (см., например, со ссылкой на Европейскую социальную хартию, Решение Европейского Суда по делу «Зегналова и Зегнал против Чешской Республики» (Zehnalová and

Zehnal v. Czech Republic), жалоба № 38621/97, ECHR 2002-V). Кроме того, Конвенция должна толковаться не изолированно, а в соответствии с общими принципами международного права. Действительно, согласно подпункту «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, следует учитывать «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками», в частности нормы, касающиеся международной защиты прав человека (см., среди прочих примеров, Постановление Европейского Суда по делу «Национальный союз железнодорожных, морских и транспортных работников против Соединенного Королевства» (National Union of Rail, Maritime and Transport Workers v. United Kingdom), жалоба № 31045/10, § 76, ECHR 2014, которое ссылается на Конвенцию Международной организации труда и Европейскую социальную хартию). Аналогичным образом Европейский Суд никогда не считал положения Конвенции единственной основой для толкования закрепленных в ней прав и свобод (см., среди прочих примеров, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Демир и Байкара против Турции» (Demir and Baykara v. Turkey), жалоба № 34503/97, §§ 65–86, ECHR 2008; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии» (Magyar Helsinki Bizottság v. Hungary) от 8 ноября 2016 г., жалоба № 18030/11¹, §§ 123–125). Мы хотели бы в связи с этим уточнить, что Европейский Суд уже ссылался на Лансаротскую конвенцию как на источник вдохновения в контексте, аналогичном контексту настоящего дела (см. Постановление Европейского Суда по делу «А и В против Хорватии» (A and B v. Croatia) от 20 июня 2019 г., жалоба № 7144/15, §§ 78, 80 и 116). Настоящее дело предоставляет нам возможность подчеркнуть связь между Европейской конвенцией по правам человека и Протоколами к ней, с одной стороны, и Лансаротской конвенцией, с другой, что применимо также, *mutatis mutandis*, к другим упомянутым в Постановлении документам. Мы можем воздержаться от подробного изучения этой связи, но, опять-таки, это имеет решающее значение при рассмотрении нами настоящего дела.

III. Недостатки, имевшие место в ходе расследования

12. Третья серия разъяснений должна, на наш взгляд, охватывать недостатки, имевшие место в ходе проведенных в государстве-ответчике расследований, если рассматривать их в конкретном контексте вышеупомянутого процессуального

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 9 (примеч. редактора).

обязательства по проведению эффективного официального расследования в ответ на обоснованные утверждения о злоупотреблениях в отношении ребенка (см. в контексте статьи 4 Конвенции Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.M. против Хорватии» (S.M. v. Croatia) от 25 июня 2020 г., жалоба № 60561/14¹, §§ 324–325, 332 и 336, в котором прямо указано, что принятый Европейским Судом подход по существу соответствует подходу, используемому в делах, касающихся статьи 3 Конвенции). Как было отмечено Большой Палатой Европейского Суда в настоящем Постановлении, хотя речь идет об обязательстве не результата, а средств, упущения органов власти Болгарии, несомненно, были настолько серьезными, что можно было считать, что проведенное расследование не отвечало «требованиям эффективности, установленным статьей 3 Конвенции с учетом толкования в свете других применимых международных документов и в частности Лансаротской конвенции» (см. § 228 настоящего Постановления). Европейский Суд может оставить без внимания только ошибки или отдельные упущения (см. § 186 настоящего Постановления), однако он должен обеспечивать контроль в делах, в которых, как в настоящем деле, внутригосударственные органы власти пренебрегли применением некоторых процессуальных методов (в частности, расследования), прочно устоявшихся в контексте борьбы с насилием в отношении детей и даже предписываемых международными документами (см. §§ 208 и 211–226 настоящего Постановления). Мы хотели бы воспользоваться этой возможностью, чтобы подробнее остановиться на наиболее серьезных недостатках, а именно на тех, которые сопряжены с определенными особенностями вышеупомянутой связи между применением статьи 3 Конвенции и иных международных документов.

13. На наш взгляд, чтобы считаться тщательными, расследования должны включать все разумные меры, позволяющие получить показания очевидцев и результаты судебно-медицинских/научных экспертиз. Когда речь идет о защите уязвимых лиц, например детей, предполагаемых жертв злоупотреблений, с пассивностью властей мириться недопустимо. Естественно, и в сфере насилия в отношении детей требуется наличие «обоснованного утверждения» с тем, чтобы предусмотренное статьей 3 Конвенции обязательство провести расследование вступило в силу (см. §§ 184 и 201 настоящего Постановления). Аналогичным образом в этой сфере для установления того, возникло ли у властей государства-ответчика процессуальное обязательство, следует основываться на обстоятельствах, которые преобладали на момент

соответствующих утверждений, а не на последующем выводе, сделанном по завершении расследования или судебного разбирательства (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.M. против Хорватии» (S.M. v. Croatia), § 325). Вместе с тем напоминание об этом принципе должно сопровождаться, на наш взгляд, необходимым разъяснением: в деле, касающемся насилия в отношении ребенка, органы власти, на которые возлагается ряд вспомогательных обязательств по оказанию помощи и поддержки жертвам и их представителям, должны активно «собирать» обоснованное утверждение, а не просто пассивно «получать» его, чтобы облегчить формулирование жалоб, которые в противном случае будут замалчиваться. Это также позволит избежать того, что обоснованные жалобы не будут рассмотрены Европейским Судом в соответствии с Конвенцией (см., *mutatis mutandis*, *ibid.*).

14. Настоящее Постановление напоминает, что следует предоставлять детям и лицам, которые о них заботятся, необходимую поддержку для информирования о злоупотреблениях, их выявления и расследования с целью оказания им помощи и консультирования, защищая при этом их анонимность; для этого следует использовать специальные средства, такие как конфиденциальные службы оказания помощи по телефону и Интернет (статьи 11, 12 и 13 Лансаротской конвенции). Большая Палата Европейского Суда также подчеркивает право детей на дачу показаний, представление доказательств и выбор способов изложения их взглядов, потребностей и озабоченностей напрямую или через посредника (подпункт «с» пункта 1 статьи 31 Лансаротской конвенции), как правило, их законного представителя. Кроме того, в настоящем Постановлении подчеркивается, что должна быть предусмотрена возможность записывать опросы детей на видеопленку, что позволит иметь источник доказательств, который можно просматривать по мере необходимости и который способен помочь избежать повторных опросов (статья 35 Лансаротской конвенции).

15. Мы хотели бы обратить внимание на тесную связь, которая существует между этими принципами и принципами, касающимися необходимости того, чтобы расследование не зависело от заявления со стороны предполагаемой жертвы и чтобы разбирательство могло продолжаться, даже если жертва отказалась от сделанных им или ею заявлений (статья 32 Лансаротской конвенции), а также когда сообщивший о злоупотреблении ребенок находится на территории одного государства, а предполагаемое преступление совершено на территории другого государства – принципами, касающимися процессуального права детей на подачу «жалоб в компетентные органы государства, в котором они проживают» (пункт 2 статьи 38

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 6 (примеч. редактора).

Лансаротской конвенции). В связи с этим власти обоих государств обязаны осуществлять сотрудничество друг с другом для оказания помощи жертвам (пункт 1 статьи 38 Лансаротской конвенции). К тому же в Европе и на международном уровне стало реальностью тесное сотрудничество между службами оказания помощи по телефону и в Интернете.

16. Вышеупомянутые принципы, на которых прямо или косвенно основывается Постановление Большой Палаты Европейского Суда, согласуются, по нашему мнению, с одной из основных характеристик дел о насилии в отношении детей, а именно с тем, что сообщение о преступлении исходит от уязвимого лица, зачастую оказавшегося в новом круге доверия, на фоне конфликтного отношения как со стороны ребенка, так и со стороны членов этого круга к окружающей среде, в которой было совершено предполагаемое злоупотребление, особенно если эта среда являлась предыдущим кругом доверия. Необходимость обеспечивать защиту развития ребенка, смотреть в будущее вместо возвращения к темному прошлому, а также естественные для ребенка неточности при рассказе им истории, за которую он часто чувствует ответственность, входят в число многочисленных факторов, препятствующих полному раскрытию информации о совершенном в отношении ребенка насилии, особенно когда сбор и оценка информации не поручены специалистам. Оказание помощи и поддержки предполагаемой жертве, а также лицам, которые о ней заботятся, играет, таким образом, решающую роль, как и необходимость сохранения конфиденциальности.

17. В этом контексте мы должны отметить, что в обстоятельствах настоящего дела соответствующее обоснованное требование по смыслу прецедентной практики Европейского Суда, указанной выше, было доведено до сведения властей Болгарии с того момента, когда отец заявителей позвонил в службу доверия в стране проживания семьи и предоставил ей всю относящуюся к делу информацию (см. § 35 и последующие настоящего Постановления), а также когда 16 ноября 2012 г. эта служба связалась с болгарской телефонной службой «горячей линии» (см. § 43 настоящего Постановления). Согласно применимым принципам, запрещающим пассивность и требующим использовать международное сотрудничество, следователи были обязаны без промедлений получать любую новую информацию, появляющуюся в рамках сотрудничества между службами телефонной помощи, полностью обеспечивая при этом конфиденциальность и преодолевая при необходимости языковые барьеры. На первоначальном этапе жалоба не должна быть исчерпывающей, чтобы органы власти государства-ответчика начали оказывать помощь предполагаемым жертвам, поскольку оказание помощи и подде-

ржки в информировании о преступлении фактически означает, что жалобы изначально могут быть неполными. Согласно описанному выше режиму наилучшей практики, присущему исследованиям по фактам злоупотреблений в отношении детей, как мы уже указывали, внутригосударственные органы должны активно «собирать» обоснованные утверждения, а не просто ограничиваться их пассивным получением. К сожалению, в настоящем деле властями Болгарии был принят совершенно иной подход, скорее бюрократический, чем упреждающий (см. § 44 настоящего Постановления).

18. Мы уже отмечали основополагающую роль, которую играет опрос ребенка, а также лиц, которые о нем заботятся, в этом процессе сбора доказательств злоупотреблений в отношении детей. Посвященная этому вопросу литература обширна, и международные документы признают исключительную важность применения строгих стандартов при опросе лиц, сообщающих о злоупотреблениях. Во многих странах в соответствии с принципами, закрепленными в Лансаротской конвенции, при возникновении подозрений о злоупотреблениях в отношении ребенка к делу подключаются группы по защите детей. Эти группы состоят из специалистов в области медицины, психологии, уголовного правосудия, социальной работы и образования. Так как заявления ребенка, которые впервые сформулированы в кругу доверия (обычно в семье, школе или перед представителем медицинского сообщества), обычно официально «собираются» в правовой среде с помощью некоторых или всех этих специалистов и их навыков.

19. Даже если раскрытие информации о соответствующих злоупотреблениях происходит в государстве, в котором они предположительно были совершены, роль, которую играет круг доверия ребенка, безусловно, имеет первостепенное значение: члены этого круга могут получать улики или расплывчатую информацию либо наблюдать физические или психологические симптомы, которые нуждаются в уточнении и понимании. В очень редких случаях, при создании правовой основы, органы власти собирают заявления предположительно подвергшихся насилию детей, которые еще не рассказали свою историю и не ответили на уточняющие вопросы и не подверглись, таким образом, какому-либо внешнему влиянию. Вместе с тем применение научных методов надлежащим образом подготовленными специалистами позволяет оценить достоверность свидетельских показаний детей. Родители и члены круга доверия, ставшие первыми слушателями признаний детей, также допрашиваются с соблюдением этих же методов. Лансаротская конвенция устояла перед искушением квалифицировать все заявления, в которых дети сообщают о фактах злоупотреблений своему кругу доверия, как недей-

ствительные. Как мы уже отмечали, Лансаротская конвенция в целом рассматривает как обязательство, а не как процессуальное нарушение оказание помощи и поддержки до опроса ребенка и даже возможность для ребенка дать свидетельские показания или выразить точку зрения через посредника или в сопровождении взрослого по его выбору, обычно его законного представителя (статьи 11–14, подпункт «с» пункта 1 статьи 31 и подпункт «f» пункта 1 статьи 35 Лансаротской конвенции; см. § 214 настоящего Постановления). Утверждать обратное было бы равносильно отказу в предоставлении необходимой поддержки и помощи детям, впервые сообщаящим о насилии. При применении противоположного подхода родители, врачи и психологи, которым зачастую без предварительного уведомления об этом придется обращаться с ребенком с признаками сексуального насилия, должны будут воздерживаться от любых контактов с ребенком, оставить его одного под стеклянным колпаком и ждать, когда орган власти решит, наверняка по прошествии определенного периода времени, что пришло время опросить ребенка с использованием научных методов. Если, напротив, они решат поддержать ребенка и помочь ему высказаться и все вспомнить, то показания ребенка будут не только недействительными, но и навсегда скомпрометированными, и ребенок, следовательно, лишится права дать показания. Таковы абсурдные последствия, которые вышеупомянутые принципы призваны ликвидировать, обеспечивая при этом, чтобы, как только об инциденте было сообщено уполномоченным органам власти, соответствующие научные мероприятия были организованы по графику, который позволяет в максимально возможной степени избежать недействительности доказательств.

20. Конечно, когда злоупотребление имеет трансграничный характер, в результате международного сотрудничества риск того, что на свидетельские показания ребенка окажут влияние внешние факторы, неизбежно еще более высок, поскольку передача информации предполагает участие нескольких лиц и учреждений, а также более длительные сроки.

21. По этому вопросу мы выражаем наше искреннее несогласие с утверждением властей государства-ответчика о том, что, поскольку заявители неоднократно говорили об инцидентах со своими родителями, психологами и органами власти Италии, любые свидетельские показания, данные ими органам власти Болгарии, неизбежно были искажены и поэтому бесполезны, даже без каких-либо попыток организовать опрос в той или иной форме.

22. Вопрос сбора сообщений о насилии в отношении детей в международном контексте требует определенных размышлений о «доказательствах»,

собранных в государстве проживания. Мы полагаем, что в общих рамках международного сотрудничества, рассматриваемого в качестве компонента вытекающих из статьи 3 Конвенции процессуальных обязательств (см. § 217 настоящего Постановления), любой убедительный документ, представленный в государстве проживания, следует считать документом, подтверждающим обоснованность жалобы (жалобы, которая, как указано выше, может быть подана органу власти государства проживания в соответствии с пунктом 2 статьи 38 Лансаротской конвенции и которая в настоящем деле могла быть зафиксирована сразу после того, как отец заявителей позвонил в службу доверия).

23. Аналогичным образом мы не можем согласиться с идеей о том, что специалисты, помогавшие детям, будь то психологи, приглашенные законными представителями заявителей или прокурором суда по делам несовершеннолетних в Италии, и собравшие свидетельские показания жертв соответственно в частных целях (см. §§ 16–34 настоящего Постановления) и в контексте гражданско-правового разбирательства по осуществлению контроля за усыновлением (см. §§ 81–96 настоящего Постановления), должны были следовать научным протоколам, применяемым к опросу жертв злоупотреблений в отношении детей, чтобы эти опросы могли быть приняты во внимание для целей доказывания (как это ни парадоксально, данный аргумент также был выдвинут по поводу бесед с психологами, выступающими в качестве частных лиц).

24. Как мы уже указали, в рамках международного сотрудничества любой убедительный документ, представленный в государстве проживания, следует считать документом, подтверждающим обоснованность жалобы. Разумеется, иной вывод был бы применим, если бы органы власти этого государства, утверждающие свою юрисдикцию, возбудили уголовное дело по факту соответствующего злоупотребления. Поскольку в настоящем деле этого не произошло, жалоба остается жалобой, и, даже если она была передана через местные органы власти, она не утратила своей основной характеристики – она является актом *ex parte*, который должен был быть рассмотрен независимо от объема и/или качества представленных доказательств. Кроме того, прецедентная практика Европейского Суда требует только, чтобы жалоба была обоснованной (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.M. против Хорватии» (S.M. v. Croatia), § 325). В крайнем случае, по общему правилу, отсутствие доказательств в обоснование жалобы может привести к ее отклонению (как гласит поговорка, лицо, подавшее жалобу, может правомерно не знать обо всех причинах, по которым подавать жалобу не следовало: *nemo videtur*

dolo exsequi, qui ignorat causam cur non debeat petere). Однако отклонение *de plano* за отсутствием доказательств не в полной мере применимо в сфере злоупотреблений в отношении детей, где жалоба, если она обоснована даже в отсутствие надлежащих доказательств, должна стать предметом исследования, начатого по собственной инициативе властей, а расследование должно быть доведено до конца, даже если предполагаемая жертва отказалась от сделанных им или ею утверждений.

25. Даже если, исключительно в рамках дискуссии, мы не должны были бы считать, что информация, переданная родителями, а затем органами власти Италии органам власти Болгарии, подтверждала жалобу, и, как следствие, должны были бы признать, что эти сведения должны были подвергнуться тщательному изучению с целью определить, были ли они собраны с соблюдением правил судебно-медицинской экспертизы, регулирующих сбор доказательств у несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, мы были бы вынуждены сделать вывод о том, что в настоящем деле эти правила были соблюдены.

26. Даже если беседы заявителей с их психологами выполняли в основном терапевтическую функцию, нам представляется, что то, каким образом они были проведены, в действительности отвечало самым строгим правилам, установленным для опроса несовершеннолетних. Эти сеансы были записаны на видео, и не похоже, чтобы то, как задавались вопросы, каким бы то ни было образом нарушало протоколы судебно-медицинской экспертизы. Отец заявителей присутствовал лишь изредка, для оказания помощи с переводом, а использование анатомических кукол в то время являлось распространенной практикой и остается таковой сегодня, поскольку научное сообщество начало критиковать использование этих инструментов только после случившегося в настоящем деле и эта критика сегодня по-прежнему не является единодушной. По нашему мнению, следует подчеркнуть следующее: не вызывает сомнений, что эти сеансы были квалифицированно проведены профессиональными психологами, несмотря на то что они проводились в частном порядке.

27. Что касается опроса двоих из заявителей прокурором итальянского суда по делам несовершеннолетних в рамках гражданско-правового разбирательства по осуществлению контроля за усыновлением, он также был проведен в полном соответствии с правилами судебно-медицинской экспертизы. Беседа состоялась только после того, как прокурор поручила получить записи сеансов в Центре терапии и сводный протокол этих сеансов. Соблюдение указанных правил также было обеспечено благодаря видеозаписи этого опроса. Хотя основной целью опроса было собрать больше информации о фактах и оценить их воздействие на несовершеннолетних и их семью в процессе осу-

ществления контроля за усыновлением в рамках гражданско-правового разбирательства, прокурору оказывала содействие психолог. Анатомические куклы использовались по указанию психолога, когда это было необходимо.

28. Большая Палата Европейского Суда ссылается на то, что некоторые из поставленных прокурором вопросов были наводящими (см. §§ 85 и 87 настоящего Постановления). Однако тщательное изучение опроса показывает (и это отражено в настоящем Постановлении), что весьма ограниченное использование прямых или наводящих вопросов соответствовало нормам, закрепленным в основных протоколах, регулирующих опрос несовершеннолетних (см., например, принцип № 71 Руководящих принципов Совета Европы, касающихся правосудия, учитывающего интересы детей, который рекомендует только избегать наводящих вопросов, но не запрещает их, особенно если это соответствует протоколам; данная норма, очевидно, вдохновлена Постановлением по делу «S.N. против Швеции» (S.N. v. Sweden), жалоба № 34209/96¹, § 53, ECHR 2002-V, в котором Европейский Суд просто потребовал, чтобы судьи проявляли «необходимую осторожность» в своей оценке заявлений, сделанных детьми в ответ на наводящие вопросы). Эти вопросы в действительности были заданы после того, как прямые и косвенные вопросы остались без ответа, при обстоятельствах, когда несовершеннолетний отвечал неохотно и его нежелание отвечать сохранялось даже после смены темы разговора с целью ослабить напряжение. Данные вопросы в любом случае основывались на информации, предоставленной самими несовершеннолетними в ходе опроса.

29. Если этого недостаточно, следует также принять во внимание тот факт, что итальянский суд по делам несовершеннолетних не пассивно основывался на информации, предоставленной Центром терапии и прокурором. На самом деле, как указано в настоящем Постановлении (см. §§ 93–95), этот суд назначил проведение экспертизы аккредитованным специалистом в области педиатрической нейропсихиатрии, который подробно изложил международные критерии, используемые при оценке достоверности свидетельских показаний детей, проанализированных им на основе видеозаписей. Эксперт подтвердил полную надежность процесса, в ходе которого информация была получена, и его результатов, сочтя, что неточности и противоречия в рассказах могли легко объясняться на основе тех же научных критериев, что и используемые для опроса детей – жертв насилия. Поэтому эксперт в соответствии с данными судом указаниями не счел необходимым проведение

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7 (примеч. редактора).

новых опросов, так как полагал, что достаточно имеющейся информации.

30. Необходимо также высказать замечание по поводу содержания решения суда по делам несовершеннолетних от 12 мая 2014 г.¹: основываясь на мнении прокурора и эксперта, суд решил, что приемная семья, которая проявила терпение, сознавая при этом необходимость уделять внимание особым трудностям, вызванным ситуацией, может окончательно усыновить детей. Суд проанализировал информацию, содержащуюся во всех имевшихся показаниях несовершеннолетних относительно насилия, а также изучил мнение прокурора и эксперта. Он пришел к выводу, что располагает достаточными доказательствами для передачи информации органам власти, занимающимся уголовными делами. Суд также выразил сожаление по поводу того, что ассоциация, выступавшая в качестве посредника при усыновлении в отношении органов власти государства-ответчика, направила суду записку с утверждениями о том, что родители не являлись подходящими для усыновления кандидатами, поскольку, по мнению ассоциации, они начали процесс информирования о несуществующих злоупотреблениях с целью дискредитировать процедуру, которая привела к усыновлению. На наш взгляд, содержание этого решения подтверждает идею о том, что утверждения заявителей заслуживали доверия, и довод ассоциации был официально отклонен.

31. Как отмечено в настоящем Постановлении (см. §§ 111 и 226), три предварительных расследования, начатые (и прекращенные) в Болгарии, завершились с последним постановлением, вынесенным 27 января 2016 г. самым вышестоящим органом прокуратуры. Прокурор Верховного кассационного суда Болгарии пришел к выводу, что заявители сообщили о «не имевших места» злоупотреблениях, так как «боялись быть отвергнутыми своими приемными родителями, которые решительно не одобряли их аморальное поведение...», и «попытались вызвать сострадание...», сообщив о событиях, «в которых они являлись жертвами преступлений». Большая Палата Европейского Суда отмечает, что эти соображения, как представляется, перекликаются с неприемлемым заявлением, сделанным для средств массовой информации председателем Национального агентства по защите детей всего лишь через несколько часов после начала расследований тремя годами ранее (см. §§ 207 и 224 настоящего Постановления), – инцидентом, который привел Европейский Суд к выводу о необъективности со стороны органа, проводившего расследование (см. § 224 настоящего Постановления).

32. По нашему мнению, вышеуказанный вывод Большой Палаты Европейского Суда можно было бы дополнить соображением о том, что принятая органами уголовного преследования Болгарии и Национальным агентством по защите детей мотивировка, по сути, напоминает теорию, выдвинутую ассоциацией, выступавшей посредником при усыновлении. Когда родители обратились к ним после первого сообщения о предполагаемом насилии, представители этой ассоциации начали говорить о неспособности родителей усыновить детей, основывая свои слова на предполагаемом поведении родителей в ходе собрания, организованного 2 октября 2012 г. Европейский Суд не смог установить, являлся ли отчет, составленный по итогам этого собрания между персоналом ассоциации, родителями и детьми, подлинным, учитывая, что при рассмотрении дела Большой Палатой этот отчет решительно оспаривался заявителями, которые представили полицейский отчет, подтверждающий, что три представителя ассоциации должны были предоставить образцы своих подписей, а в документе стояли другие подписи – все три вписанные одной рукой. Кроме того, документ содержал, по всей видимости, текстовые расхождения в форме приписок и зачеркнутых слов, которые Европейский Суд не смог проверить (см. § 14 настоящего Постановления). Независимо от того, знали ли органы власти Болгарии с самого начала об этой предполагаемой фальсификации или нет, нам представляется очевидным, что подделка документа была упомянута заявителями при рассмотрении дела Большой Палатой Европейского Суда без какого-либо ответа на это замечание со стороны властей государства-ответчика. Этот факт в сочетании с тем, что с 23 по 26 января 2013 г. ассоциация провела встречу с представителями различных заинтересованных органов власти, в том числе с представителями Национального агентства по защите детей, и затем подготовила весьма критический отчет об изложении фактов родителями, прежде чем передать этот отчет итальянскому суду по делам несовершеннолетних (который позже отклонил его на основании заключения экспертизы), свидетельствует о центральной роли, играемой этой ассоциацией в создании атмосферы конфликта, которая не способствовала началу эффективного расследования.

33. Одним из наиболее серьезных недостатков, который, на наш взгляд, несомненно, неблагоприятно сказался на способности расследования установить обстоятельства дела и являлся важным фактором при установлении нарушения предусмотренного статьей 3 Конвенции процессуального обязательства, является отсутствие какого-либо официального опроса заявителей (см. §§ 214–218 настоящего Постановления). Помимо вышеупомянутого обязательства ока-

¹ Так в тексте. Вероятно, имеется в виду решение от 13 мая 2014 г. (см. § 94 настоящего Постановления) (примеч. переводчика).

зать помощь и поддержку детям-жертвам для сбора их показаний, право детей на дачу показаний закреплено в нескольких международных документах, некоторые из которых прямо упоминаются в настоящем Постановлении (см. также принципы №№ 58, 70 и 73 Руководящих принципов Комитета Министров Совета Европы, касающихся правосудия, учитывающего интересы детей, а также Пояснительный доклад к этим Руководящим принципам и, в частности, § 102; см. также аналогичным образом § 132 Замечаний общего порядка № 12 Комитета по правам ребенка Организации Объединенных Наций и пункты 20 и 21 Руководящих принципов Организации Объединенных Наций, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений). Все эти документы уделяют особое внимание исключительной важности придания надлежащего значения мнениям ребенка – жертвы злоупотребления, чего органами власти государства-ответчика сделано не было. Равным образом в данных документах подчеркивается важность дополнительного обязательства оперативно информировать детей-жертв, а также их родителей и законных представителей о ходе рассмотрения их дела – обязательства, которое также было полностью проигнорировано в рассматриваемом деле (см. § 208 настоящего Постановления).

34. Кроме того, нам хотелось бы отметить, что настоящее Постановление (см. § 215) ссылается на то, что власти Болгарии были равнодушны к детям до такой степени, что не связались с ними. Передовая практика не сопровождается абсолютным запретом на проведение многочисленных опросов жертв, если такие опросы необходимы (см. § 216 настоящего Постановления). В настоящем деле отсутствовали какие-либо основания для того, чтобы полностью обойтись без допроса детей, и ни один из приобщенных к материалам дела документов не обосновывает предполагаемое желание органов власти Болгарии избежать травмы, связанной с повторением опросов. Мы полагаем, что в транснациональных делах о злоупотреблениях в отношении детей зачастую необходимо проводить дополнительные опросы, особенно когда государство проживания не смогло начать официальное уголовное расследование. В настоящем деле прокурор по делам несовершеннолетних в Италии ясно указала, что каких-либо других опросов не проводилось, чтобы не посягать на юрисдикцию органов власти Болгарии (см. §§ 92 и 216 настоящего Постановления).

35. Решимость органов власти Болгарии избежать любых контактов с детьми, сообщившими о злоупотреблении, пошла еще дальше, поскольку органы власти даже не просили просмотреть видеозаписи их показаний и не рассматривали возможность как минимум допросить их родителей, которые также (в частности, отец) подали жало-

бу, или специалистов (психологов, прокурора или сотрудников полиции), которые собрали показания детей. В частности, мы полагаем, что при обстоятельствах настоящего дела опрос родителей и психологов стал бы ценным, хотя и косвенным, способом установить некоторые факты. Кроме того, сбор подобных косвенных доказательств является распространенной практикой в подобных делах.

36. Из материалов дела также следует, что, хотя некоторые эксперты участвовали в опросах детей в детском доме (опросах, которые во многих других аспектах не соответствовали требованиям, предъявляемым к опросам детей, см. § 211 настоящего Постановления), в рамках расследований показания заявителей не были изучены специалистами (например, психологом или врачом с опытом проведения опросов детей), что позволило бы получить междисциплинарную оценку некоторых предполагаемых несоответствий. В результате аргументация прокурора Болгарии, упомянутая выше (см. § 31 настоящего особого мнения), содержит психологический анализ, не основанный на мнении эксперта. Это представляется нам несовместимым с предусмотренным статьей 3 Конвенции стандартом, применимым к расследованиям злоупотреблений в отношении детей (см., например, подпункт «с» пункта 1 статьи 35 Лансаротской конвенции и принцип № 64 и последующие Руководящих принципов, касающихся правосудия, учитывающего интересы детей, которые рекомендуют участие специалистов в проведении опросов детей и их трактовке). Роль Национального агентства по защите детей не может рассматриваться в качестве замены участия независимых специалистов в оценке доверия к жертвам, более того, уже упоминалась необъективность этого агентства в настоящем деле (см. § 31 настоящего особого мнения и § 224 настоящего Постановления).

37. На наш взгляд, последнее замечание следует сделать по поводу идеи о том, что факты относились к «простому» явлению ранней сексуализации, спровоцированному совместным проживанием детей в детском доме. Если следовать этой идее, то необходимость проводить расследование отсутствовала, поскольку только несовершеннолетние несли ответственность за сексуальные контакты, а какой-либо уголовной ответственности они нести не могут. Во-первых, мы еще раз отмечаем, что речь здесь идет о теории, выдвинутой ассоциацией, выступавшей посредником при усыновлении. Во-вторых, даже когда факты были раскрыты в первый раз, поступали сообщения о насильственных сексуальных контактах, инициированных несовершеннолетними. В связи с этим мы должны отметить, что соответствующие международные документы (см. §§ 124 и 220 настоящего Постановления) также рассматривают насилие

со стороны сверстников как насилие в отношении несовершеннолетних, и в этом случае уголовная ответственность возлагается не на склонных к насилию детей, а на лиц, присматривающих за ними и организовывающих функционирование опеки вне семейного окружения, за непринятие мер по предупреждению такого поведения. По нашему мнению, это актуально и с точки зрения статьи 3 Конвенции в контексте международных документов, которые рассматривают эти злоупотребления между сверстниками не как «естественное» и допустимое следствие опеки вне семейного окружения, а как вызывающее тревогу явление, которому необходимо положить конец, и которые возлагают в связи с этим большую ответственность на воспитателей, психологов и социальных работников. По нашему мнению, очень важно, что Лансаротская конвенция обязывает государства принять меры с целью обеспечить возможность привлечения юридического лица к ответственности (см. статью 26 Лансаротской конвенции), что может произойти в том случае, когда подразделения, занимающиеся уходом за детьми, извлекают выгоду из экономии расходов на персонал и оборудование, за счет отмены или сокращения надзора за детьми, а также поддержки и воспитательного/психологического сопровождения. Следовательно, международное право требует, поскольку длительное помещение на попечение вне семейного окружения необходимо, чтобы оно осуществлялось таким образом, чтобы обеспечить полную защиту наилучших интересов детей, в том числе в отношениях с их сверстниками.

IV. Заключение

38. В заключение следует отметить, что мы безоговорочно согласны с выводами, сделанными в настоящем Постановлении, а также с его аргументацией. Тем не менее мы полагаем крайне важным подчеркнуть значение контекста, касающегося опеки над детьми вне семейного окружения, связи между правами человека и международными документами о злоупотреблениях в отношении детей, а также важности эффективных расследований этих злоупотреблений. Поступая подобным образом, мы убеждены в том, что многочисленных недостатков, имевших место в ходе внутригосударственного разбирательства, можно будет избежать в будущих случаях насилия над детьми, насилия, которое остается, в его различных формах, широко распространенным бедствием. Конвенция обязывает государства действовать на опережение, чтобы собрать все надлежащие доказательства, серьезно относиться к голосу и мнениям жертв и уполномочить специалистов в области медицины, психологии, образования и социальных наук помогать детям говорить свободно.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЕОРГИЯ А. СЕРГИДЕСА

(Перевод)

Эволюционирует не только сама Конвенция, но и окружающая среда, в которой она эволюционирует

1. Настоящее дело касается невыполнения властями государства-ответчика возлагаемого на них статьей 3 Конвенции процессуального обязательства провести эффективное расследование по факту утверждений заявителей о сексуальном насилии в отношении детей. На момент предполагаемого насилия заявители были детьми, проживавшими в детском доме в Болгарии, куда они были помещены государством-ответчиком и где они жили до своего усыновления в июне 2012 года и переезда в Италию. Эти утверждения были доведены до сведения уполномоченных органов власти Болгарии приемными родителями заявителей после их прибытия в Италию. Хотя власти государства-ответчика провели расследование, настоящее Постановление справедливо подтверждает, что принятые меры не отвечали уровню эффективности, требуемому от государств-участников в целях соблюдения процессуальных обязательств, возлагаемых на них в соответствии со статьей 3 Конвенции. В частности, власти государства-ответчика воздержались от следования некоторым направлениям расследования, которые могли бы оказаться важными при обстоятельствах настоящего дела (см. §§ 212–228 настоящего Постановления).

2. Я согласен с пунктом 3 резолютивной части настоящего Постановления, в котором сделан вывод о нарушении статьи 3 Конвенции в ее процессуально-правовом аспекте, а также со всеми остальными пунктами резолютивной части. Настоящее частично совпадающее особое мнение преследует цель прояснить и более обстоятельно рассмотреть вопрос о гармоничных отношениях между толкованием и применением Конвенции, с одной стороны, и других договоров Совета Европы, таких как Конвенция Совета Европы 2007 года о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (далее – Лансаротская конвенция), а также иных международных договоров, таких как Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года, с другой стороны. В настоящем деле при толковании и применении статьи 3 Конвенции и установлении факта нарушения этого положения Конвенции Европейский Суд принял во внимание нормы, закрепленные в обоих вышеупомянутых договорах, особенно в Лансаротской конвенции, а также в других международных документах, указанных в настоящем Постановлении. Тем не менее мне хотелось

бы подчеркнуть, что эти договоры должны рассматриваться в качестве неотъемлемой части той самой окружающей среды, в которой эволюционируют положения Конвенции, а именно ее статья 3 в настоящем деле, и эта окружающая среда также эволюционирует. Эта целостность окружающей среды, в которой Конвенция сосуществует с другими договорами, может также объясняться тем, что Конвенция является частью международного права¹, а международное право не является фрагментарным.

3. Питер Стивен (*Peter Steven*) сказал, что природа пространства не является своего рода пустотой или ничем, а «сама имеет структуру, которая влияет на форму любой существующей вещи»². По его мнению, между живыми существами и их окружающей средой существует взаимосвязь, например, птица подвергается воздействию воздуха, в котором летает, а рыба – воздействию воды, в которой плавает. По аналогии, как и все живое, Конвенция, являющаяся живым инструментом, подвергается воздействию окружающей среды, в которой она развивается. Пространство, или окружающая среда³, Конвенции не является ни пустым, ни статичным и не существует в вакууме, а, напротив, имеет свои собственные структуру, динамику и жизнь, которые опираются, в частности, на основную цель Конвенции, а именно на эффективную защиту прав человека, – цель, достижению которой окружающая среда Конвенции также способствует. Фактически окружающая среда Конвенции является частью богатого контекста и рамок правовых изменений, с которыми сталкиваются международное право и конституционное право европейских государств, и, самое важное, Конвенция сосуществует в ней с другими более поздними

договорами Совета Европы, которые закрепляют конкретные права человека в свете современных условий и потребностей защиты прав человека. Просто напоминаю, что выдвинутая идея заключается в том, что, подобно Конвенции, ее окружающая среда также эволюционирует и оказывает воздействие на все положения Конвенции и их связи с условиями реальной жизни, а также укрепляет, таким образом, основную цель Конвенции.

4. Настоящее дело демонстрирует взаимосвязь, которая существует а) между Конвенцией и другим договором Совета Европы, а именно Лансаротской конвенцией и б) между Конвенцией и другим международным договором, а именно Конвенцией Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года. Разработчики Лансаротской конвенции и указанной Конвенции Организации Объединенных Наций учитывали стандарты, установленные прецедентной практикой Европейского Суда, что касается насилия в отношении детей, и, в частности, процессуальное обязательство провести эффективное расследование (см. § 214 настоящего Постановления). В свою очередь, в своем толковании статьи 3 Конвенции настоящее Постановление опирается на Лансаротскую конвенцию и соответствующую Конвенцию Организации Объединенных Наций, чтобы прояснить ожидания в отношении возлагаемых на государства процессуальных обязательств – гармоничных отношений, с помощью которых один международный документ влияет на толкование другого. По мере того, как нормы международного права эволюционируют, совершенствуются и прогрессируют, а государства – члены Совета Европы ратифицируют новые договоры, Конвенция также синхронно движется вперед. Вместе с тем Конвенция остается твердой и непоколебимой в отношении ключевых ценностей и основных принципов Совета Европы перед лицом переменных ветров, которые могут разрушить саму ее суть.

5. Принцип эффективности, лежащий в основе всех положений Конвенции, не допускает толкования, которое противоречит тексту конкретного положения Конвенции, а, напротив, стремится полностью претворить его в жизнь. В то же время данный принцип призван конкретизировать и реализовать объект и цель соответствующего положения Конвенции. Кроме того, он требует, чтобы Конвенция, насколько это возможно, толковалась в свете и во внешней гармонии со стандартами защиты прав человека, закрепленными в иных договорах Совета Европы и международных документах по защите прав человека. Таким образом, Конвенция стремится к осуществлению своей цели по достижению большего единства между государствами – членами Совета Европы и обеспечению дальнейшего развития прав человека и основных свобод, как провозглашено в ее Пreamбуле.

¹ См. в том числе Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Адсани против Соединенного Королевства» (*Al-Adsani v. United Kingdom*), жалоба № 35763/97, § 55, ECHR 2001-XI. См. также подпункт «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров, который предусматривает, что при толковании договора наряду с контекстом учитываются любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками (см. в этом отношении и в связи с толкованием Конвенции в том числе Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (*Loizidou v. Turkey*) от 18 декабря 1996 г., § 43, Reports of Judgments and Decisions 1996-VI).

² См.: Peter S. Steven. *Patterns in Nature*. London, 1976, reprinted 1977. P. 4. (Так в тексте. Возможно, имеется в виду Питер Стивенс (*Peter Stevens*) (примеч. переводчика).).

³ Относительно окружающей среды Конвенции см.: Georgios A. Serghides. The European Convention on Human Rights as a “Living Instrument” in the Light of the Principle of Effectiveness in: Robert Spano, Iulia Motoc, Branko Lubarda, Paulo Pinto de Albuquerque and Marialena Tsirli (eds.), assisted by Aikaterini Lazana. *Fair Trial: Regional and International Perspectives – Procès équitable: perspectives régionales et internationales*. Liber Amicorum Linos-Alexandre Sicilianos, Limal, 2020, P. 537. P. 541–543.

6. Эта функция принципа эффективности, которая применяется к каждому договору, особенно актуальна, когда речь идет о Конвенции. Целью Совета Европы является сохранение трех столпов правосудия в Европе: верховенства права, демократии и прав человека. Хотя Европейский Суд обладает независимой компетенцией в отношении толкования и развития Конвенции, она является частью более широкой системы Совета Европы, и поэтому тот факт, что Конвенция не эволюционирует вместе с другими договорами, принятыми 47 государствами – членами Совета Европы, противоречил бы демократическим ценностям этого института. Орган Совета Европы не может двигаться в ином направлении, чем другие, особенно в свете доктрины живого инструмента, которая хочет, чтобы Конвенция постоянно эволюционировала для того, чтобы представлять современные стандарты общества и реагировать на них, а также всегда сохранять свою эффективность с течением времени.

7. В заключение, хотя Европейский Суд наделен высшими полномочиями при толковании и применении Конвенции, он, тем не менее, не игнорирует окружающую среду, в которой действует Конвенция и которая также эволюционирует. Более того, соответствующие международные договоры и документы, в частности другие договоры и документы Совета Европы, следует воспринимать как часть этой же самой окружающей среды, в которой Конвенция сотрудничает с ними при помощи созволюционных отношений.

**СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ
И ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ
ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РОБЕРТА
СПАНО, ЙОНА ФРИДРИКА КЬЕЛЬБРО,
ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА, ЙОНКО ГРОЗЕВА,
ФАРИСА ВЕХАБОВИЧА, КАРЛА РАНЗОНИ,
ТИМА ЭЙКЕ И ПЕТЕРА ПАЧОЛАИ**

(Перевод)

I. Введение

1. Речь идет об очень печальном деле, касающемся троих детей, которых мать бросила в детском доме и которым усыновление итальянской семьей дало надежду на лучшую жизнь. Эти заявители являются одними из наиболее уязвимых из тех, кто обращался в Европейский Суд, и соблюдение их наилучших интересов должно было определять не только поведение внутригосударственных органов власти как страны их происхождения, так и принимающей страны, но и подход, принятый Европейским Судом.

2. К сожалению, на наш взгляд, в своем желании отреагировать на грустную историю заявителей большинство судей в настоящем Постановлении

вышли за рамки роли, подобающей Европейскому Суду, и тем самым создали неопределенность в отношении пределов защиты, предоставляемой и требуемой в соответствии со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также – Конвенция), как во внутригосударственном контексте, так и при рассмотрении дела Европейским Судом. Неопределенность, которая может негативно сказаться на гарантируемой Конвенцией защите права на уважение частной жизни от необоснованных наблюдения и исследований. Как это ни парадоксально, она может даже поставить под угрозу наилучшее обеспечение интересов других детей, которые находятся в аналогичном уязвимом положении, путем поощрения чрезмерно интрузивных и в конечном счете ненадежных следственных мер. В действительности мы не видим оснований для недовольства аргументацией и выводом, содержащимися в Постановлении, единогласно вынесенном Палатой Европейского Суда 17 января 2019 г. Как и наши коллеги из Палаты Европейского Суда, мы пришли к четкому выводу: в этом деле отсутствуют какие-либо основания считать, что органы власти Болгарии нарушили свое процессуальное обязательство провести эффективное расследование утверждений заявителей (см. § 106 Постановления Палаты Европейского Суда). Это, естественно, ставит нас как Европейский Суд в неудобное и незавидное положение: настоящее Постановление получило поддержку только девяти из 23 судей Европейского Суда, рассматривавших эту жалобу. Данный фактор должен был бы звучать как предупреждение для Большой Палаты Европейского Суда.

3. С учетом сказанного фактически настоящее Постановление по существу во многом отражает примененные Палатой Европейского Суда принципы, с которыми мы вполне согласны. Мы разделяем мнение о том, что в рассматриваемом деле не было допущено какого-либо нарушения статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте, ни что касается обязательства создать надлежащую законодательную и нормативно-правовую базу (см. § 196 настоящего Постановления), ни обязательства принять оперативные превентивные меры (так называемый критерий дела Османа¹: см. § 199 настоящего Постановления). Мы также в целом согласны с общими принципами, изложенными в §§ 184–192 настоящего Постановления, касающимися предусмотренного статьей 3 Конвенции процессуального обязательства провести эффективное расследование.

4. В чем наше мнение расходится с мнением большинства судей, так это в применении данных принципов к обстоятельствам настоящего дела,

¹ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства» (Osman v. United Kingdom) от 28 октября 1998 г., Reports 1998-VIII (примеч. переводчика).

в частности, в отношении оценки «эффективности» проведенных органами власти Болгарии исследований, а также толкования большинством судей соответствующих положений Лансаротской конвенции и значения, придаваемого им этим положениям, в частности, в §§ 200–228 настоящего Постановления.

II. Лансаротская конвенция

5. Мы далеки от идеи утверждать, что считаем Лансаротскую конвенцию лишенной значения или даже актуальности. Как раз наоборот, мы прямо признаем ценность закрепленных в Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (далее – Лансаротская конвенция) стандартов, которые являются результатом тщательных переговоров между Договаривающимися Сторонами, точно так же как признаем и работу, проделываемую созданным в соответствии с главой X («Механизм мониторинга») Лансаротской конвенции Комитетом Сторон Лансаротской конвенции, который осуществляет контроль за эффективным выполнением Сторонами Лансаротской конвенции и выявляет передовую практику, в частности, в рамках деятельности по укреплению потенциалов. Они являются важной частью более широкой системы защиты прав человека, установленной Советом Европы.

6. Вместе с тем столь же важно отметить что, с одной стороны, Лансаротская конвенция, в отличие, например, от Конвенции о правах человека и биомедицине¹ (Конвенция Овьедо, статья 29), не отводит Европейскому Суду какой-либо роли, будь то толкование ее положений или применение ее стандартов. В то же время сам Европейский Суд всегда и справедливо подчеркивал, что его задача заключается в толковании и применении прав, защищаемых в соответствии с Конвенцией и Протоколами к ней. Хотя при этом Европейский Суд основывается на «живом» характере Конвенции, подлежащей толкованию в свете требований современной жизни, в частности, с учетом изменяющихся норм внутригосударственного и международного права, он стремится также к гармоничному толкованию Конвенции вместе с иными инструментами международного права (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Демир и Байкара против Турции» (*Demir and Baykara v. Turkey*), жалоба № 34503/97, §§ 67 и 68, ECHR 2008; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.M. против Хорватии» (*S.M. v. Croatia*) от 25 июня 2020 г.,

жалоба № 60561/14², § 290), однако сама Конвенция всегда остается в центре его внимания.

7. В своей оценке «эффективности» проведенных органами власти Болгарии исследований большинство судей в значительной степени опирались на статьи 11–14 («Меры защиты и помощь жертвам»), 30–36 («Расследование, судебное преследование и процессуальное законодательство») и 38 («Общие принципы и меры международного сотрудничества») Лансаротской конвенции. Мы не считаем, что эти положения способны нести на себе то бремя, которое большинство судей пытается на них возложить, чтобы наполнить содержанием обязательство по проведению расследования, вытекающее из статьи 3 Конвенции. Тем не менее мы признаем, что они актуальны, когда речь идет о достижении вышеупомянутого гармоничного толкования Конвенции в целом и статьи 3 Конвенции в частности, но полагаем, что важно, когда на них ссылаются с этой целью, уделять пристальное внимание терминам, в которых эти положения сформулированы, и контексту, который привел к их принятию.

8. В связи с этим первое, что следует отметить, это то, что эти положения не составлены в форме, которая предполагает или предвосхищает их прямое применение или действие. Они намеренно сформулированы в программных терминах и выглядят как рамочный закон, предназначенный для создания надлежащей законодательной и административной базы. В конце концов, подавляющее большинство из них начинаются со слов «[к]аждая Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры к тому, чтобы...» или «[к]аждая Сторона принимает...». Тем не менее, если речь здесь идет об их основной цели, то эта цель дополняет одно из материально-правовых обязательств, вытекающих из статьи 3 Конвенции в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда: материально-правовое обязательство, которое, как все мы считаем, было выполнено в настоящем деле. В действительности мы отмечаем, что настоящему Постановлению удалось прийти к этому выводу, ни разу не сославшись на Лансаротскую конвенцию; факт, который призван продемонстрировать естественную взаимодополняемость между этими двумя инструментами.

9. Мы, кроме того, отмечаем, что эта взаимодополняемость также признана в Пояснительном докладе к Лансаротской конвенции, в котором недвусмысленно говорится, что принимаемые меры осуществляются «без ущерба для позитивных обязательств государств по защите прав, признанных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (см. § 36 Пояснительного доклада). Сама Лансаротская конвенция видит

¹ Речь идет о Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенции о правах человека и биомедицине, подписанной 4 апреля 1997 г. в г. Овьедо (Испания) (ETS № 164) (примеч. переводчика).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2020. № 6 (примеч. редактора).

в Европейской конвенции по правам человека прямое ограничение мер, которые могут быть приняты в соответствии с ней. В качестве примера, пункт 4 статьи 30 Лансаротской конвенции ясно указывает (а Пояснительный доклад к ней подтверждает это в его §§ 213, 216 (статья 30) и 226 (статья 31)), что «[к]ажда Сторона обеспечивает, чтобы меры, принимаемые в соответствии с настоящей главой, не наносили ущерба правам защиты и требованиям справедливого и беспристрастного суда, согласно статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод». Нам хотелось бы добавить, что это должно также распространяться на права, защищаемые статьей 8 Конвенции.

10. Этот последний момент имеет, безусловно, особое значение в контексте ссылки большинства судей на пункт 5 статьи 30 Лансаротской конвенции (см. §§ 213–215¹). Первый абзац пункта 5 статьи 30 Лансаротской конвенции предусматривает, что «[к]ажда Сторона принимает необходимые законодательные или иные меры в соответствии с основными принципами своего внутреннего права для того, чтобы: обеспечить эффективное расследование и уголовное преследование в отношении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, допуская, по мере целесообразности, использование скрытных оперативно-следственных методов». Таким образом, не только это положение, предусматривающее использование скрытных оперативно-следственных мер, призывает к созданию надлежащей законодательной и административной базы, позволяющей принимать подобные меры (вместо того, чтобы требовать этого), но и обязательство, предусмотренное этим положением, также является предметом двух очень важных оговорок: 1) оно должно возлагаться «в соответствии с основными принципами своего внутреннего права» и 2) оно должно осуществляться «по мере целесообразности». Пояснительный доклад к Лансаротской конвенции (см. § 217 Пояснительного доклада) вновь специально подчеркивает этот момент:

«Стороны по своему усмотрению могут решать, когда и при каких обстоятельствах допускается использование таких методов расследования с учетом, среди прочего, принципа соразмерности средств доказывания с характером и тяжестью расследуемого преступления».

11. В настоящем деле отсутствуют, естественно, какие-либо сомнения в том, что законодательство Болгарии предусматривает применение скрытных оперативно-следственных мер (см. в том числе разделы V и VIII² Уголовно-процессуального

кодекса Болгарии), но оно правильно, на наш взгляд, распространяет на них надлежащие гарантии (включая необходимость предварительного разрешения суда). Единственный вопрос, который беспокоит большинство судей, заключается в том, следовало ли применять эти меры в настоящем деле. Большинство судей в § 221 настоящего Постановления утверждают (без проведения обстоятельного анализа), что «в настоящем деле такие меры представляются уместными и соразмерными», но если и говорят так, то в конечном счете на основании того, что это «могло бы позволить получить если не доказательство совершения несколькими месяцами ранее злоупотреблений в отношении заявителей, то хотя бы улики, касающиеся совершения таких злоупотреблений в отношении других детей» (см. § 223 настоящего Постановления).

12. Мы принципиально не согласны с большинством судей в том, что было справедливо или уместно приходить в настоящем деле к данному выводу. Действительно, 1) даже если следовать образу мыслей большинства судей, это не принесло бы пользу заявителям и не способствовало бы расследованию фактов сексуального насилия, которому они, по их словам, подверглись; 2) этот вывод полностью игнорирует гарантии, столь справедливо отстаиваемые Лансаротской конвенцией и разъясненные в Пояснительном докладе к ней, но, безусловно, также присущие правам, гарантируемым Конвенцией любому лицу, которое является возможной мишенью этих скрытных оперативно-следственных мер. Помимо этого, по причинам, которые будут изложены нами ниже, с учетом конкретных обстоятельств настоящего дела мы также не согласны, в отличие от большинства судей, с тем, что «утверждения заявителей о том, что речь идет об организованной сети, а также то, что были названы поддающиеся идентификации лица» были в состоянии обеспечить достаточную основу для принятия подобных мер.

III. «Эффективность» расследований

13. В § 186 настоящего Постановления со всей ясностью и точностью определяется роль Европейского Суда в оценке эффективности внутригосударственного расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции на основе следующего: «обязательство провести эффективное расследование является, однако, обязательством не результата, а средств», «[н]е существует какого-либо абсолютного права требовать преследования или осуждения конкретного лица в отсутствие достойных порицания недостатков, имевших место при привлечении к ответственности лиц, совершивших преступления», и «[к]роме того, в задачу Европейского Суда не входит принятие решений по утверждениям об ошибках или отдельных упу-

¹ Вероятно, имеются в виду §§ 213–215 Пояснительного доклада к Лансаротской конвенции (примеч. переводчика).

² Так в тексте. Вероятно, имеются в виду разделы V и VIII главы 14 Уголовно-процессуального кодекса Болгарии (примеч. переводчика).

щениях в расследовании. Европейский Суд не может ни подменять собой внутригосударственные органы власти в оценке фактов дела, ни выносить решение об уголовной ответственности предполагаемого преступника».

14. Кроме того, в § 184 настоящего Постановления справедливо подчеркивается, что обязательство провести «эффективное расследование» возникает, только «[е]сли лицо обоснованно утверждает, что оно стало жертвой противоречащих статье 3 Конвенции деяний».

15. Характер утверждения и качество доказательств, на которых оно основано, имеют, таким образом, основополагающее значение как для его обоснованности (и тем самым для его способности привести в действие обязательство по проведению расследования, предусмотренное статьей 3 Конвенции), так и для любой последующей оценки эффективности связанного с ним расследования. Большинство судей избегают, однако, детального или тщательного изучения основных утверждений и доказательств, на которых они основаны, «остав[ляя] в стороне вопрос о том, было ли первое информирование органов власти Болгарии достаточно подробным», и ссылаясь на суждение общего порядка о том, что утверждения были признаны заслуживающими доверия органами власти Италии, которые передали более подробную информацию «уже в феврале 2013 года» (см. § 200 настоящего Постановления). Эти суждения требуют некоторых разъяснений, особенно с учетом того, что большинство судей в итоге раскритиковали органы власти Болгарии не только за меры, принятые после этой даты (насколько ей можно доверять), но и за их поведение до этой даты.

16. Обращая внимание на упомянутую дату (февраль 2013 года), следует отметить, во-первых, что она имела место после того, как Национальное агентство по защите детей в Болгарии завершило свое первое детальное и междисциплинарное расследование (14–15 января и 18–24 января 2013 г.; см. §§ 54 и 58 настоящего Постановления), вызванное публикацией статей в итальянской и болгарской прессе, и после того, как окружная прокуратура Велико-Тырново¹ 28 января 2013 г. начала первое предварительное (уголовное) расследование в связи с выводами Национального агентства по защите детей (№ 222/2013; см. § 60 настоящего Постановления). Это расследование было начато по собственной инициативе властей, и единственное имеющееся доказательство было получено Министерством юстиции Болгарии, связавшимся с ассоциацией «Амичи деи Бамбини» (*Amici dei Bambini*) (далее – AiBi), которая была упомянута в журнальной статье и отправила ему два своих отчета от 27 сентября и 3 октября 2012 г.

17. Во-вторых, необходимо отметить, что рассуждение большинства судей, как представляется, ссылается на запрос, направленный прокуратурой г. Милана Посольству Болгарии в г. Риме, «[об обращении] в компетентные местные органы власти для оценки обоснованности соответствующих утверждений» (см. § 65 настоящего Постановления), который был получен окружной прокуратурой Велико-Тырново в феврале 2013 года. К этому запросу прилагались протоколы телефонных звонков, сделанных отцом заявителей в ассоциацию «Телефоно Адзурро», его жалоба от 28 ноября 2012 г., «содержащая утверждения заявителей», а также отчет психологов Центра терапии отношений от 31 октября 2012 г., но в нем отсутствовали какие-либо указания в отношении «достоверности» различных утверждений отца заявителей. Тем не менее, хотя расследование уже началось, прокуратура в ответ начала новое расследование (под № 473/2013).

18. «Жалоба» в том виде, в котором она поступила органам власти Болгарии, будь то через отца заявителей (в ноябре 2012 года), итальянскую и болгарскую прессу (11 января 2013 г.) или органы власти Италии (начиная с февраля 2013 года), создает более глубокую проблему, которая, на наш взгляд, должна быть принята во внимание при любой оценке эффективности расследований, проводившихся по этим утверждениям. Эта проблема связана с характером и «достоверностью» различных компонентов этой жалобы.

19. Из имеющихся в распоряжении Европейского Суда документов ясно следует, что утверждения заявителей и/или их отца содержали по меньшей мере два отдельных компонента. Первый заключается в ненадлежащем сексуальном поведении между детьми в детском доме и в возможном злоупотреблении в отношении заявителей (или некоторых из них) со стороны других детей, второй – в сексуальных злоупотреблениях в отношении детей со стороны взрослых, на попечение которых они были переданы в детском доме, и/или их сообщников и подрядчиков. Изучение достоверности этих различных компонентов «жалобы» в том виде, в котором она поступила органам власти Болгарии, неизбежно требовало тщательного анализа того, каким образом утверждения заявителей были доведены до сведения органов власти Италии и расследованы ими, а также того, каким образом эти утверждения были доведены до сведения органов власти Болгарии. В конце концов, ответ органов власти Болгарии, особенно в контексте международной взаимной правовой помощи, может быть определен и в итоге оценен только с учетом характера и качества информации/доказательств, предоставленных им органами власти государства проживания предполагаемых жертв. Однако большинство судей полностью воздержались от проведения подобного анализа.

¹ Так в тексте. Вероятно, имеется в виду районная прокуратура г. Велико-Тырново (примеч. переводчика).

20. Принимая во внимание доказательства в том виде, в котором они кратко приведены в настоящем Постановлении, и, разумеется, не заслушав доводы властей Италии, нам представляется очевидным, что имелись серьезные недостатки в том, каким образом об утверждениях заявителей стало известно и каким образом они были расследованы органами власти Италии, что скомпрометировало (за неимением лучшего слова) реакцию органов власти Болгарии. Речь идет о следующем:

а) первоначальные утверждения, сделанные в сентябре–октябре 2012 года и сформулированные заявителями, как представляется, достаточно спонтанно, касались исключительно ненадлежащего сексуального поведения между братом и сестрами и между другими детьми в детском доме (см. §§ 19–28 настоящего Постановления);

б) первая беседа с заявителями, состоявшаяся в октябре 2012 года и являвшаяся, безусловно, предметом видеозаписи, не была проведена ни уполномоченными органами власти Италии или по их поручению (в действительности отец заявителей решил не обращаться к властям; см. § 38 настоящего Постановления), ни в помещениях, предназначенных или приспособленных для этой цели, ни специально подготовленными для проведения этих следственных бесед специалистами. Представляется, что заявители были опрошены в терапевтическом центре, и хотя опросившие их психологи являлись специалистами по вопросам насилия в отношении несовершеннолетних (см. § 15 настоящего Постановления), их роль в лучшем случае была смешанной консультативной/следственной. На самом деле, когда в качестве членов группы консультантов заявителей они приняли участие в заседании Большой Палаты Европейского Суда и попытались ответить на вопросы судей, стало ясно, что их роль явно не являлась ни отдельной, ни независимой¹;

с) первая беседа, в отношении которой в настоящем Постановлении отмечается, что заявитель «с трудом говорил по-итальянски и попросил, чтобы его приемный отец присутствовал во время беседы. Тот помог ребенку объяснить, что он хотел сказать» (см. § 18 настоящего Постановления). Роль отца, который, со всей очевидностью, плохо говорил или вообще не говорил по-болгарски, и характер помощи которого с «переводом» в интересах заявителей неясен, занимает, таким образом, достаточно важное место в утверждениях в том виде, в котором они были сформулированы;

д) важно то, что именно отец был человеком, которому или через которого утверждения о сексуальном насилии, предположительно совершенном

взрослыми, были сообщены в первый раз, сначала со ссылкой на то, что это произошло на «дискотеке». Только когда заявителям пришлось отвечать на наводящие вопросы относительно того, «что делали «взрослые» в детском доме» (см. § 32 настоящего Постановления), они начали говорить о ненадлежащем сексуальном поведении со стороны взрослых. Однако, как отмечено в § 33 настоящего Постановления, именно «отец заявителей сказал [тогда], что N., которого он считает одним из сотрудников детского дома, сначала надругался над заявителем, затем над другими детьми, и другие взрослые, по его мнению, также были вовлечены в это». Только после этого заявитель указал на взрослых K., Da., O. и P.;

е) частью соответствующего контекста в том виде, в котором он был доведен до сведения органов власти Болгарии и, таким образом, стал известен им, является, однако, и тот факт, что, как только приемные родители узнали об утверждениях о ненадлежащем сексуальном поведении между детьми, их немедленная реакция заключалась в угрозах отправить первого заявителя в Болгарию. Данный факт был впервые зафиксирован в отчете, составленном по итогам встречи, состоявшейся 2 октября 2012 г. между заявителями, психологом и педагогом (см. § 14 настоящего Постановления). Хотя подлинность этого упоминания была оспорена при рассмотрении дела Большой Палатой Европейского Суда, она ни разу не оспаривалась в ходе разбирательства дела органами власти Болгарии (ни при рассмотрении дела Палатой Европейского Суда), и это упоминание было официально доведено до сведения властей Болгарии в январе–феврале 2013 года. Реакция родителей была также подтверждена представителем Комиссии по международному усыновлению Италии, которая в соответствии с протоколом заявила, что приемные родители выдвинули это предположение в момент паники ввиду серьезности выявленных фактов (см. § 62 настоящего Постановления). Это, естественно, согласуется с информацией, представленной самим детским домом в ходе первого расследования, проведенного Национальным агентством по защите детей, и согласно которой «итальянская семья намеревалась... удочерить двух девочек. Семья пошла на уступку, взяв также их 11-летнего брата», а также с заявлением психолога детского дома, зафиксированным в отчете полиции от 5 июня 2013 г., согласно которому «при первых встречах с будущими приемными родителями заявитель был расстроен тем, что они якобы уделили больше внимания его сестрам» (см. § 72 настоящего Постановления);

ф) все последующие утверждения и детали (все более подробные) по поводу предполагаемого сексуального насилия в отношении заявителей (а также других детей детского дома) со стороны взрослых также были получены от отца или роди-

¹ Приложение к Регламенту Европейского Суда предусматривает механизм, посредством которого по запросу Высокой Договаривающейся Стороны или по своей инициативе Европейский Суд может заслушать экспертов в делах, в которых это оправданно.

телей заявителей (см., например, жалобу, направленную 22 ноября 2012 г. в Комиссию по международному усыновлению (см. § 45 настоящего Постановления), письмо, отправленное отцом заявителей в ассоциацию «Телефоно Адзурро» 1 декабря 2012 г. (см. §§ 46–47 настоящего Постановления), а также жалобу, поданную в полицию Италии 21 декабря 2012 г. (см. § 48 настоящего Постановления));

г) даже в ходе допроса прокурором по делам несовершеннолетних в присутствии психолога 8 апреля 2013 г. как у заявителя, так и у первой заявительницы «уровень владения итальянским языком... был еще достаточно ограниченным, и лицам, которые их допрашивали, пришлось объяснять им значение некоторых слов, таких как “раздевать” или “грудь”, содержавшихся в их вопросах» (см. § 83 настоящего Постановления). Что немаловажно, даже на тот момент «[п]о собственной инициативе они не говорили об обвинениях в сексуальных злоупотреблениях». Они сообщили об этом только тогда, когда прокурор задала им прямые и наводящие вопросы об их неподобающем поведении и/или об аспектах, упомянутых ими в октябре 2012 года, а показания заявителя содержали ряд противоречий (см. §§ 84–87 настоящего Постановления);

h) в ходе той же встречи «[в] ответ на ряд вопросов» первая заявительница подтвердила, что никогда не видела взрослого человека голым, ни один взрослый не трогал ее и что ее никогда не фотографировали (см. § 90 настоящего Постановления).

21. С учетом вышеизложенного мы не можем не думать, что в действительности любое доказательство предполагаемого сексуального насилия, которому якобы подверглись заявители, разумеется, в той мере, в которой оно касается злоупотреблений, предположительно совершенных взрослыми, было скомпрометировано тем, каким образом родители, психологи и органы власти (в той мере, в какой они принимали в этом участие) рассмотрели первоначальные утверждения заявителей в Италии. Вместе с тем мы разделяем мнение о том, что органы власти Болгарии столкнулись с «обоснованными» утверждениями о ненадлежащем сексуальном поведении между детьми в детском доме и о возможном сексуальном насилии, совершенном другими детьми в отношении некоторых из заявителей.

22. При рассмотрении с точки зрения статьи 3 Конвенции вопроса о том, были ли эти утверждения предметом надлежащего, оперативного и независимого расследования, в ходе которого были применены вышеперечисленные общие принципы, неизбежно напрашивается вывод о том, что именно так и произошло. В конце концов, до какого-либо официального уведомления со стороны органов власти Италии Национальное агентство по защи-

те детей и соответствующий прокурор приступили к проведению детальных междисциплинарных расследований, касавшихся условий жизни в детском доме и управления этим учреждением. Как только об этом был подан запрос, в феврале 2013 года было начато еще одно расследование, в процессе которого были проведены другие междисциплинарные расследования, которые привели к составлению отчетов полиции от 6 марта (см. § 68 настоящего Постановления) и от 5 июня 2013 г. (см. § 72 настоящего Постановления). Прекращение этих расследований в ноябре 2013 года стало впоследствии предметом надзора, осуществленного в свете новых материалов, представленных органами власти Италии, и было подтверждено сначала окружным прокурором (см. § 105 настоящего Постановления), затем соответствующей апелляционной прокуратурой (см. § 110 настоящего Постановления) и, наконец, прокуратурой при Верховном кассационном суде Болгарии (см. § 111 настоящего Постановления).

23. Даже если, оглядываясь назад, можно было бы сказать, что эти расследования могли быть проведены иначе, на наш взгляд, ясно, что отсутствуют какие-либо основания, позволяющие нам сделать вывод, что органы власти Болгарии не выполнили возложенное на них статьей 3 Конвенции обязательство по проведению расследования.

24. У нас больше сомнений в том, могут ли в действительности утверждения о сексуальном насилии, предположительно совершенном взрослыми (в том виде, в котором они были доведены до сведения органов власти Болгарии), в настоящем деле приравниваться к достаточно «обоснованному» утверждению, чтобы привести к возникновению предусмотренного статьей 3 Конвенции обязательства по проведению расследования. Однако даже если предположить, что это так, форма, в которой они появились и развивались со временем, со всей очевидностью негативно сказалась на их достоверности, и это не осталось без последствий, что касается следственных действий, которых Европейский Суд мог правомерно ожидать от внутригосударственных органов власти, обязанных соблюдать права, гарантируемые Конвенцией лицам, в отношении которых эти действия могут быть осуществлены, в том числе право заявителей не подвергаться излишним мерам, неизбежно влекущим за собой риск причинения им новой травмы.

25. В этом контексте мы также полагаем, что трудно обвинять власти Болгарии, как это делают большинство судей (см. § 208 настоящего Постановления), в том, что они не обратились с запросом о проведении нового допроса заявителей. Как справедливо отмечено в Лансаротской конвенции, передовая практика заключается в обеспечении того, чтобы «количество опросов [детей] было настолько минимальным, насколько это возможно, и чтобы они проводились лишь

по необходимости для цели уголовного разбирательства» (см. подпункт «е» пункта 1 статьи 35 Лансаротской конвенции). В конкретных обстоятельствах настоящего дела трудно сказать, какой была бы дополнительная ценность новых опросов. Заявителей уже неоднократно допрашивали, и последний опрос был проведен прокурором суда по делам несовершеннолетних 8 апреля 2013 г., более того, этот опрос был записан на видео. К тому же в материалах дела отсутствуют какие-либо указания на то, что новые опросы позволили бы устранить противоречия, имевшиеся в показаниях заявителя, и решить проблему недостатка достоверности, связанную с тем, каким образом первоначальные опросы были проведены. Помимо этого, имеющиеся данные ясно свидетельствуют о том, что новые опросы травмировали заявителя (см. §§ 85–86 настоящего Постановления).

26. Соответственно, с учетом имеющейся в распоряжении Европейского Суда информации нам представляется очевидным, что в настоящем деле

утверждения заявителей не были достаточно достоверными и обоснованными, чтобы санкционировать применение тех мер, которые большинство судей рассматривают в §§ 208, 211 и 214–223 настоящего Постановления, и установить, таким образом, нарушение предусмотренного статьей 3 Конвенции обязательства по проведению расследования в связи с непринятием подобных мер.

IV. Заключение

27. В целом, как и Палата Европейского Суда, мы полагаем, что с учетом имеющихся в распоряжении Европейского Суда документов нельзя «сделать вывод, что власти Болгарии нарушили свое процессуальное обязательство провести эффективное расследование по утверждениям заявителей. Следовательно, властями Болгарии в связи с этим не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции...» (см. § 106 Постановления Палаты Европейского Суда).